

ПИОНЕР

ИЮНЬ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1964 г.

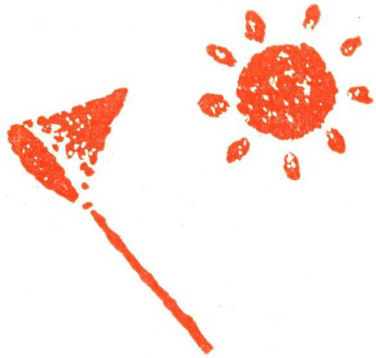
ПИОНЕР

Год издания 41-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЛЕТО

Инна КАШЕЖЕВА

Рисунки Е. Монина.

Речки голубая лента
В косу луга вплетена...
Это наступило лето,
Это кончилась весна.
И на свете столько света,
В мире только новизна!..
Что такое лето?
                    Это —
Повзрослевшая весна.
Летом все совсем иное:
Хлеб в апреле озорном
Был малюсеньким зерном,
А теперь стоит стеною.
Все вокруг полно чудес...
Сколько сказок собрано!
Небо, Солнце, Поле...
Лес —
        вот уж чудо из чудес,
Вечером особенно!
Ты гори, костер, гори!
Лейся, песня, лейся!
И светло, как от зари,
На поляне леса...
Ты гори, костер, гори!
Пусть песни льются над тобой,
Пока трубач не даст отбой
Золотой своей трубой.

ИЮНЬ-1964

№ 6

издательство „Правда"

Слово в дорогу

В. СТЕПАНЕНКО

Перед походом, задолго до той минуты, когда рюкзаки вскинуты на плечи и отряд построился на прощальную линейку в школьном дворе, вы учитесь, ребята, как обуваться, чтобы не намозолить ноги, как укладывать рюкзак, чтобы все было под рукой, что брать с собой, а чего не брать, и многому другому, полезному для путешественника.

Мне тоже не раз за свою жизнь приходилось укладывать походный рюкзак: сперва — когда я сам еще носил красный галстук, потом — взрослым, когда я ходил в походы с пионерами и когда отправлялся в путь как журналист и писатель на поиски фактов, событий, людей.

Я знаю цену хорошо уложенному рюкзаку и непромокшим спичкам. Но сегодня я буду говорить с вами о другом, не менее важном.

Умеете ли вы видеть? Умеете ли узнавать, быть следопытами жизни, зоркими охотниками за всем прекрасным, что скрыто в природе и в людях? Да, именно охотниками! Открытия и находки сами в руки не даются. Их надо искать. Даже гриб в лесу не возьмешь, если не умеешь искать.

Я расскажу вам об отряде, который не умел смотреть, а потом научился. Началось еще в поезде, с той самой минуты, как электровоз тронулся и перезвон буферов от вагона к вагону сказал пассажирам, что они уже в дороге. Тревожной радости полна эта минута!

Все впереди! Хорошие люди, которых я встречу; леса и горы, которые я не знал и узнаю; новое даже в давно знакомых, виденных и перевиденных местах...

Оно уже началось, это новое. Оно летит нам навстречу мимо окон вагона, хотя поезд еще идет сквозь Москву. Вот целый квартал домов, которых не было прошлой осенью. Широкая заасфальтированная улица. Насквозь просвеченный солнцем заводской корпус. Белые ряды березок молодого парка... Потом пошли подмосковные леса с кудрявыми опушками, с прозеленью солнечных полян, с лесными дорогами, уводящими прямо в сказку.

Но ребята не видели ни новорожденных улиц, ни березового парка, ни завода, похожего на дворец. Они вообще не смотрели в окна. Сидели на лавках и пели одну песню за другой, выдавая их, как с конвейера. Петь — это хорошо. Но не так. Они пели, будто решили поставить рекорд на громкость и на продолжительность пения. Они пели до хрипоты. Пели так, будто именно для этого отправились в путь и ни до чего другого им дела нет.

Я подумал: «Может, они считают, что путешествие начнется, когда приедем в Свердловск? Но ведь сколько они пропустят!» И я попробовал привлечь их внимание к чуду, которое называется дорогой. Они немножко посмотрели в окно и снова деловито затянули песню.

На соседней скамье сидел бородатый

старик с колодкой боевых орденов на штатском пиджаке. (Может, партизан? Герой Отечественной?) Он спросил:

— Далеко ли путь держите, ребята?

Сидевший с краю мальчик вежливо ответил за всех:

— На Урал,— и пустился «вдогонку» за хором.

Потом ели. Потом спали. Потом играли в настольные игры, будто мы сидим в пионерской комнате и никуда не уезжали.

Тогда я рассердился и решил ничего больше не говорить ребятам. Нельзя же насильно заставить их волноваться, смотреть, мечтать! Пусть сами учатся, пусть сами поймут, а я подожду.

И вот Свердловск. Столица трудового Урала. Здесь завод «Уралмаш». Эту марку знает вся страна. Здесь рождаются могучие прокатные станы. Отсюда выходят шагающие экскаваторы, способные за один раз выгрызть своим зубастым ковшом двадцать пять кубометров грунта. «Уралмаш» завод заводов! На него даже снаружи взглянуть, и то интересно.

Завтра с утра мы выйдем по маршруту. А сейчас, до ужина и сна, у нас три часа свободных.

— Куда пойдем, ребята?

— В кино,— дружной разноголосицей прозвучало в ответ.

Ранним утром мы шагали по мягкой пыли проселка среди полей. Над нами вился жаворонок. Он пел? Вероятно! Но ребята не слышали за собственной песней.

Под песню хорошо шагать. Это верно. Но жаворонка уже не услышишь. Под песню хорошо шагать, и мы шагали по холмам и ложбинам, по шаткому мостику через речушку, по улице села со старинными избами в кружевных наличниках и карнизах. Старая женщина дала ребятам испить водицы.

За околицей мальчишки с азартом гоняли мяч. Приостановив игру, они проводили нас взглядом — молча, как и напоившая нас хозяйка. Уральцы — народ не болтливый, сдержанный. Путника они приветят. Спросишь — расскажут. Ну, а пройдешь мимо — скатертью дорога, держать не станут.

Кончились поля, дорога вошла в лес. И лес притих в испуге от надсадных криков,ауканья. Мы прошли бы сквозь лес, как пуля навылет, если бы не сбились с пути. Мы поняли это, когда вышли на просеку у межевого знака ровно через час после того, как прошли такую же просеку с таким же знаком.

Такую же или ту самую? Этого мы сначала не могли сказать наверное, но нам казалось, что и кривую осинку и вывернутую ель мы видим во второй раз. Но когда нам на глаза попался опрокинутый мухомор (кто-то из ребят наподдал мухомору у первой просеки), сомнений уже не было.

Мы вернулись и пришли к избушке лесника, мимо которой перед тем прошли.

Лесник, пряча улыбку в усах (как это, мол, люди простых вещей не знают!), проводил нас до той самой просеки, где мы поняли, что заблудились. Показав на тот самый межевой знак, он сказал:

— Вот вам компас!

И ребята с удивлением услышали, что перекрестие цифр на знаке ориентировано по странам света и показывает, где юг, где север, где запад, где восток.

Но по дороге к вырубке ребята с помощью лесника открыли еще десятки лесных секретов: что муравьиные города построены всегда с южной стороны древесного ствола; что седые кудри лишайников покрывают ствол только с севера; что го-

Лисам в питомнике вычесывают шерстку. Вот как приходится их держать.

дичные кольца на свежесрубленных пеньках более широки с южного края.

— Вон кислица знак подает, что дождь будет.—Лесник кивнул на плотно сомкнувшиеся венчики и сложенные пополам листочки.— Да и зяблик про то же скрипит. Слышите?

Зяблик действительно скрипел. Ребята услышали, потому что забыли кричать и аукаться. И тогда они вдруг услышали не только зяблика, но и весь лес с его наполненной голосами тишиной.

А дождь действительно стал накрапывать, лесник предложил переждать у него, благо недалеко отошли.

Спасибо дождю! В лесной избушке услыхали ребята, как лесник прививает кедр на сосну. Узнали и про питомник серебристых лисиц.

— Разве никто не сказывал вам, когда вы селом шли? — удивлялся лесник.

Ребята молчали.

— Лисы ихнего колхоза. И пионеры тамошние за лисами помогают смотреть. С ребятами-то вы, поди, перемолвились?

Нет. Не перемолвились. Кто-то смущенно выжал из себя, что только с одной женщиной «перемолвились»: в крайней избе пить попросили.

— А, Матвеевна? Тоже знаменитая личность. На всю округу первая сказительница. Тут когда-то бои с беляками шли, так она про эти бои очень уж складно сказывает, за сердце берет. Профессора из Свердловска приезжали, записывали. И в книжечки и на ленту.

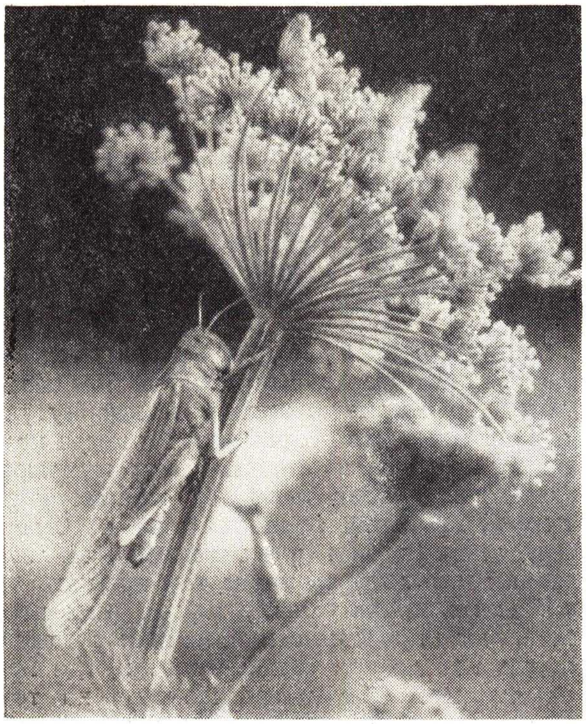
Дождь перестал. Мы простились с лесником и вышли на нашу походную тропу. Но ребята не спешили продолжать путь. Они шептались о чем-то, спорили вполголоса: «Ты»... «Нет, ты»... Наконец один, подталкиваемый для бодрости остальными, сказал:

— Владимир Иванович! Давайте вернемся...

Мы вернулись, и подружились с ребятами, и видели лисиц, и слушали, как поет свои сказы Матвеевна. Мы положили полевые цветы на могилу красных бойцов — тех, о которых Матвеевна пела.

Мы прошли весь маршрут и везде увидели столько, что в десяти книжках не напишешь. Было все: и костры на привале, и песня у костра, и тишина, которую научились слушать. А «Уралмаш» видели на обратном пути.

Вот и все о ребятах, которые научились видеть и искать.

Чтобы это увидеть, надо смотреть, надо любить поиск.

А. Пенькова

Про Аркашку, часы и тётеньку...

Рисунки Е. Мигунова.

...Подхожу это я вчера вечером к ребятам, чтобы выложить им про все, что со мной приключилось. И про тетеньку с египетскими глазами и про все остальное... А они смотрят как раз на «ту самую» наклейку, только уже наполовину сорванную. И Аркашка (мы его еще «Фитилем» зовем: уж больно он какой-то... продолговатый) говорит, как всегда «а-акая», вроде заикаясь:

— Гля-ади, ма-альки: неужели нашелся дура-ак, который вернул ей часы с бра-аслеткой?!.. На вознаграждение, простофиля, позарился, не ина-а-че...

И тут я сразу же плотно сжал разинутый было рот и даже назад подался. Потому что — ну, кто захочет добровольно признать себя простофилей и дураком? К тому же всенародно. Да еще перед Фитилем, перед которым я всегда почему-то пасую. Хоть и ненавижу его последнее время за эту, как наша новоладожская бабушка говорит, «американскую захмычку» всеми помыкать да обжуливать доверчивых «мальков». И ведь знаю, что парень он нестоящий: ни тебе мячом в ворота угодить, ни толково в шахматы сыграть. Только и умеет, что высмеять каждого. Да уж так, что иного до слез доведет!..

Помню, купила мне как-то мама пальто: сукно в клеточку и то-олстое, не сразу порвется, если даже за гвоздь зацепишь. Я радовался сначала, не вылезал из него, то воротник на затылке торчком поставлю, то рук из карманов не вынимаю...

А Аркашке мое пальто почему-то не понравилось. И стал он меня изводить, хотя сам ходил в каком-то с оторванным хлястиком, а на спине зеленой краской выпачканном...

— Гля-ади, мальки,— начинает, бывало, он, как я только выйду в своей обновке во двор, — Вовка-то наш опять вырядился! Ишь, весь в ша-ашечках. А сукно-то, сукно: драп-дерюга, две копейки километр!..

И что вы думаете? Невзлюбил я свое новое пальто. И все норовил то старенькое накинуть, а оно уж обшарпанное совсем и рукава до локтей, то, если мамы дома нет и бабушка у нас не гостит, в одном пиджачке выскакивал. Хоть у самого потом от холода зубы дребезжали... Понимаю, конечно, что глупо это все. Плюнуть бы давно на Фитиля. А вот не могу! До сих пор теряюсь, когда он своим ядовитым языком ко мне цепляется. Вот и вчера тоже смалодушничал да так ребятам ничего и не рассказал. А случай со мной произошел интересный...

Заявился это я после уроков из школы и, как всегда до маминого прихода, сначала в магазин за булкой, потом ведро с мусором побежал выносить, а заодно дорожку ракеткой выбил (это уж моя «штатная» обязанность по субботам). И только хотел было обратно к себе на четвертый этаж, как вдруг вижу: у бачка с продуктовыми отходами между рассыпанных очисток блеснуло что-то... Тронул ракеткой — часы! Красивые, может быть, даже из настоящего золота! Да еще с браслеткой!.. И тикают...

Вот, подумал я, и мне наконец счастье привалило. Неправильно, конечно, подумал, сгоряча. Потому что нашел я не свое счастье, а чужую беду. И когда стал я этак раздумывать и в мыслях примерять такую потерю к себе, к своей маме, то уже не ликовал и по лестнице через две ступеньки не перепрыгивал, а поднимался, как нормальный человек. И в квартире я не буйствовал от радости, а спокойненько так взял перочинный нож и отковырнул у часов заднюю крышку, чтобы сосчитать, сколько внутри каких-то там камней. Но ни одного из них я

не обнаружил. Зато увидел маленькую-маленькую надпись: «В наш день!» И рядом — завитушка: несколько кудрявых букв одна на одну наложены... Разобраться в часах детальнее я не успел, потому что пришла мама, и я, как всегда, бросился ей навстречу, чтобы взять из ее рук футляр с чертежами, с которыми она и в выходной не расстается, и сумку с продуктами.

Взял, положил куда следует, а про часы молчу. Нет, не почему-нибудь, а просто я последнее время выдержку в себе вырабатываю, волю тренирую.

Вот мама уже и руки помыла и салат помидорный колечками из лука украсила... И вдруг, представьте, сама же первая про «это самое» и начинает:

— Бумажку сейчас на нашем углу прочла. Видать, только что вывешена, еще сырая от клея. Часы женщина утеряла. Ну и, понятно, просит вернуть, если их нашел кто...

Тут уж я всякую выдержку в сторону и находку свою прямо перед удивленной мамой на стол и выложил, рядом с узорчатым салатом... А про ту, что успела уже бумажку приклеить, подумал недавно вычитанным словом: «Оперативная гражданочка. Не успела потерять — и уже, пожалуйста, беги к ней, неси ей часы с завитушками... А у них, может быть, в потемках еще циферблат засветится. К тому же, хоть сама мама и помалкивает, а было бы неплохо, я думаю, если бы часы эти самые пусть один день да у нее на руке покрасовались. Вместо этой тяжеленной «Звезды» на кожаном ремешке. Только знаю, не такая она у меня, чтоб в чужое вырядиться! И почему на меня так выразительно посматривает, тоже понимаю. Ждет: как, мол, ты сам-то, Вовик, с находкой распорядишься?..

А что на меня посматривать? Тут и раздумывать-то нечего. Я уже давно, хоть мне и не очень-то этого хочется, часы решил отнести. Решил и, забыв на этот раз про выдержку, сразу же сообщил обо всем маме.

А она улыбнулась в ответ и ласково шлеп-шлеп меня по щеке...

Побежал я. Завернул, правда, сначала на наклеечку посмотреть: адрес уточнить да и так — интересно все-таки, как такие бумажки составляются: вдруг и мне когда придется?

Смотрю: висит, подсохла уже. Читаю: «Люди, кто нашел дамские часы с браслеткой, очень прошу вернуть. За вознаграждение». И адрес. Совсем рядом: соседний дом.

Ну и везет мне! Во-первых, часы нашел, и именно я, а не кто другой, хотя в Ленинграде больше трех миллионов населения. Во-

вторых, относить их совсем недалеко, успею после этого нагуляться. В-третьих, еще и вознаграждение!.. Интересно: трояк, наверно, даст, не меньше. Только мне, если нужно, трояк и мама даст. И вообще она деньги от меня никогда не прячет. Без спроса лишь бы не брал. А так — на книги или радиодетали — никогда не откажет!..

Вот разыскал я двенадцатую квартиру, как в бумажке было сказано. Позвонил, вошел, поздоровался, конечно. И сразу же догадался, что тетенька, которая мне открыла, и есть «та самая»: очень уж она на меня выжидательно уставилась. А у самой глаза, как у древних египтян на картинках по истории: длинные-длинные, я даже не сразу разобрался, красиво это или нет. А в черных пушистых волосах широкая седая полоса. Платье же совсем простенькое, и на руках еще пятна от мастики не отмылись, как и у моей мамы после уборки бывает.

Когда я, спокойненько так, упомянул про объявление, женщина обо всем сразу догадалась. И как схватит меня за плечи, да как потащит в комнату! А там чистота, все прибрано, и посередине качалка стоит! Кресло такое, в кино их часто показывают, а в жизни я их до этого ни разу не видел. Вот бы, думаю, мне эту штуку, «в вознаграждение»! Уж я бы оттуда не вылезал, и уроки бы там приловчился готовить. А после работы мама бы в ней перед телевизором покачивалась...

Но, вижу, тетенька про обещанное будто бы и забыла вовсе, а только со своими часами возится и возится: то к уху их приложит, то на руку нацепит... И все на портрет, что висит на стене, посматривает: нашлись, мол, те самые, что «В наш день»... А на портрете — летчик. В форме, когда еще без погон ее носили. И на уголке портрета — черная ленточка наподобие гипотенузы повязана...

Смотрю я на эту печальную ленточку, которая так не подходит к веселой улыбке и смелому размаху бровей этого, будто живого лица, и думаю: «Вот уж кто, наверно, по-настоящему свои годы прожил!»

Потом, как бы со стороны, я посмотрел на себя: «А ты? Первый раз представился случай правильное дело сделать — и уже качалку тебе подавай? ...Да на ней, может, вот этот самый летчик после работы отдыхал, и она теперь здесь в квартире вроде музейной ценности! И вообще, как не стыдно так забываться?! А еще выдержку тренируешь, волю закаляешь, сам же против вознаграждения устоять не можешь...»

И тут я решительно повернулся было к двери. Но тетенька заметила это и, будто вспомнив что-то, снова уставилась на меня своими черными египетскими глазищами, в которых теперь, честное слово, сверкали слезинки!..

— Милый мой паренек,— сказала она ласково, — просто ума не приложу, чем и отблагодарить-то тебя!.. — И пока я, отказываясь, что-то мямлил в ответ, она вдруг подошла к темному резному шкафу и распахнула его дверцы...

Ах, если бы вы видели, сколько там стояло и лежало всяких книг! И какого «Графа Монте-Кристо» подала мне она оттуда!.. Название на корочке золотом поблескивает, а внутрь заглянул: картинки — глаз не оторвешь, и каждая тонюсенькой прозрачной бумажкой переложена. А шрифт — выразительный, так и притягивает, и всюду твердые знаки на конце слов и разные другие старинные буквы... Только я и здесь выдержку сохранил и даже от такого вознаграждения отказался!

— Ну, так возьми просто так, на память!— рассмеялась женщина.

И «просто так», «на память» я взял. Поблагодарил, конечно, и не к ребятам сначала, а маме показать. К ребятам-то я уже потом, намного позже...

Вот и вся моя вчерашняя история.

Теперь скажите: разве я дурак, простофиля? Да нет, конечно... А если уж и «да», то только потому, что опять «сдрейфил» перед Аркашкой. А пора бы его осадить, ох, пора бы! И я как-нибудь обязательно это сделаю!..

Все, о чем вы, ребята, прочитаете в этом рассказе, было на самом деле.

Двенадцатилетнего мальчика Степана Баца фашисты угнали в Германию и бросили в одну из «фабрик смерти» — концлагерь Бухенвальд.

В этом лагере узники создали подпольную организацию и стали готовить вооруженное восстание. Подпольщики крали из-под носа у эсэсовцев оружие, изготавливали самодельные гранаты. Они мастерили приемник, по которому принимали сообщения о победах Советской Армии, и даже собрали радиостанцию.

Когда фронт приблизился, подпольная организация лагеря вышла на открытую борьбу с фашизмом. 11 апреля 1945 года узники Бухенвальда подняли восстание и полностью захватили лагерь в свои руки.

Степан Бац вернулся домой. Сейчас он живет на Украине, в селе Николаевка, и работает в колхозе заместителем председателя сельсовета. А в Германской Демократической Республике у него есть друг — коммунист Фриц Унгер. И дружба эта давняя. Началась она в Бухенвальде...

Только через шестнадцать лет они — С. Г. Бац и Ф. Унгер — встретились вновь.

Анатолий СОЛОДОВ.

Рисунки Е. Медведева.

Над сожженным селом остановилась ночь. Чудом уцелевшие хаты, вербы и тополя сжались от страха. Нигде ни огня, ни тени. Кругом безмолвная, настороженная темнота. И тишина такая, что, кажется, дунь ветер спросонок — вздрогнет ночь испуганно-чуткой дрожью. Даже собаки, которых на селе осталось не более пяти, боялись брехать. Шорох заснул в траве, небо тоже заснуло и только робко веяло иногда на землю сверху едва ощутимой ночной прохладой.

Было два часа ночи. Степан вышел на улицу, постоял на пороге хаты, прислушиваясь,— ни звука. Он неслышно прокрался на задворки и, низко пригнувшись к земле, медленно пошел вдоль села. За вырубленными немцами садами находились невспаханные огороды. Степан вышел на узкую стежку, свернул в поле.

Мало-помалу глаза мальчика пригляделись к темноте: небо здесь было не таким темным и непроглядным, как над селом. Степан ускорил шаг, а немного погодя побежал. Что есть духу он перемахнул через горбатое поле и снова пошел шагом. До леса оставалось рукой подать. Около врытого в землю железобетонного дота, похожего на опрокинутую вверх дном большую миску, Степан остановился, на миг застыл на месте. Он присел на корточки и несколько раз коротко и негромко щелкнул языком, подражая разбуженной птахе:

— Тиу... Тиу... Тью-ю!..

Послышалось тихое шуршание в траве: кто-то шел из леса.

— Я думал, сдрейфишь,— приглушенно прозвучал мужской простуженный голос из темноты.

— Там караульные немцы расходились,— ответил Степан.— Пришлось ждать.

Они вошли в лес. Степан скинул с плеч большой пиджак, снял закатанные до колен брюки, старую отцовскую рубашку. Солдат одной рукой стал стягивать гимнастерку. Возился он долго, неуклюже и вдруг, застонав, медленно осел на землю.

— Дайте я помогу, — сказал Степан.

— Погоди.

Солдат лежал на холодной, росистой траве, запрокинув голову, и жадно глотал сырой лесной воздух, пахнущий крепким настоем хвои, сосновой смолы и прелых листьев.

— Вот штука какая... Осколок в левое плечо шлепнул, а правая рука — как плеть. Не работает, — точно оправдываясь за свою беспомощность, проговорил солдат.— А ну давай, хлопчик, потихоньку попробуй.

Степан осторожно приподнял правую руку солдата и медленно стал стягивать гимнастерку.

— Да она у вас тут на спине прилипла, — сказал Степан, ощупывая рукой задубелую корку под гимнастеркой.

— Снимай! — нетерпеливо приказал солдат.

Степан, зажмурив глаза, резко дернул гимнастерку.

— О-о-о! — охнул солдат, грузно опрокидываясь навзничь.

Прошла минута, другая, солдат приподнялся. Он размотал обмотки, снял галифе и переоделся.

— Можно я вашу пилотку себе возьму? — попросил Степан.

— А ну как немцы найдут?

— Не сыщут. Я ее заховаю, ни за что не найдут.

— Возьми.

Степан засунул пилотку под майку, аккуратно свернул солдатское обмундирование и спрятал под широкими мохнатыми лапами высокой елки.

Они вышли на лесную дорогу. Молчаливые, словно спящие крепким сном деревья вдруг расступились, и открылась полоса неба. Она была такая темная, что угадывалась только по слабому колебанию синевы и спокойному мерцанию звезд.

— А небо чуток разветрило, — сказал Степан и, показывая рукой вдоль дороги, добавил: — Идите, никуда не сворачивайте. Дорога упрется в хату с подковой на двери. Это и будет лесникова. С дедом говорить можно: он наш. Дойдете?

— Дойду, — уверенно сказал солдат. — Ну, сынок, спасибо тебе. Прощай.

— Прощайте, — ответил Степан.

Солдат обнял мальчика.

— Я еще вернусь, сынок. Вернусь.

Он резко повернулся и быстро пошел по дороге в темень леса. Степан молча глядел ему вслед.

Через неделю Степан попал в облаву. Случилось это вот как. В полдень мать послала его за водой. Он взял ведра, нацепил их на коромысло и вышел в проулок, ведущий к колодцу. Степан зачерпнул одно ведро, затем другое, и тут с улицы донесся шум. Он выскочил из проулка и замер: немцы и полицаи гнали толпу людей. Когда она поравнялась со Степаном, мальчик испуганно отступил к плетням. В это время из проулка вышел рослый худой полицай в немецкой каске и с автоматом в голых до локтей руках. Увидя Степана, он заулыбался холодноватыми глазами и скривил от удовольствия бескровные гу-

бы. Черный китель его был расстегнут, из-под него виднелась темная волосатая грудь.

Полицай подскочил к Степану и, ткнув его автоматом в спину, приказал идти вперед. Степан юркнул в сторону: хотел уйти, но его остановил окрик: «Куда? Убью!» Полицай еще раз толкнул его автоматом в спину, да так сильно, что Степан, чуть не упав, отлетел к толпе.

— Куда ведут? — спросил он у женщины, которая шла рядом.

— Та бис их знает.— Женщина плакала.— Хватают встречного-поперечного и гонят под штыком. Будто солдата какого-то шукают. Сказывают, ихние собаки в лесу гимнастерку унюхали.

Людей вывели из села. За околицей, возле деревянного моста с обугленными перилами и настилом, сплошь изрешеченным пулями и осколками, их ожидало несколько подвод. Немцы силой рассадили людей по телегам, и лошади, подгоняемые мотоциклетным треском, рысью понеслись прочь от села.

Степан сидел на последней телеге. В клубах пыли он увидел толпу, бегущую за подводами, и в ней свою мать.

— Степа!.. Сыночек! — кричала она, потрясая над головой сжатыми кулаками.

Степан схватился за край телеги: хотел спрыгнуть, но сильная рука полицая рывком бросила его на дно телеги. Люди, бегущие за телегой, не отставали. Тогда немец с последней подводы вскинул автомат и длинной очередью простучал в самую середину серого пыльного хвоста, который никак не мог оторваться от телег.

К вечеру немцы пригнали подводы на железнодорожную станцию Держаня. Здесь всех загнали в товарные вагоны, закрыли двери, а ночью состав отправили на Запад. Четыре дня и три ночи шел поезд в Германию. Ни капли воды и ни крошки хлеба не было во рту у людей. На четвертую ночь открылись двери. Всех выгнали на затемненную платформу. Немцы построили мужчин и женщин в две шеренги, пересчитали и повели в разные стороны по темному городу.

Колонну, в которой был Степан, разместили в бараках, огороженных колючей проволокой.

Лежа на деревянных нарах, Степан долго не мог заснуть. К рассвету усталость взяла свое: глаза его слиплись, и он задремал, да и то ненадолго. В шесть часов раздались громкие окрики.

— Встать! Встать! Встать! — прокатилось по низкому душному бараку.

Степан, будто его ударили хлыстом, вскочил и встал в шеренгу, которая выстроилась в проходе. После переклички люди, гулко стуча деревянными башмаками, потянулись в другой барак, при входе они хватали миски и протягивали их в окошко. Степану тоже налили мутной жидкой «кавы» и кинули кусочек эрзац-хлеба. Со всеми вместе он сел за длинный, как лента транспортера, дощатый стол и жадно стал хлебать остывшую бурду из брюквы.

Потом немцы погнали всех в шахту. Впервые в жизни Степан спускался под землю. В забое было прохладно и сыро, трудно дышалось. Темные угольные пласты тускло поблескивали в мутном, дрожащем свете шахтерской лампочки.

Степана поставили работать подручным к коренастому, неторопливому в движениях мужчине. На спине у него был пришит красно-белый круг. Он дал мальчишке лопату и тихо, чтобы не слышно было стоящему сзади немцу, сказал:

— Не очень-то налегай. С брюквенной «кавы» на такой работе много не протянешь. Тебя как зовут?

— Степан.

— А меня — 5875-й. Дома Василием Егоровичем звали. И фамилия была — Кудрявцев. Все, и большой и малый, по имени-отчеству величали. А тут подномерной.

— Что это у вас за круг на спине? — поинтересовался Степан.

— Немцы после побега метку такую приляпали. Вроде мишени, чтобы легче целиться, если еще раз побегу.

Он шагнул к пласту угля и монотонно, неторопливо принялся отбивать его киркой, а Степан лопатой стал откидывать в вагонетку. В забое было много воды. Она хлюпала под ногами и непрестанно капала за воротник, холодной змейкой сбегала по спине. Степан пытался найти сухое место, но куда бы он ни вставал, везде была вода. Так проработал он четыре часа. Начали ныть руки, он выпрямился, чтобы передохнуть, но тут из темного коридора забоя вышел немец и ударил его прикладом.

— Работать!

Степан снова взялся за лопату. Прошло еще шесть часов. Спина, руки и плечи налились тяжестью. Голова кружилась. Сколько он загрузил пустых вагонеток, не помнил. А немец назойливо стоял за

спиной.— Степан все время чувствовал на себе его взгляд.

Кудрявцев глотнул воды из помятой фляги, протянул ее Степану:

— Попей. На тебе лица нет.

Мальчик схватил флягу. Пил долго и жадно, большими глотками. Но вдруг в глазах у него потемнело, он пошатнулся, фляга выскользнула из его рук, звякнула и отлетела в сторону. Степан упал. Немец пнул его сапогом в бок.

— Ауфштеен! — закричал он.

Степан поднялся.

— Хинлеген! — скомандовал немец.

Мальчик не понял.

— Ложись, — шепнул ему Кудрявцев.

Степан лег.

— Ауфштеен! — повторил немец. Потом быстро стал выкрикивать: — Хинлеген! Ауфштеен! Хинлеген! Ауфштеен!

Степан едва успевал выполнять команду. Он задыхался. Поднимаясь, Степан зашатался и упал на спину. Немец ударил его ногой. Мальчик приподнялся, припал к вагонетке:

— Не могу. Кружится все.

— Саботаж! — заорал немец.

Кудрявцев бросил кирку и подошел к немцу.

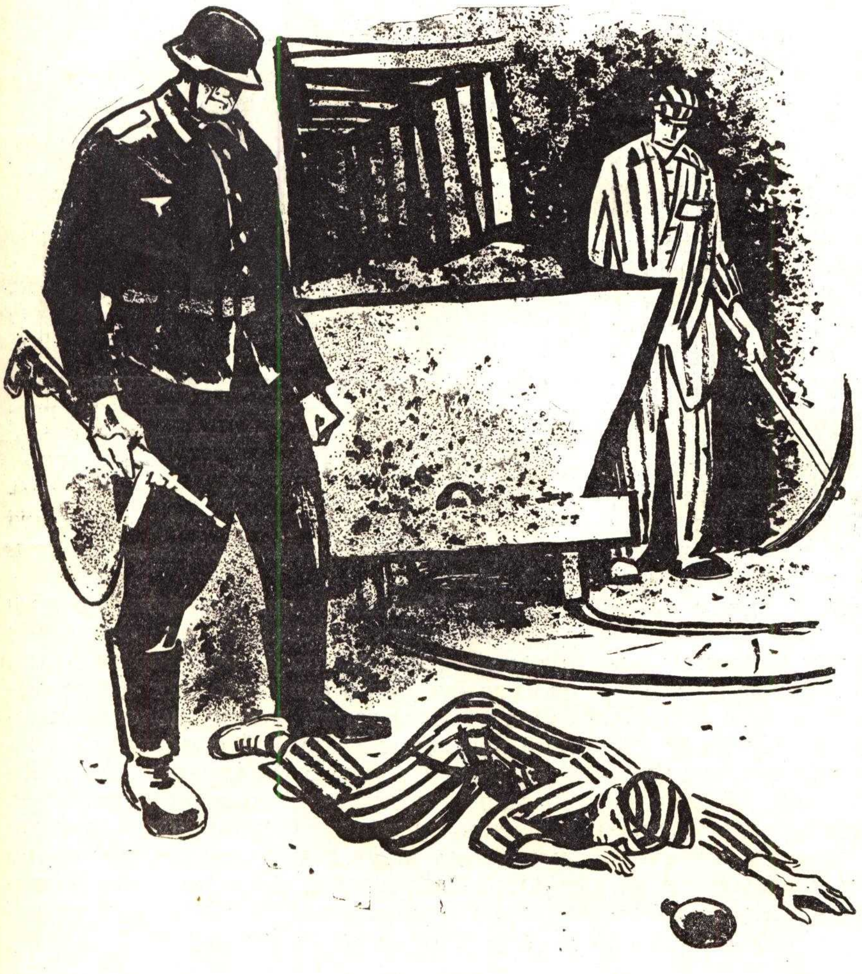
— Не надо. Плохо ему.

Кудрявцев не заметил, как немец замахнулся. Удар прикладом был настолько сильным и неожиданным, что Кудрявцев рухнул на груду угля. Из головы его сочилась кровь. Степан намочил платок и приложил его к ране. Немец сидел в стороне, курил и молча поглядывал на них.

Где-то далеко ударили в колокол.

— Пошли, Степан, — сказал Кудрявцев, вставая. Он оперся на плечо мальчика, и они медленно побрели к подъемнику.

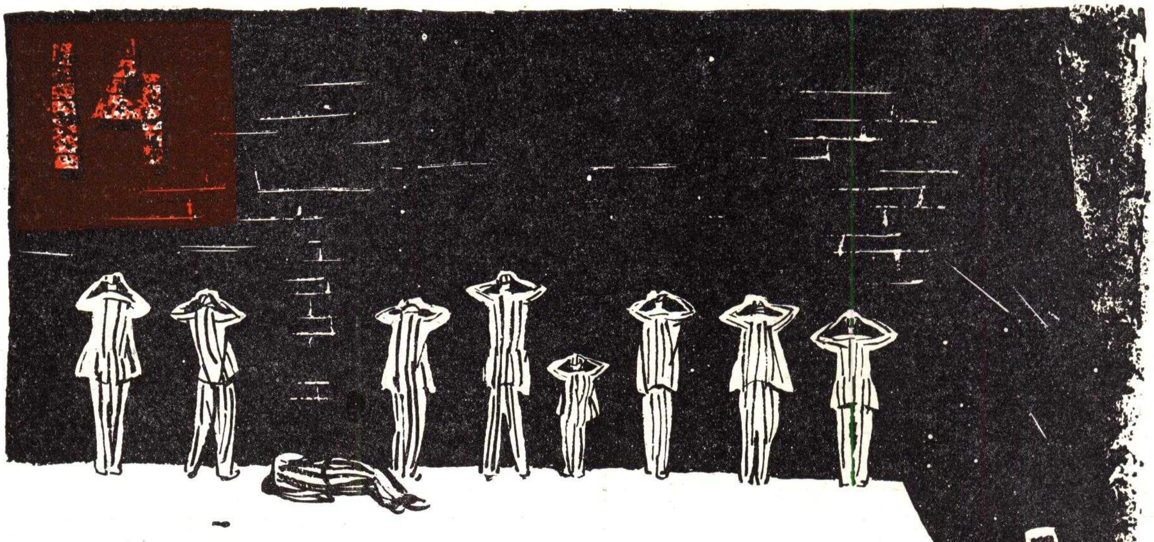
С вечерней переклички Кудрявцева угнали в карцер, а Степана и еще девятнадцать человек бросили в крытую машину без окон. Гулко захлопнулась дверь, и машина понеслась по гладкому шоссе.

Лагерь был огорожен двумя рядами колючей проволоки. «Смертельно! Напряжение — 550 вольт» — висел плакат на ограждении. По границе лагеря стояли вышки, на которых дежурили часовые с пулеметами.

После допроса эсэсовцы поставили заключенных лицом к кирпичной стене и приказали положить руки на голову.

«Конец»,— подумал Степан, и сердце его сжалось от страшной боли. Сзади расхаживали эсэсовцы и о чем-то громко разговаривали. Краем глаза Степан увидел, как стоящий слева от него человек повернул голову, и тотчас же прогремел выстрел. Человек ткнулся лицом в стену и, хрипя, сполз вниз.

Целый день простояли они так у стены, не шевелясь, и только вечером их загнали в одноэтажное кирпичное здание и приказали раздеться до пояса. Степан скинул полосатую куртку, подошел к столу. Белобрысый немец, гладко причесанный, с сонно-мутными, словно высохшие горошины, глазами, обмакнул в черную тушь квадратный штемпель и притиснул его к груди мальчика.

— Следующий! — нетерпеливо и раздраженно выкрикнул он, снимая с вертящейся подставки другой штемпель.

Степан стер черное, чуть расплывшееся пятно на груди и увидел точечные проколы. На припухшей, покрасневшей коже проглядывал зеленовато-синий номер — 7903.

Потом мальчика толкнули к немцу в черном клеенчатом фартуке, который быстро простриг машинкой полосу на голове, ото лба до затылка, третий выдал опознавательный номер и красный треугольный лоскут с буквой «Р», что означало: русский.

...Три месяца прошло, как Степана привезли в лагерь, но он все еще не мог привыкнуть к его порядкам. Мальчик слышал вокруг десятки языков, и ему казалось, будто вся Европа загнана сюда, за колючую проволоку, на смерть. Людей в полосатых куртках расстреливали, вешали, травили собаками, морили голодом, сжигали в печах. Планомерно и сосредоточенно работала фашистская машина уничтожения.

Степан слышал о существовании сорок шестого блока, из которого никто не возвращался, видел так называемую баню, в которой людей душили ядовитым «Циклоном Б», а после сжигали в печах крематория; видел большую квадратную его трубу, из которой целый день валил темный дым.

Нервы Степана были доведены до предела. Ко всем эсэсовцам он относился с такой напряженной недоверчивостью, что все существо его было как чутко настроенный аппарат, точно подсказывающий возможность любой опасности.

Работал Степан в столярном блоке. На большой циркульной пиле он распиливал короткие бревна на несколько прямоугольных брусьев. Для чего эти брусья, он не знал. Заключенный с зеленым опознавательным треугольником грузил их на тележку и отвозил куда-то.

Однажды к Степану подошел человек невысокого роста. Морщинистая кожа на его исхудалом лице была желтой и сухой. Полосатый костюм висел мешком на его костистом теле. К нагрудному карману куртки был пришит красный треугольник, а ниже номер — 2558. Степан вспомнил, что однажды видел этого человека около вещевого склада. «Немецкий политический заключенный»,— мелькнуло у мальчика в голове. Немец подал ему неширокую доску и, с трудом произнося русские слова, объяснил:

— Этот доска надо пилить на два половина.

Степан распилил доску. Немец взял обе планки.

— Это для полка. Стеллаж,— пояснил он.

Через два дня он пришел опять. А потом еще и еще раз и все время с какой-нибудь незначительной просьбой. Как-то раз он внимательно огляделся по сторонам — нет ли кого поблизости — и, будто разговаривая с самим собой, негромко произнес:

— Советская Армия разбила фашистский зольдат на Волга и на Кавказ.

Степан не поверил своим ушам. К глазам подступили слезы.

— Откуда ты знаешь? — выдохнул мальчик, поворачиваясь к немцу, но тот уже был в дверях.

В следующий свой приход немец зачем-то рассказал ему случай, как его приятель еще до войны на судоверфи сломал точно такую же пилу. Степан насторожился. Он не мог понять, к чему клонит немец. А в другой раз тот поинтересовался, не знает ли он, на что идут эти бруски. Степан отрицательно покачал головой: понятия, мол, не имею.

— Ты пионер? — спросил немец.

Мальчик кивнул головой. Немец взял один из брусков и указательным пальцем нарисовал на нем очертания приклада карабина. Степана сразу осенило, для чего так часто приходил к нему этот невысокий человек с большим носом, чуть приплюснутым к тонким, запавшим губам.

— Будет трепаться! — рассерженно сказал Степан, отбирая у немца брус.

Не сказав больше ни слова, немец ушел, но с той минуты Степан не находил покоя. Слова 2558-го запали в сердце.

«А что, если это ловушка? —думал он.— Тогда как? Но про Кавказ и Волгу он сказал правду...» Степан услышал об этом той же ночью и в бараке.

Сотни вопросов не давали покоя мальчику. Больше всего его мучила мысль: «Ты помогаешь врагам».

И Степан решился. Выбрав удобный момент, он оттянул вбок брус, который только что заложил в пилу. Круглый стальной диск завизжал и сбавил обороты. Степан положил сверху еще один брус, продвинул его в пилу вровень с нижним и что есть силы резко дернул в сторону. Раздался сухой, металлический треск — от блестящего диска с визгом отскочил кусок и упал на цементный пол.

Степана бросили в карцер, в сырой, покрытый зеленой слизью бетонный мешок. На шестой день двое заключенных с зелеными треугольниками на груди волоком оттащили бесчувственное тело мальчика в сорок шестой блок.

Вечером его увели на допрос в лагерную комендатуру.

Поставили между двух ярких ламп, за которыми сидели в тени два эсэсовца. Один из них заговорил по-русски:

— Как ты сломал пилу?

— Случайно, — ответил Степан.

— Я не верю случайностям. Ты хитришь.

— Нет...

— Почему же в пиле было два бруска?

— Хотел побыстрее все сделать...

— Ты хотел перевыполнить норму?

— Да.

— Врешь, — прошипел немец.

— Нет, — вздрогнул Степан.

— Как ты попал в наш лагерь?

— Я работал в шахте и там заболел.

— Врешь! — раздраженно выкрикнул из темноты эсэсовец. — Ты преступник. Тебя нужно было давно уничтожить. Ты сам не додумался бы сломать пилу. Кто тебя научил?

— Никто, — твердо ответил Степан.

— Молчать! — злобно заорал немец. — Эту басню ты расскажешь на том свете. — Он неторопливо закурил.— Если скажешь, кто научил, отделаешься карцером...

«Врет, гад, — подумал Степан. — Зачем тогда поместили меня в сорок шестой блок?» — и ответил:

— Случайно сломал.

— Ну, хорошо, не хочешь говорить сейчас, скажешь потом. Ты сломал пилу, мы сломаем тебе руку. И не один раз, пока не скажешь. Он это сделает.— Эсэсовец указал на другого, который молча стоял все время за второй лампой. — Сегодня же он отрежет тебе руку вот здесь.

Немец провел горящей сигаретой по руке Степана чуть выше кисти.

— Я сломал случайно, — еле слышно проговорил мальчик.

— И он сделает случайно, — засмеялся эсэсовец.

Холодный пот прошиб мальчика.

— Твой номер? — спросил эсэсовец.

— Семь тысяч девятьсот третий,— глухо произнес Степан.

— А какой номер того, кто научил тебя?

— Не знаю... Нечаянно я...

Дети в фашистском концлагере.

Немец рванул опознавательный номер, пришитый под карманом Степановой куртки, и номер полетел на пол. Эсэсовец наступил на него ногой.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Имя?

— Степан.

— Вот видишь, тебе двенадцать лет. Ты только начал жить. У тебя было имя. Но ты потерял его. Ты стал просто цифрой. Но и цифру ты тоже потерял. Понял? Камень разбивается — остается песок. Человек умирает — остается имя. Солдат гибнет — живет слава. Заключенного уничтожат — остается цифра. От тебя н и ч е г о не останется. Сгоришь. Будешь говорить?

— Я сам... случайно.

Открылась дверь. Бледная, с глубоко запавшими темными глазами молодая женщина тенью проскользнула мимо Степана к столу. Она поставила на него белый фарфоровый кофейник, две маленьких чашечки и тарелку с квадратными румяными га-

летами. Она взяла кофейник и хотела налить кофе в чашки, но эсэсовец раздраженно гаркнул на нее:

— Пошла вон!

Немец сам налил густого, темно-коричневого кофе в обе чашки, взял одну из них и, хрустя галетами и обжигаясь, стал пить. Легкая, тоненькая струйка пара поднималась из чашки. В нос Степану ударил крепкий запах кофе.

— Смотри, — сказал эсэсовец и разжал пальцы — чашка полетела вниз и разбилась. — Свою жизнь ты держишь в своих руках. Понял? Скажи, кто научил тебя, и ты получишь твой номер обратно. Я дам тебе чашку кофе и одну галету.

У мальчика закружилась голова, он потерял сознание и упал на пол.

После этого его еще три раза допрашивали и три раза пилили правую руку. Потом обескровленное, почти бездыханное тело выкинули на груду трупов возле сорок шестого блока. Их еще не успели свезти в лагерный крематорий.

Очнулся Степан в лагерном лазарете. Тело его пылало. Нестерпимо болела искалеченная рука. Помещение, где очнулся Степан, напоминало узкую, смятую с боков коробку, с двумя отверстиями: одно — для двери, другое, немного меньше,— для окна, за которым виднелись клочья серых туч. Моросил дождь. По грязному стеклу лениво сползали струйки воды. Замызганный, никогда не мытый пол был в бурых, как ржавчина, пятнах. Стоял резкий, удушливый запах. Дышать было нечем. Степан лежал на жестком тюфяке, брошенном на узкую низенькую койку.

На соседней койке мальчик увидел человека почти без признаков жизни. Он был похож на скелет, обтянутый кожей.

Вошел рассыльный — русский пленный. Он выполнял в лазаретном блоке разные поручения, работал санитаром и помогал врачу. Его звали Николай Тычков. За ним следом шла худенькая истощенная женщина.

«Где я ее видел?» — силился вспомнить Степан, но острая боль в руке мешала ему сосредоточиться.

Тычков подошел к мальчику и шепнул:

— Это француженка...

«На допросе,— промелькнуло у Степана в голове.— Ой, как болит рука!..»

Русский продолжал:

— Она украла для тебя на эсэсовской кухне сосиску, англичане прислали кусочек маргарина, а голландцы — кусочек хлеба. Ты поешь и засни.

Степан посмотрел на француженку, женщина одобрительно кивнула ему.

— Кушай.

— Не разговаривай здесь ни с кем,— прошептал Тычков.— Не доверяйся. Мы постараемся помочь тебе.

Француженка наклонилась над мальчиком. Прощаясь, легонько пожала левую руку его.

— Дьержись, пионьере,— с трудом выговорила она.

Тычков добавил:

— Сегодня я переведу тебя отсюда.

Когда в лагере закончилась вечерняя поверка, Николай Тычков отвел мальчика на склад, до самой крыши заваленный всевозможной одеждой. Встретил их тот самый немец, который приходил к Степану. Мальчика отвели в глубь склада, осторожно опустили в тряпичный колодец и заботливо уложили на несколько аккуратно расстеленных телогреек.

— Лежи тихо. Иначе тебе и ему будет крышка.— Тычков кивнул на немца.

— А он кто?

— Коммунист,— ответил Тычков.— Ему можешь доверять. Двенадцать лет на фашистской каторге. Это он тебя ночью вытащил из груды трупов.

— Без руки-то... Зачем? — с отчаянием произнес мальчик.

— Не говори так. О жизни думай. Наше время еще придет,— твердо сказал Тычков.

Часы, которые Унгер дал Степану.

Немец достал из своего ботинка карманные часы и положил их на колени мальчику.

— Вот твой время.

— Не надо,— отказался Степан.

— Бери,— попросил Тычков,— бери и замечай, когда пробьет последний час фашистов.

— Как твой имья? — спросил немец.

— Степан.

— Штефан. Карашо. А мой имья Фриц Унгер. Мы будем часто приходить к тебе.

Фриц Унгер каждый день навещал мальчика, Николай Тычков — реже и только вечером, после поверки. Иногда с ним приходил молчаливый чешский студент-медик Мирослав Матушек. Он делал Степану перевязки и лечил руку.

Дни и ночи тянулись мучительно долго. Степан жил почти без света и воздуха. Правда, Унгер подводил его иногда ненадолго к двери склада. Степан жадно вдыхал прохладный ночной воздух и глядел на темное небо. Порой ему казалось, что этой страшной, беспросветной ночи не будет конца.

А из лагеря все чаще доносились автоматные очереди.

— Ну что же? Когда? — нетерпеливо спрашивал мальчик Унгера.

— Теперь скоро, Штефан,— успокаивал его Унгер.— Советская Армия вступила в Германию. В лагере готовят восстание.

— Чего ж они медлят? — восклицал мальчик.

— Тихо. Тихо, Штефан,— говорил Унгер.

И этот день настал. На всю жизнь запомнил Степан апрельский день сорок пятого года. Унгер вывел его из склада. Ослепительный свет дня ударил Степану в глаза. В сорок четвертом блоке, куда привел его Унгер, собралось много людей. Они негромко переговаривались между собой, но были так возбуждены, что их волнение сразу передалось и Степану. Вся сила, ненависть и решимость, которая была в этих людях, горела в их глазах одним светом и зажигала всех одним огнем — огнем свободы.

Но вот на стол встал Николай Тычков. Он сказал:

— Товарищи, по поручению подпольной организации лагеря я зачитаю воззвание.

Тычков читал взволнованным голосом:

— Фашистская Германия рушится. Кровавый фашизм в предсмертных судорогах пытается уничтожить нас. Но часы его сочтены! Настал момент расплаты!

Подпольная организация лагеря дала приказ начать восстание...

Степан слушал и чувствовал, что сердце его начинает биться все сильней и сильней.

— Да здравствует свобода! — громко закончил Тычков.

Из тайников в стенах барака, из-под пола люди торопливо вытаскивали карабины, ножи, самодельные гранаты, автоматы, пистолеты и выбегали из барака.

— Держи, Штефан! — Унгер дал мальчику пистолет.

На аппельплаце лагеря раздался выстрел — сигнал атаки. Вооруженные люди, будто огромная, прорвавшая плотину река, хлынули с громким «Ура!» к главным воротам. Взметнулись огненные взрывы гранат, раздались дружные залпы выстрелов, оглушительно затрещали пулеметы и автоматы.

Заключенные штурмовали эсэсовскую охрану в трех направлениях. Главный удар нанесли русские военнопленные. Они первыми ринулись в бой, завязали ожесточенную перестрелку с эсэсовцами, перебили их и быстро овладели главными воротами лагеря. На правом фланге наступали французы, поляки, чехи...

Степан бежал вместе с Унгером и немецкими антифашистами, которые атаковали охрану на левом фланге. Эсэсовцы остервенело били из крупнокалиберных пулеметов по стремительной полосатой лавине. Пули свистали над головой Степана справа и слева, цокали о камни под самыми ногами.

Ворвались в комендатуру лагеря. Среди беспорядочно сдвинутых столов, разбросанных кип бумаг и опрокинутых стульев Степан столкнулся с длинноногим, худым эсэсовцем. Черный китель его с фашистским значком на груди был расстегнут. На полу валялись сапоги и только что скинутые черные галифе. Трясущимися руками эсэсовец старался натянуть на свои долговязые ноги короткие полосатые штаны какого-то заключенного.

Увидя Степана, эсэсовец в ужасе отшатнулся, будто встретил привидение. Степан узнал его: это был тот самый немец, который допрашивал его.

За окнами комендатуры шумела толпа повстанцев: со всех сторон вели они взятых в плен охранников.

— Эй, ты, эсэс! — с ненавистью и презрением крикнул Степан.— Помнишь, что обещал мне?! Смотри, я живу! И буду жить! Слышишь, ты... Это от тебя н и ч е г о не останется. Н и ч е г о... Выходи.

Дороти СТЕРЛИНГ

Мэри Джейн

Перевел с английского Ю. Хазанов. Рисунки Г. Филипповского.

Главы из повести

(Окончание.)

«НА ПОМОЩЬ»

Вниз по широким ступеням, по аллее, мимо полицейского автомобиля. Только здесь она остановилась. Дул резкий ветер, подметая сухие листья, и руки у нее покрылись гусиной кожей. Если она придет домой без куртки, мама будет ругаться. Она не может появиться дома в таком виде — как будто убежала от всего сломя голову. Она не может посмотреть в лицо своему отцу, и тетушке Рут, и Фреду, и дедушке — и сказать им, что сдалась...

Растирая руки, чтобы согреть их, она медленно пошла обратно. Поддевая ботинком сухие листья на аллее, она медленно шла к школе.

Мисс Руссо ждала ее внизу в вестибюле, там же была Дарлена. С торжествующим, злым лицом.

— Мэри Джейн! — строго сказала учительница. — Что это за штуки? Почему ты выбегаешь в холод без куртки? Хочешь простудиться и умереть?

— Она меня ударила! — закричала Дарлена. — Вот сюда, по плечу! Она не должна учиться в нашей школе.

Мисс Руссо повела обеих девочек наверх, в класс, и велела им сесть.

— Теперь расскажите, в чем дело, — сказала она.

— Она меня ударила! — повторила Дарлена. — Я ничего ей не сделала, просто шла по коридору к своему шкафчику, а она меня ударила. Моя мама...

Мисс Руссо прервала ее.

— А что ты скажешь, Мэри Джейн? — спросила она со вздохом.

Мэри Джейн не отвечала. Что может она ответить? Рассказывать о рыжем мальчишке, о том, как Дарлена каждый день протягивает ноги, чтобы она споткнулась, или о словах: «Вы, черномазые!» А может, о дедушке?.. Какое им всем до этого дело? Никому нет дела. Пусть ее исключают из школы. Это не самое худшее.

— Ты ударила ее?

Мэри Джейн кивнула. Лицо у нее застыло, словно замороженное, она глядела в пол.

— Я ударила ее, — сказала она потом.

— До сих пор болит! — крикнула Дарлена. — Просто ужасно!

Мисс Руссо снова вздохнула. Она выглядела усталой.

— За что ты ударила ее? Ведь была же причина?

— Ничего подобного, — сказала Дарлена. — Просто подскочила и стукнула. Я даже удивилась.

— Ничего подобного? — Мэри Джейн вздернула голову. — Ничего подобного?! Она назвала моего дедушку — «черномазый сборщик хлопка».

Голос ее был таким тихим, словно даже повторение этих слов причиняло ей боль.

Мисс Руссо, нахмурившись, посмотрела на Дарлену.

— Ну... может быть, что-то вроде этого я сказала, — запинаясь, произнесла та. — Но кто ей дал право...

— Это отвратительно — так говорить, — сказала учительница. — Я требую, чтобы ты извинилась! Что же касается тебя, Мэри Джейн, ты ведь понимаешь, что это не ответ на обиду. Ты тоже должна извиниться...

— Ни за что! — крикнула Дарлена. — Я скажу маме. Она пожалуется директору!

Мэри Джейн снова уставилась в пол. Извиниться? Признать, что она не должна была драться?.. Но ведь ей, и правда, не хотелось этого. Просто ее довели...

— Мне жалко, что так вышло, — пробормотала она, не поднимая глаз.

— Насчет тебя, Дарлена, — сказала мисс Руссо, — я тоже поговорю с директором. О том, что ты позволяешь себе говорить и делать в отношении Мэри Джейн. Думаешь, если я не делала тебе замечаний, — значит, ничего не видела? Просто я думала, ты сама поймешь и прекратишь... Но больше я такого поведения в моем классе не потерплю...

Дарлена краснела и бледнела. Она, как и все ученики, боялась директора.

— Я... прошу извинения, — сказала она еще тише, чем Мэри Джейн.

— Хорошо, — кивнула мисс Руссо. — Теперь можете идти. И чтоб я больше не слышала о таких вещах.

Дарлена выскочила пулей из класса. Мэри Джейн медленно пошла следом. Ей хотелось поблагодарить мисс Руссо, но слова застревали в горле... Что ж, во всяком случае, мисс Руссо не против нее, как другие. Она, видно, честная...

На улице вовсю сверкало солнце, ветер гнал сухие листья. Теперь Мэри Джейн не чувствовала холода. Размахивая портфелем, она мчалась во весь дух не потому, что убегала от кого-то или спешила домой, чтобы мама не заругала, а просто потому, что, когда светит солнце и ветер развевает тебе волосы, бежать очень приятно.

Возле перехода через улицу стояла толпа ребят из ее школы — мальчишки и несколько девчонок. Они ждали зеленого света. Но когда Мэри Джейн приблизилась, то увидела, что дело совсем не в светофоре. С учебниками под мышкой, засунув руки в карманы курток и брюк, ребята сгрудились вокруг чего-то. Что там такое?

Еще вчера Мэри Джейн прошла бы мимо. Но сейчас, после разговора с учительницей и просто, чтобы перевести дух, она остановилась, подошла и стала проталкиваться сквозь толпу.

Встав на цыпочки, она увидела наконец, в чем дело. Большой рыжий кот нападал на маленькую взъерошенную белку. Он шипел, выгибал спину, а белка отскакивала, чтобы избежать его когтей. Но все было напрасно — кот настиг ее.

Некоторые из мальчишек загоготали. Девочки взвизгнули и закрыли глаза. Никто не пробовал спасти белку.

Мэри Джейн уронила портфель и бросилась в середину круга. Она схватила кота за шиворот, а другой рукой пыталась оторвать его лапы от белки. Это ей наконец удалось. Кот отпустил свою жертву, и его ярость обратилась против Мэри Джейн. Перед тем как удрать, он расцарапал ей лицо.

Оглушенная, испуганная белка неподвижно лежала на тротуаре. Когда Мэри Джейн

подняла ее, белка слабо взвизгнула и впилась ей в палец своими острыми зубами. Не обращая внимания на боль, Мэри Джейн прижала ее к себе и сунула под куртку. Она чувствовала, как учащенно бьется сердце зверька. «Значит, не умерла»,— подумала она.

Ребята что-то говорили ей, но она не слышала. Расталкивая их плечами, она выбралась из толпы и пошла к дому.

— Мэри Джейн! Эй, Мэри Джейн!

Она прошла уже с полквартала, прежде чем обернулась посмотреть, кто зовет. Ее догоняла Салли, запыхавшаяся, с растрепанными волосами.

— Ты забыла свои книжки! — кричала она, размахивая портфелем.— Ну, как она?.. Жива?

Мэри Джейн остановилась и дождалась Салли.

— Думаю, да,— сказала она и позволила поглядеть на белку и погладить ее.— Дома осмотрю как следует. Может, у нее сломаны кости.

— А ты умеешь? — спросила Салли.— Я хочу сказать: тебе дедушка говорил, как надо лечить переломы и все такое?

Мэри Джейн кивнула; ей понравилось уважение, прозвучавшее в голосе Салли.

— Говорил не про белок. Но, в общем, я знаю, как это делается.

Они медленно шли дальше. Салли с двумя портфелями, которые подталкивала коленками, Мэри Джейн, гладя и баюкая комочек меха, лежавший у нее на руках.

— Счастливая ты,— вздохнула Салли.— Можешь поехать на ферму. Я всегда мечтала жить за городом. Ужасно люблю животных, а мама не разрешает даже собаку держать.

— Мне тоже,— сказала Мэри Джейн.— Даже белую мышь. Мне хотел подарить товарищ моего брата. У нас был только длиннохвостый попугай, да и тот умер. Мама не любит животных в доме.

— И моя,— сказала Салли.— Слушай, а что ты будешь делать с белкой? И лицо у тебя все в крови. Наверное, больно?

— Немного. Палец хуже. Видишь, как она укусила?

— Ух ты, кровь идет! Давай остановимся. Я перевяжу тебе палец носовым платком... А странно, правда? Ты ей спасла жизнь, а она тебя укусила.

Мэри Джейн пососала больной палец.

— Ты бы тоже укусила, если б так перепугалась. Скажешь, нет?

— Наверно,— поспешно согласилась Салли.— Но все-таки твоя мама разрешит оставить ее?

Мэри Джейн глубоко вздохнула. Чем ближе она подходила к дому, тем меньше у нее было уверенности в этом.

Так, болтая, останавливаясь, чтобы полюбоваться белкой, дошли они до квартала, где жила Мэри Джейн, до самого ее дома, возле которого стояла мама.

Когда Мэри Джейн училась в старой школе, никто не выходил ее встречать. Но теперь мама каждый день поджидала у дома, тревожно глядя вдоль улицы, накручивая на палец прядь волос и посматривая на часы, если Мэри Джейн запаздывала.

Мэри Джейн напрасно думала, что мать не понимает, как тяжело ей приходится. Каждый вечер она уговаривала отца перевести

дочь опять в школу для негров. Каждый день она в волнении ждала ее возвращения домой.

И сейчас, увидев приближающуюся дочь и разглядев, что лицо у нее исцарапано, волосы спутаны, на куртке кровь, она решила, что Мэри Джейн избили.

— Все-таки это случилось! — простонала мама. — Я так и говорила твоему отцу. Ну, теперь, я думаю, все будут довольны!

И она стала осыпать упреками Мэри Джейн, и ее отца, и тетушку Рут, и дедушку, который сидит на своей ферме, но чаще всего в ее взволнованной речи слышалось слово «они». Если б «они» знали, чего стоят матери все эти дни, и ночи, и недели неустанного беспокойства, непрерывного напряжения...

Но Салли ничего не знала об этих днях, ночах и неделях. И когда мать Мэри Джейн поглядела на нее и холодным тоном сказала: «А теперь уходи отсюда», — Салли выронила портфель Мэри Джейн, ее голубые глаза широко раскрылись, как у куклы, она повернулась и побежала. Побежала, не попрощавшись и не взглянув на белку.

Мэри Джейн прошла в дом и бросилась на диван. Она ни разу не плакала с того дня, как пошла в школу Вилсон, она всегда сдерживала слезы, даже если для этого надо было что есть силы сжимать веки. Но сейчас она и не пыталась сдерживаться. Она плакала, вспоминая все, что было: и важное и неважное, — плакала сразу за все. И чем больше она вспоминала, тем сильней текли у нее слезы.

«ВНЕ ЗАКОНА»

В это утро Мэри Джейн позвонила Фреду, чтобы он за ней не заходил, и пошла в школу раньше обычного. А все из-за Пушистой. Так была названа спасенная ею белка.

Вообще с этой белкой было немало хлопот: сначала мама не разрешила держать ее дома, и тогда Мэри Джейн и Салли поместили Пушистую в кабинет естествознания. Но там она пробыла недолго, потому что некоторые родители потребовали ее убрать. Они говорили, что она может искусать их детей и даже заразить чем-нибудь, ведь она из городского парка.

Учитель, мистер Стиллер, ничего не мог поделать. Пушистую пришлось забрать...

И вот теперь Мэри Джейн вышла из дому пораньше. В руках у нее был удивительно раздувшийся портфель. Хорошо, что мама ни о чем не успела спросить.

У школы Мэри Джейн увидела Салли, они вместе вошли через боковую дверь и прошли по черной лестнице и разным закоулкам прямо на сцену школьного зала. Здесь был маленький чулан, где лежал старый занавес и еще какие-то ненужные вещи и куда никто не заходил.

Но тем не менее они со страхом приоткрывали дверь чулана: ведь всякое могло случиться... Все оказалось в порядке: Пушистая была жива и невредима и так обрадовалась их приходу, что чуть не опрокинула свою клетку. Мэри Джейн

вытащила из портфеля кувшин для воды и пошла наполнить его, а Салли выпустила Пушистую погулять. Ох, как она запрыгала — с пола на стул, затем на столик — и все время что-то сердито бормотала: наверное, ругалась, зачем ее оставили одну. Девочки долго любовались белкой, гладили ее и едва успели почистить клетку, как зазвенел первый звонок.

Перед уходом Салли выложила на стол какой-то бумажный сверток.

— Наш завтрак, — сказала она. — Зачем терять время в столовой, когда можно поесть здесь? Правда?

Мэри Джейн тоже так думала.

На большой перемене они опять пробрались за сцену. Салли развернула сверток. Там были сэндвичи с земляными орехами, печенье и апельсины.

— Нечем запивать, — сказала Мэри Джейн. — Завтра я принесу молока.

Они сидели и жевали, а в маленькое окошко светило солнце — оно вычертило квадрат на противоположной стене, и Пушистая уселась тут же на столе, держа обеими лапами апельсиновую дольку.

— Здо́рово! — сказала Мэри Джейн.

— Замечательно! — сказала Салли. — Как будто мы вне закона, как Робин Гуд.

На уроке естествознания они сидели вместе и шептались, конечно, все о том же, о своем засекреченном чулане.

— Ну что? — спросил их мистер Стиллер. — Как белка?

— Хорошо, — пробормотала Мэри Джейн, не поднимая глаз.

— Мы нашли для нее новый дом, — сказала Салли и посмотрела на учителя своими невинными кукольными глазами.

Мэри Джейн старалась как можно больше времени проводить в чулане со своей Пушистой. Здесь было так тихо и спокойно... Пусть «вне закона», зато спокойно.

И Салли оказалась неплохой подругой, почти такой же, как Пегги или Гвен в старой школе. Правда, иногда она любила командовать, но это все любят.

Хозяйство у них разрасталось. Они купили более яркую лампочку, стаканы, даже корзинку для мусора.

— Это наш дом, да? — говорила Салли. — Твой, и мой, и Пушистой... А все остальные против того, чтоб мы были вместе. Твоя мама не хочет, чтобы я приходила к вам...

— Она не «не хочет», а думает, что ты сама не пойдешь, — сказала Мэри Джейн. — Я знаю...

— Моя мама не против, чтоб я с тобой в

школе дружила, — сказала Салли. — Она говорила мне, чтобы я была вежливой и что те люди, которые собирались около школы и кричали, они ужасные... Но когда я говорю, чтобы ты к нам пришла, тут мама боится, что скажут соседи...

— Людей надо переделать... — сказала Мэри Джейн почти таким голосом, каким это говорил ее отец.

Салли кивнула.

— Они, правда, боятся, мои родители, — продолжала она, — что меня не будут пускать в другие дома, если я... ну, если мы будем с тобой...

— К твоему отцу перестанут ходить пациенты, да? — спросила Мэри Джейн. — Если ты придешь ко мне?

— Не знаю, — сказала Салли. — Так говорят...

И она выпила еще вишневого напитка и стала подбирать с пола ореховую скорлупу, которую набросала Пушистая.

Потягивая фруктовую воду, они говорили о многих вещах: о девчонках из их класса, о том, что обе любят исторические книжки и не любят длинных описаний, о том, кем они будут, когда подрастут. Мэри Джейн — биологом, а Салли — врачом. Говорили они и о том, что хорошо бы вместе жить на ферме и иметь миллион животных.

— Лошадей, и коров, и белок, и цыплят, и бурундуков, — предложила Мэри Джейн.

— И жирафа, — сказала Салли.

Она была как-то с родителями в Вашингтоне и там в зоопарке увидела длинноногого, длинношеего жирафа и прямо влюбилась в него.

Мэри Джейн убеждала ее, что жирафам нужен более жаркий климат — как во Флориде или в Мексике, но Салли продолжала повторять: «А я хочу жирафа!» — пока они обе не рассмеялись.

Да, здесь они говорили о многих вещах: о платьях, и о мальчишках, и о танце рок-н-ролл, который им не нравился, о народных песнях и о цвете человеческой кожи.

— Ты вот смуглая, а Фред темней, — говорила Салли, густо краснея. — Фред, как конские каштаны, когда они созреют... А твоя мама тоже не очень черная... Я раньше думала...

Мэри Джейн слушала спокойно, и Салли продолжала:

— Я всегда думала, что все негры одинаковые... и совсем не такие, как белые... А сейчас вижу... Ну, в общем, они такие же люди...

Салли совсем смешалась, и тут Мэри Джейн стала рассказывать ей про Красную Энн и про дедушку. Потом они стали сравнивать свои руки и пальцы, но им помешала Пушистая. Она заворчала и зафыркала, видимо, напоминая, что сегодня-то уж пора снять повязку с ее поврежденной лапы.

Действительно, когда они развязали бинт и сняли лубок, оказалось, что Пушистая может твердо опираться на эту лапу. Она только чуть-чуть хромала, когда взбиралась на полку, где лежало приготовленное для нее сухое печенье. Зато она совсем уже не хромала, когда снова прыгнула на стол, опрокинув бутылку с фруктовой водой.

Вытирая лужу, они продолжали беседовать: снова о дедушкиной ферме, о летнем лагере, где бывала Салли, о том, что мистер Стиллер очень хороший. И еще об отметках, о том, что кончается четверть, а в будущем году будет латынь...

Обо всем, кроме школьных кружков и подготовки к Новому году.

«ВАРВАР»

Это случилось на следующее утро.

Мисс Руссо зачитывала ежедневные объявления. «Репетиции новогодних постановок в три часа»... А Мэри Джейн сидела, посасывая палец, и ничего не слышала. Даже не потому, что ее не касались эти репетиции, а потому, что произошло ужасное событие: Пушистая пропала! Когда Мэри Джейн и Салли пришли сегодня к восьми утра в свой чулан, дверь в него была приоткрыта, клетка валялась на полу. Следы крошек от печенья вели на сцену и там обрывались. Белки нигде не было видно.

Салли судорожно глотнула, покраснела, потом побледнела.

— Мы так спешили вчера, — сказала она. — Наверно, я не закрыла как следует дверь. И клетку тоже...

Но куда же могла Пушистая деваться? Минут десять они звали ее по имени, щелкали, чмокали. Они пытались подражать белке и просто взывали на разные голоса, то нежно и ласково, то строго и даже резко. Они бегали по сцене, заглядывали за драпировки и задники, рылись в старых, пропыленных декорациях. Они спустились в оркестровую яму, поднялись в зал, посмотрели под каждый стул в партере и на балконе. Пушистой не было.

И сейчас в классе Мэри Джейн сидела, посасывая палец, и не слышала, о чем го-

ворила учительница. «Ума не приложу, куда девалась белка!» — думала Мэри Джейн и не сразу поняла, что по классу разносится уже не голос мисс Руссо, а голос самой миссис Девис, директора:

— ...Безобразие!.. Варвары! Пища разбросана по всей столовой... Посуда разбита... Злостное хулиганство!..

Мэри Джейн выпрямилась, положила руку на парту. Чем рассержена миссис Девис? Про что она говорит?

— ...Если виновные не сознаются до полудня, приглашу полицию! Позор для всей школы!..

Сердце у Мэри Джейн готово было выпрыгнуть. К тому времени, когда прозвенел звонок, она уже знала, что делать.

Салли ждала ее в коридоре. Лицо у нее было испуганное.

— «Варвары!» — простонала она. — Это же, наверно, Пушистая... Мы должны...

— Рассказать все миссис Девис, — закончила Мэри Джейн.

Взявшись за руки, они прошествовали вниз по лестнице к кабинету директора. Дверь была закрыта, и Мэри Джейн должна была дважды постучать, прежде чем они услышали: «Входите!»

Они расцепили руки и вошли.

— Ну, девочки? — спросила миссис Девис, глядя на них поверх очков.

— Мы думали... хотели... — сказала Мэри Джейн.

— Это не «злостное хулиганство», — еле слышно выговорила Салли. — Она ведь не нарочно...

— Сядьте, — сказала миссис Девис. — Насколько я понимаю, вы хотите сказать мне, что знаете, кто этот варвар?

Девочки присели на край стула.

— Мы думаем, что знаем... — сказала Мэри Джейн.

— Только она не варвар, — сказала Салли.

— А как же вы назовете того, кто бьет стаканы и чашки и разбрасывает по всей столовой орехи и картофель?! — Голос у миссис Девис был очень сердитый.

Девочки обменялись печальным понимающим взглядом. «Орехи!»... Сомнений у них больше не было.

— Белка, — сказали они вместе.

— Белка?! — Миссис Девис выронила карандаш, который она держала, и посмотрела на них с полуоткрытым ртом.

Краснея, заикаясь, давясь словами, девочки рассказали всю историю незаконного пребывания белки в школе, а миссис Девис слушала, подняв брови и внимательно изучая свой карандаш. Изредка углы ее губ вздрагивали, словно она собиралась не то заплакать, не то засмеяться, но девочки были слишком расстроены, чтобы что-нибудь заметить.

— Итак, все, что вы знаете, — сказала наконец миссис Девис, — это то, что белка находится где-то в школе. Может быть, даже не в столовой.

— Может быть, — вздохнула Мэри Джейн. — Но она определенно там была. Она очень любит сама разыскивать еду. Особенно орехи.

— И разбрасывать, когда уже наелась, — вставила Салли.

Миссис Девис посмотрела на часы.

— Я не могу сейчас подсчитать, — сказала она, — сколько существующих школьных правил вы нарушили. Не говоря уже о неписаных правилах. Но прежде чем я накажу вас, вы должны разыскать белку. У вас еще есть время до звонка... Идемте!

Девочки, понурив головы, последовали за миссис Девис через вестибюль в столовую. Здесь уже все было прибрано, и за столиком, недалеко от кассы, завтракали несколько учителей, среди них — мисс Руссо и мистер Стиллер.

Миссис Девис присела к ним за столик и выразительно поглядела на девочек. Те стояли в нерешительности посреди зала, между длинными рядами столов.

Первой осмелилась Салли.

— Трр, трр, — робко сказала она, пробуя подражать белке.

— Пушистая, Пушистая! Сюда! — подхватила Мэри Джейн.

Скосив глаза, она увидела, что все учителя воззрились на них. Она глубоко вздохнула и продолжала:

— Трр, трр... Пушистая, сюда!

Они ходили по залу вдоль и поперек, призывая белку всеми возможными способами. Сначала робко и тихо, а потом во весь голос.

Наконец они услышали ответное щелканье. Пушистая сидела на перекладине для занавесок, под самым потолком. Она сидела и сердито отвечала им, но вовсе не собиралась спускаться. Мэри Джейн просила ее, Салли умоляла, но белка была непреклонна. Красивыми легкими прыжками она двигалась поверху с окна на окно, взмахивая пушистым хвостом, как будто желая сказать: «Вот она какая, я!» — а девочки бегали сле-

дом за ней. Мистер Стиллер закрыл все двери.

— Попробуйте приманить ее, — сказала мисс Руссо и протянула Мэри Джейн кусок хлеба.

Размахивая хлебом, Мэри Джейн заговорила с белкой самым нежным голосом, на какой только была способна. И наконец Пушистая спустилась по занавеске на подоконник и спрыгнула на пол. Все затаили дыхание. Вот еще прыжок, другой, взмах хвоста — и белка у ног Мэри Джейн. Пока та наклонялась, чтобы взять ее, Пушистая сама вспрыгнула ей на плечо и тут же потянулась к хлебу.

— Прямо как в цирке, — сказал один из учителей и зааплодировал, но миссис Девис нахмурилась.

— Сейчас сюда придут младшие классы, — сказала она. — Держи ее крепче, Мэри Джейн. Мне бы не хотелось повторения всего этого... Несите ее в мой кабинет.

— Я пойду с вами, — сказал мистер Стиллер.

— Я тоже, — сказала мисс Руссо.

Процессию возглавила миссис Девис За ней следовали Мэри Джейн с белкой и Салли, замыкали шествие мисс Руссо и мистер Стиллер. Все шли молча, только белка радостно верещала, держа в лапках искромсанный кусок хлеба.

В кабинете директора первым заговорил мистер Стиллер.

— Я тоже несу ответственность за то, что случилось, — сказал он. — Потому что не помог девочкам найти место для белки...

— И я, — сказала мисс Руссо. — Но я хочу сказать о другом. Мэри Джейн в моем классе. Ей очень трудно... и одиноко... и...

— Я знаю, — прервала ее миссис Девис и посмотрела так сердито, как будто она ничего не знала. — Но сейчас речь не о том. Я не могу превращать школу в зоопарк...

Она долго говорила о дисциплине и о разных вещах. Все слушали молча. Салли смотрела на ковер, и даже мистер Стиллер выглядел мрачным. Но тут Пушистой надоело сидеть на коленях у Мэри Джейн, и она прыгнула... Прыгнула прямо на стол к миссис Девис!

Мэри Джейн сидела как приклеенная к стулу. Она не могла двинуться... Вот миссис Девис сейчас разозлится! И выбрала же белка время, чтобы прыгать. А Пушистая уселась прямо на бумаги миссис Девис и нахально протянула ей свой обкусанный кусок хлеба.

Миссис Девис попыталась нахмуриться, но губы у нее растянулись в улыбку, и она засмеялась.

— Ваша белка неотразима, — сказала она. — Я, кажется, начинаю понимать вас.

Она погладила Пушистую, и та вовсю замотала хвостом, разбрасывая по столу бумаги.

— Я должна была бы в наказание оставить вас в школе после уроков, — сказала миссис Девис, — но на первый раз делаю вам предупреждение. Только, конечно, больше никаких белок в школе.

Мэри Джейн и Салли вышли из кабинета директора довольные, но растерянные. Как быть с Пушистой? Куда ее девать?

«ТРЕБУЕТСЯ ХИЖИНА»

После длительных совещаний, в которых приняли участие мисс Руссо и мистер Стиллер, было решено отправить Пушистую на ферму к дедушке Мэри Джейн. Мама тоже согласилась с таким решением, и в первое же воскресенье Мэри Джейн поехала к дедушке.

Салли, конечно, должна была сопровождать ее и Пушистую, но в последний момент родители не разрешили ей... Нет, она не заболела и в доме у них ничего не случилось. Причина была совсем другая... И Мэри Джейн хорошо понимала, какая это причина. Зато вместе с Мэри Джейн поехали ее учителя, мисс Руссо и мистер Стиллер.

Конечно, дедушка согласился оставить белку у себя.

Без Пушистой жить было проще, хотя и скучнее. Но тут начались контрольные, подошел День благодарения[1], одно за другим проводились спортивные состязания. Забот стало — хоть отбавляй.

Мэри Джейн и Салли всегда были вместе на переменах и завтракали за одним столом. В школе уже начали привыкать к тому, что они дружат. Некоторые девочки тоже стали заговаривать с Мэри Джейн, хотя большинство по-прежнему старалось не замечать ее.

После уроков подруги часто сидели, болтая ногами, на низкой каменной ограде в конце школьного двора. Здесь обсуждались самые разные проблемы: и дрессировка лошадей, и новые прически, и полет вокруг Земли на самолете... Здесь им было почти так же хорошо, как в чуланчике возле сцены.

Но потом пошли дожди вперемешку со снегом, и сидеть на стене стало совсем неуютно. Она была холодная и скользкая.

Теперь Мэри Джейн и Салли слонялись по

---

[1] Официальный американский праздник в память первых колонистов.

улицам, заходили в магазины. Они обследовали все прилавки, где стоимость товаров не превышала десяти центов. Они так долго рассматривали тетради и блокноты в канцелярском магазине, что владелец магазина начинал ругаться...

— А теперь куда? — спросила как-то Мэри Джейн, стоя на пороге лавки и мысленно проклиная снег, который валил без передышки.

— Я устала, — пожаловалась Салли. — Пойдем куда-нибудь, где можно посидеть. В аптеку — выпьем кока-колы.

Мэри Джейн нахмурилась.

— Не знаю... Не думаю... Они не продадут мне, — выговорила она.

— Фу! — сказала Салли, подражая мисс Руссо. — Почему? Они хорошие люди. Я всегда у них покупаю.

Салли сказала это с такой уверенностью, а на улице было так холодно и сыро, что Мэри Джейн согласилась. Они зашли в аптеку и сели рядом на высоких стульях.

— Два кока-колы, — попросила Салли.

Женщина за прилавком взяла два стакана и уже подставила один под кран. Но тут она заметила Мэри Джейн.

— Тебе — да, — сказала она Салли, — но только не ей. Если она так уж хочет пить, я налью в бумажный стакан, и пусть пьет за дверью.

Салли так покраснела, что стала просто багровой. Она хотела было возразить, но, оглянувшись, увидела, что Мэри Джейн исчезла.

Салли нашла ее у входа в аптеку. Мэри Джейн стояла возле витрины, вздернув голову и глядя на серое небо.

— Будь они прокляты! — сказала Салли, изо всех сил хлопая дверью. — Извини меня.

— Неважно, — сказала Мэри Джейн, еще выше задирая голову. — Такое было и раньше... и будет еще... Куда же мы пойдем?

Салли молча пожала плечами. Не сговариваясь, они пошли по направлению к школе. Там, в теплом вестибюле, они встряхнули свои шарфы и вытерли мокрые от снега лица. Мэри Джейн расчихалась, Салли вздохнула.

— У нас в школе, — сказала она, как бы думая вслух, — вроде нейтральной территории. Как Швейцария во время войны. Здесь мы все-таки можем быть вместе.

— Да, совсем как в Швейцарии. А снег какой идет! — попробовала пошутить Мэри Джейн. — Вдруг мы не сможем добраться домой?

— Мы тогда выстроим хижину у входа в школу и будем в ней жить. Там никто нам не помешает, — сказала Салли.

Но шутливое настроение к ним не приходило, а слоняться по пустым школьным коридорам они устали.

— Может, попробовать записаться в баскетбольную команду? — сказала Мэри Джейн. — Я, конечно, не так играю, как Фред, но все-таки... Даже лучше, если мы будем запасными: сможем разговаривать в спортзале, пока другие играют. Только я не знаю, примут ли...

— Если тебя и примут, — вскричала Салли, — то меня ни за что. С моим-то ростом! Девочки в команде на целый метр больше меня.

— Господи! — с досадой сказала Мэри Джейн. — Думаешь, я очень люблю баскетбол? Просто пытаюсь найти место, где мы можем быть вместе... Выстроить бы хижину...

За разговорами они не заметили, как подошли к большой аудитории, откуда раздавались голоса и звуки рояля.

— Репетируют к Новому году, — сказала Салли. — Может...

Мэри Джейн покачала головой.

— Что вы здесь делаете? — услышали они голос и обернулись. Перед ними стоял мистер Стиллер.

— Опять какая-нибудь белка? — спросил он, улыбаясь.

— Мы просто хотим посидеть где-нибудь.

— ...Чтоб можно было поговорить.

— Почему же вы не пойдете... — произнес мистер Стиллер и замолчал. — Значит, вы хотите... — начал он снова.

Девочки заговорили, перебивая друг друга:

— В мой дом нельзя...

— И ко мне тоже...

— А на улице дождь и снег...

Мистер Стиллер слушал их со злым лицом. Но они понимали, что злится он не на них.

— Да, — проворчал он. — Решаем мировые проблемы, а свои решить не можем...

Он задумался, почесывая затылок.

— Идемте в кабинет естествознания, — сказал он потом.

Белые мыши, как обычно, крутили колесо в своей клетке, рыбы с раскрытыми ртами глазели из-за стеклянных стенок аквариума, а мистер Стиллер, усевшись между мышами и рыбами, снова задумался.

Он думал и думал, пока Салли не прервала молчание словами:

— Что нам нужно, так это хижину. — Она хихикнула.

— Пожалуй, не хижину, а непромокаемую палатку, — сказала Мэри Джейн.

— А можно, — сказала снова Салли, — нам приходить сюда и здесь разговаривать?

— Мы будем кормить рыб и поливать растения, — добавила Мэри Джейн.

— Это уже делают члены клуба натуралистов, — медленно сказал мистер Стиллер.

Мэри Джейн вспомнила, как мисс Руссо читала объявления о работе разных кружков... Неужели все они не для нее? Не может быть, чтобы мистер Стиллер не принял ее в свой кружок... Спросить его?

Но Салли ее опередила.

— Тогда мы запишемся в клуб натуралистов, — весело сказала она. — Они могут не принимать Мэри Джейн в драмкружок или меня в баскетбольную команду, но в клуб натуралистов... Мы ведь хорошо учимся по естествознанию.

Салли говорила так уверенно и радостно, что Мэри Джейн подумала: мистер Стиллер обязательно скажет «да». Но он не сказал. Он просто сидел, рассеянно постукивая пальцами по подоконнику.

— Боюсь, из этого ничего не выйдет, — сказал он наконец.

Мэри Джейн соскользнула со стола, на котором сидела, и пошла к двери.

— Почему? — услышала она, словно издалека, голос Салли.

— Наш клуб только для старших классов, — ответил мистер Стиллер.

Мэри Джейн остановилась.

— Ну и что? — снова сказала Салли. — Почему нельзя организовать другой, для нас?

— Я думаю об этом, — кивнул мистер Стиллер. — В прошлом году ничего не вышло. Не было желающих. Если набрать, кроме вас, еще человек пять-шесть...

— Наберем! — закричала Салли.

Мэри Джейн отвела глаза от рыбок, которых пристально рассматривала, и улыбнулась мистеру Стиллеру.

— Завтра я попрошу директора включить объявление о новом кружке в утренний бюллетень, — сказал учитель. — Так что...

Он не кончил фразы, потому что открылась дверь и на пороге показалась мисс Руссо.

— Я жду вас уже целых десять минут, — сказала она. — ... А, вы тоже здесь! — Последние слова были обращены к девочкам.

Мистер Стиллер почему-то немного смущенно стал рассказывать про новый клуб, а Мэри и Салли поспешно попрощались и ушли.

— Интересно, они влюблены, да? — спросила Салли уже на улице.

— По-моему, да, — вздохнула Мэри Джейн. — Ты бы слышала, как они спорили,

когда мы ездили на ферму к дедушке! Так спорить могут только очень хорошие друзья.

Утром мисс Руссо прочитала объявление о записи в новый клуб натуралистов.

Опасения мистера Стиллера оказались напрасными: желающих было больше, чем он ожидал. Все они собрались после уроков в кабинете естествознания. Были тут и старшеклассники. Некоторые с удивлением смотрели на Мэри Джейн, но никто ничего оскорбительного не сказал. Все были увлечены новым делом: выбирали старосту и секретаря, назначали дни сборов...

Следующая пятница была посвящена выработке устава; было решено приобрести специальные значки для всех членов клуба. Потом приступили к обсуждению плана работы.

Походы — предлагали одни. Поездка в музей в соседний город. Экскурсия в лабораторию, на опытную молочную ферму. Весной можно целый день ходить по парку — ловить головастиков в пруду... А еще можно...

Все говорили сразу, предлагали то одно, то другое, пока не поднялся такой шум, что нельзя было вообще ничего разобрать. Все говорили сразу, кроме Мэри Джейн и Салли. Мэри Джейн с отсутствующим видом что-то чертила на обложке учебника естествознания, а Салли крутилась на своем месте, пытаясь привлечь внимание мистера Стиллера.

— Тихо! — закричал в конце концов Рэнделл, их староста, и ударил рукой о стол. — Говорите по очереди, чтобы Мэй могла все записать... Или лучше мы сами подойдем к каждому и соберем предложения.

Мэри Джейн еще ниже наклонила голову, еще крепче сжала карандаш, ходивший по обложке учебника. Что она может им сказать?

И вот подошла ее очередь.

— Мэри Джейн?

Ребята поднимались со своих мест, чтобы взглянуть на нее. Взглянуть и отвести глаза, изучая стенку, потолок, свои ногти.

Но ведь она должна что-то сказать, молчание, казалось, длится часами. И она сказала:

— Я не знаю, смогу ли я ходить в те места, о которых вы говорили. В музеях есть только один день для цветных, а в парк совсем нельзя. Так что составляйте план без меня...

Голос у нее все-таки дрогнул, хоть она и старалась говорить как можно быстрее.

После ее слов в комнате наступила полная тишина. Стало слышно, как мыши крутят свое колесо в клетке.

— Я не знал... — сказал кто-то.

— А что же делать?

— Не все сразу! — Рэнделл снова стукнул кулаком по столу. — Поднимите руку, кто хочет сказать.

Первой заговорила девочка, сидевшая на табуретке у окна:

— Раз Мэри Джейн не против — она сама говорит, — давайте составлять дальше. Мы ведь все равно ничего сделать не можем.

Мэри Джейн обвела букву «о» на переплете и принялась за «и». Лицо у нее было застывшим, неподвижным.

— А по-моему, — сказала Мэй, секретарь клуба, — по-моему, это отвратительно!

— Вместе мы не сможем никуда ходить, — сказала девочка у окна.

— Может, если она будет с нами, ее пустят? — сказал один из ребят. — Можно ведь кого-то попросить, написать куда-то письмо или что...

— Ничего из этого не выйдет, — уверенно сказал другой. — Но я думаю...

Мэри Джейн согнулась над учебником, тщательно затушевывая букву «В» в слове «Вилсон». Салли раскачивалась на своем месте и размахивала поднятой рукой, но Рэнделл не замечал ее.

— Я вот что скажу! — вдруг вскочил он. — В прошлом году... да, действительно... я был против того, чтобы нам вместе учиться. Всю жизнь я слышал, что негры... они не такие... ну, в общем...

Он смущенно замолчал.

Мэри Джейн взглянула на него из-под полуопущенных век. Щеки его горели, как у Салли, а веснушки на носу стали еще заметней.

— А теперь, — продолжал он, — я вижу: они такие же, как все... Раз у нас такой закон, что мы можем сейчас сделать? Я только хочу сказать... — Рэнделл набрал побольше воздуха. — ...Я хочу сказать... Мы не должны ходить туда, куда Мэри Джейн нельзя. И все.

— Правильно. Я — за! — сказала Мэй.

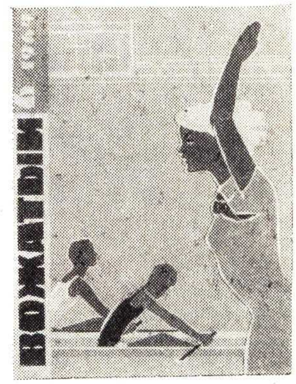
Мэри Джейн отложила карандаш и выпрямилась. Ребята шумели, тянули руки, предлагали голосовать.

И вот проголосовали: одиннадцать за предложение Рэнделла. Одна — против.

Мэй старательно записала в протоколе собрания: «Постановили: члены клуба натуралистов школы Вилсон не будут посещать те места, где не разрешается бывать неграм...»

Юрий ЯКОВЛЕВ

Наш общий ВОЖАТЫЙ

Вожатый. Когда произносят это слово, то сразу представляешь себе девушку или парня, веселых, энергичных, неутомимых. С такими никогда не соскучишься, нигде не пропадешь.

В отрядах и дружинах вожатые меняются, на смену одним приходят другие. Но есть в нашей стране пионерский вожатый, который вот уже сорок лет стоит на своем славном посту.

Сорок лет — возраст неподходящий для вожатого. Но должен вам сказать, что вожатый, о котором идет речь, за эти годы не постарел, не поскучнел, не утратил молодого задора. Мы хорошо знакомы с этим всесоюзным вожатым. Он один, но во всех дружинах нашей страны говорят:

— Это наш вожатый!

Что же это за вожатый? А вот его анкета:

Имя: **«Вожатый».**

Фамилия: **Пионерский.**

Год рождения: **1924.**

Специальность: **журнал.**

Журнал в яркой обложке, свежий, пахнущий типографской краской. Мы ждем его, как желанного гостя. Мы хорошо с ним знакомы и вместе с тем каждый раз открываем в нем множество интересного. Наш «Вожатый» — веселый запевала, у него всегда в запасе новые песни; настоящий заводила — он всегда зажигает нас новыми идеями; умный и серьезный советчик — когда мы не знаем, чем бы нам заняться, он тут же посоветует! Придет «Вожатый» в отряд и приведет с собой интересных людей: первых пионеров, героев труда и героев войны, любимых писателей и композиторов.

Сорок лет нашему «Вожатому», но он с каждым годом молодеет, и поэтому с ним интересно. Пришел он к пионерам давно, когда пионерия делала свои первые шаги, и всегда помогал им. И в трудные годы коллективизации и в суровые годы войны. И когда мы говорим о пионерах-героях, то в их подвигах есть частица и нашего общего «Вожатого», который научил ребят многому, зажег, вдохновил на большие дела.

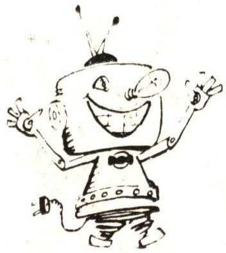
У каждого отряда есть свой вожатый, а у всех советских пионеров есть еще один общий вожатый — это наш любимый журнал. Сегодня у него праздник. Что же мы пожелаем юбиляру в день рождения?

Во-первых, стать еще интересней!

Во-вторых, к сорока годам люди становятся солидней, полнеют, так пусть же потолстеет и наш «Вожатый», пусть в нем прибавится число страничек.

В-третьих, желаем нашему «Вожатому» стать веселее, задорнее и прибить на дверях редакции строгий плакат: «Скуке вход воспрещен».

Пионерский салют нашему общему «Вожатому»!

Смехотрон

Рассказы СМЕХОТРОНА

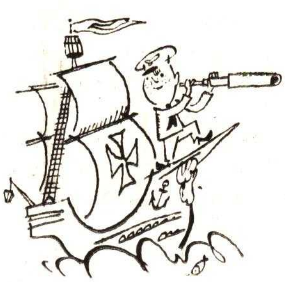
1. СМЕХОТРОН распечатал письмо.

Это было письмо из города Шахты, Ростовской области, от Миши Паршуто.

— Ага! — сказал СМЕХОТРОН.— Это тот самый Миша Паршуто, который занимается в кукольном кружке Дома пионеров. Что же он пишет?

— МРР... АММ... АММЕРРИККА!!!

Учитель географии спросил Петю Канарейкина:

— Петя Канарейкин! Скажи нам, кто открыл Америку?

А Петя Канарейкин как раз в этот момент запустил бумажный самолетик. Он испуганно ответил:

— Я, но больше этого не повторится!

2. СМЕХОТРОН посмеялся и взял другое письмо. Письмо из поселка Озерки от ученика 5-го класса Саши Вяликова.

«Интересно, где же этот поселок Озерки? — подумал СМЕХОТРОН.— Наверно, это тот самый поселок, который находится рядом со станцией Редькино. Интересно, интересно».

ГРР... ГРРРЯЗЗЗНЫЕ УШШШИ!!!

— Вадик! Почему ты все время ходишь с грязными ушами?

— А у меня других нету!

3. — А вот письмо из Вологодской области, со станции Сухона. Интересно, от кого? Да это мне пишут Вова и Саша Сафроновы! Молодцы!

ТБЛЛЛ... ТТАААБЛЛЛ... ТАББЛЛИЦЦА...!!!

— Сколько будет шестью шесть?

— Двенадцать,— ответил Вася Кнопочкин.

— Почему ты так думаешь? — удивилась учительница.

— Потому что не знаю таблицу умножения,— невозмутимо ответил Вася.

Энергия ЧИ

Итак, Смехотрон стал сотрудником нашей редакции. Мы решили, что можем теперь включать его, когда нам заблагорассудится. Взяли черный шнур, воткнули штепсель в розетку — и... ничего не получилось. Ни одной лампочки не загорелось, ни одной веселой истории не дал наш Смехотрон.

Мы нажимали на кнопки, двигали рычагами, даже постучали по корпусу кулаком. Смехотрон молчал.

— Что-то испортилось,— испугались мы.— Наверно, вышел из строя шуткоконденсатор?..

Вызвали механика. Механик посмотрел, покрутил и сказал:

— Нет, за такое дело не возьмусь. Тут нужны художники...

Тогда мы позвали художников. Художники разобрали Смехотрон на части и сказали, что им все ясно: Смехотрону не хватает энергии.

— Как так? — удивились мы.— У нас сеть в по-

рядке. Может быть, Смехотрон должен работать на атомной энергии?

— Нет,— сказали художники,— Смехотрон работает на энергии ЧИ...

— ???

— ЧИ есть — Смехотрон работает. ЧИ нет — Смехотрон молчит.

— А где взять это самое ЧИ?

— Так вот же целые батареи ЧИ,— сказали художники и показали на гору писем ребят.— ЧИ — это значит читательские интересы.

Мы взяли наугад первое письмо и подсунули его Смехотрону. Он зашумел, загудел, подмигнул нам зеленой лампочкой и выдал смешной рассказик.

Мы очень обрадовались и подбросили в Смехотрон еще одно письмо. Оно все было в кляксах, и мы боялись, что Смехотрон ничего не разберет, но он довольно загрохотал, и появилась другая веселая история.

Тогда мы осмелели и бросили сразу целую пачку писем. В этих письмах ребята писали о двоечниках, лентяях, неряхах, болтунах — обо всех, кто им мешает. Выдержит ли Смехотрон такую перегрузку! — волновались мы. Но Смехотрон работал на полную мощность. У нас появились веселые рассказики и карикатуры.

4. — Ох! — сказал СМЕХОТРОН.— Вот это да! ПИСЬМО ИЗ ПОЛЬШИ! От Барбары Млыньской. Молодец, Барбара! Знает русский язык и даже рассказывает смешные истории:

ВВВ... В ДЕРЕВНЕ...!!!

Лида приехала в деревню из города. Спрашивает маму:

— Мама, это что за животное?

— Это свинья,— отвечает мама.

— Почему же ее так называют? Она что-нибудь плохое сделала?

5. В Башкирской АССР есть город Октябрьский. Люся Нигматуллина живет в этом городе и учится в 4-м классе.

Ну и насмешила Люся СМЕХОТРОНА!

ДДД... ДДДВВА... ДДВВВА!!!

— Кукушин! Просклоняй-ка слово «два».

Кукушин молчал.

— Что же ты молчишь? Склоняй...

— Склоняй — не склоняй! Все равно двойку получишь!

6. СМЕХОТРОН читал и перечитывал смешные письма:

— Сколько писем! Из Башкирии, из города Горького, из Ростова, даже из Польши... Только вот из Москвы нет письма. Стоп! А вот и письмо из Москвы, от ученицы 3-го класса Тани Верник, да еще какое интересное:

ППП... ПППЯТЬ... ПЯТТТЕРРРКА!!!

Мы писали сочинение. Коля спросил учительницу:

— Юлия Петровна! Как писать: «питерка» или «петерка»?

— А ты разве сам не знаешь?

— Да-а-а, я за три года ни разу пятерку не получал.

— Оно и видно!

Ребята! Теперь вы знаете, на какой энергии работает Смехотрон. Энергия ЧИ зависит от ваших писем. СМЕХОТРОН ждет их!

СООБЩЕНИЕ ШТАБА БИП

«Бип... Бип... Бип...» — такие сигналы приняли все, кто читал второй номер нашего журнала за этот год. Так началась Большая Игра «Пионера». Условия ее были простые: вызвать соседний отряд на состязание, ответить на вопросы из истории Советской Армии, придумать и провести военную игру.

И вот два месяца шли в штаб толстые пакеты с донесениями. В них описания «сражений», списки участников, фотографии, планы, схемы, карты... 1 012 донесений получил штаб БИП. Каждое рассказывало об игре двух отрядов. Но в некоторых школах в игре участвовала вся дружина, а Брянский пионерский штаб организовал даже общегородскую игру. Молодцы!

В штаб БИП входили кадровые военные, а также работники Центрального Совета ДОСААФ и сотрудники «Пионера».

Внимательно изучив все документы, все ответы, штаб Большой Игры «ПИОНЕРА» ПОСТАНОВИЛ:

за бесстрашие, организованность и изобретательность наградить грамотами ЦК ДОСААФ и походными палатками:

Брянский Дворец пионеров.

Ташкентский Дворец пионеров имени Н. К. Крупской.

Пионерский отряд 5-го «Б» класса школы № 22 г. Благовещенска.

Грамотами ЦК ДОСААФ и полевыми биноклями:

Пионерский отряд имени Агаси Ханджяна школы имени Максима Горького г. Еревана.

Пионерский отряд 7-го класса Приозерной восьмилетней школы совхоза «Колос», Тобольского района, Кустанайской области, Целинного края.

Пионерский отряд 7-го «Г» класса средней школы № 7 г. Петрозаводска.

Грамотами ЦК ДОСААФ и малокалиберными спортивными винтовками:

Пионерский отряд 8-го «В» класса восьмилетней школы № 1 г. Холмска, Сахалинской области.

Пионерский отряд 6-го «А» класса школы № 47 г. Ростова-на-Дону.

Пионерский отряд № 1 школы № 8 Четвертого поселка г. Махачкалы.

Пионерский отряд 6-го «А» класса Ахтубинской школы № 33 Волгоградской области.

Грамотами ЦК ДОСААФ:

Пионерский отряд 5-го «В» класса школы № 22 г. Благовещенска.

Пионерский отряд имени А. Тонояна школы имени Максима Горького г. Еревана.

Пионерский отряд 6-го класса Приозерной восьмилетней школы совхоза «Колос», Тобольского района, Кустанайской области, Целинного края.

Пионерский отряд 6-го «Б» класса школы № 47 г. Ростова-на-Дону.

Пионерский отряд № 3 школы № 8 Четвертого поселка г. Махачкалы.

Пионерский отряд 6-го «В» класса Ахтубинской школы № 33 Волгоградской области.

Пионерский отряд № 2 имени Зои Космодемьянской Своятичского детдома, Ляховинского района, Брестской области.

Пионерский отряд 7-го «Б» класса средней школы совхоза «Гигант», Чиликского района, Алма-Атинской области.

Пионерский отряд № 6 средней школы № 2 г. Ставрополя.

Пионерский отряд 5-го «А» класса школы № 28 г. Волгограда.

Совет дружины восьмилетней школы д. Усть-Ижма, Ижмо-Цилемского района, Коми АССР.

Пионерский отряд № 1 Мяксинского детдома Вологодской области.

Пионерский отряд «Спутник» 6-го класса школы-интерната № 1 г. Исиль-Куля, Омской области, и руководителя игры председателя Исиль-Кульского горкома ДОСААФ тов. Клобукова Александра Григорьевича.

Пионерские отряды 7-го «А» класса и 6-го «В» класса средней школы г. Бельцы, Молдавской ССР.

ШТАБ БИП БЛАГОДАРИТ ВСЕ ОТРЯДЫ, ПРИНЯВШИЕ УЧАСТИЕ В БОЛЬШОЙ ИГРЕ «ПИОНЕРА», ПОТОМУ ЧТО ВСЕ ОНИ ДЕЙСТВОВАЛИ ХОРОШО.

Штаб БИП

РЫБАЧОК. С. Григорьев

ЛЕТО. В. Жуков

ПО СТАРЫМ РУССКИМ ГОРОДАМ

Рисунки А. Кокорина

ВИД РОСТОВА С ОЗЕРА НЕРО

ВЛАДИМИР. ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА.

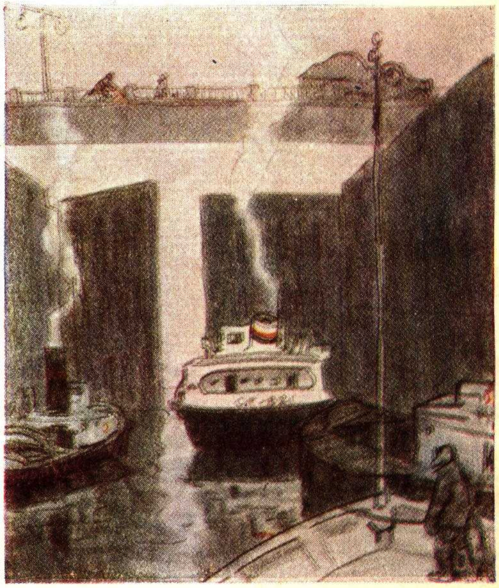

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ. НА РЕКЕ ТРУБЕЖ.

УГЛИЧ. МОСТИК.

ШЛЮЗ.

ЭТУ ПАНДУ ЗОВУТ АНЬ-АНЬ.

Рисунки В. Белышева

Московскому зоопарку — 100 лет

Вряд ли найдутся ребята, которых не интересовал бы Зоопарк и его обитатели! Сейчас, когда у Зоопарка «именины», мы посвящаем ему наши страницы и первое слово предоставляем Игорю Петровичу Сосновскому — бывшему юннату, а теперь директору Московского зоопарка.

Раскрытые секреты

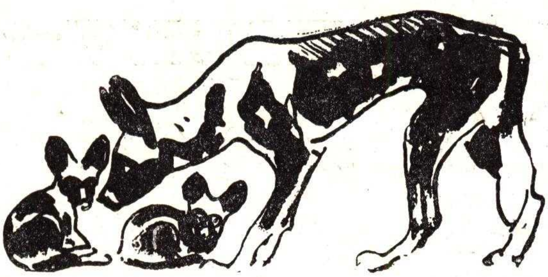
И. СОСНОВСКИЙ
Рисунки В. Белышева.

В Московском зоопарке животные со всего света. Их здесь не только показывают посетителям, но и всесторонне изучают. Постепенно, день за днем, год за годом, наши питомцы открывают все новые и новые секреты своей жизни и своего поведения.

На что уж, казалось бы, известное животное — еж. Кто его не знает! В природе он встречается буквально на каждом шагу. Биологи думали, что им про ежа вся подноготная известна, а оказалось, что и у него остались кое-какие тайны.

Однажды сотрудник зоопарка проводил в лектории беседу с ребятами. В руках он держал ежиху и объяснял, чем полезны ежи, как они прожорливы и целые дни охотятся на мышей, насекомых, гусениц, как справляются даже с ядовитыми змеями. И вдруг биолог замолчал на полуслове, с изумлением уставившись на свою ладонь. Он почувствовал, что там шевельнулся маленький теплый комочек. Ежиха прямо у него в руках родила ежонка, потом второго, третьего. Пришлось беседу прекратить и ежиху с детенышами поместить в клетку. Пока ей устраивали гнездышко, наши сотрудники, рассматривая ежат, заметили, что у новорожденных не видно никаких иголок. Они совсем голенькие, но на спинках множество каких-то маленьких пупырышков. Пока раздумывали, что это такое, пупырышки вдруг начали лопаться. Из каждого вылезла и распрямилась иголочка. Так узнали, что ежата рождаются со спрятанными колючками. Раньше об этом даже не подозревали. Думали, что иголочки вначале просто мягкие. Никто ведь не видел ежонка в первые минуты после рождения.

В другой раз нас удивили гиеновые собаки. Надо сказать, что эти дикие африканские собаки в зоопарках — редкость. Мы с трудом их раздобыли и постарались устроить так, чтобы они чувствовали себя как можно лучше. Гиеновые собаки хорошо прижились, были веселы и резвы. Вообразите нашу радость, когда однажды поутру мы услышали писк щенят! Но... радость была недолгой. На другой день в будке, которая служит норой, царило безмолвие. Посмотрели — нет щенят, исчезли! Видимо, они погибли, и самка их съела, это хищным животным свойственно. Прошел год, и повторилось то же. Мы терялись в догадках. Почему гибнут щенята?

На третий год, когда появились щенки, к ним каким-то образом проник самец. Мы ведь его каждый раз перед ощеном переводили в другую клетку, чтобы он как-нибудь не повредил щенкам. И вот он тут как тут. Новая беда! Теперь уж несдобровать малышам, думали мы... Но вышло по-другому: гиеновый «папаша» оказался очень нежным и заботливым. Он ревностно охранял гнездо, а главное — помогал самке выкармливать потомство. Два-три раза в день он забирал щенков по очереди в свою зубастую пасть и кормил их, отрыгивая полупереваренное мясо, которое получал в пищу. После этого малыши сосали материнское молоко, и все семейство укладывалось спать.

Раньше никто не знал, что у гиеновых собак кормят детенышей оба родителя и что с первого дня жизни малышам необходимо не только молоко, но и мясо. Мы сообщили об этом своим друзьям в другие зоопарки, теперь гиеновые собаки щенятся и там.

А вот загадка, которую загадала утка гоголь. Давно известно, что она устраивает гнезда в дуплах высоко на деревьях. Как же попадают утята на землю? Высказывались разные предположения. Самым правдоподобным казалось, что утка спускает их в своем клюве. Но никто не знал, так ли это на самом деле, пока в Московском зоопарке лет пятнадцать назад не установили наблюдения за гнездами гоголя. И что же увидели? Гоголята, едва вылупившись и обсохнув, смело прыгали из дупла. Легкие, пушистые, почти невесомые, они планировали, широко растопырив перепоночки лапок и куцые зачатки крылышек, а достигнув земли, целые и невредимые, шагали к воде.

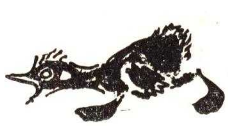
Но это еще не все! Недавно мы узнали, что маленькие гоголи не только парашютисты, но и гимнасты. Вот как это случилось. Мы подложили кряковой утке десятка два яиц утки гоголя. В положенный срок — через тридцать дней — появились пушистые черно-белые птенцы. Обычно утята не уходят от утки, а плавают за ней следом, вместе кормятся, ночуют, спрятавшись у нее под крылом. Наши гоголята оказались другого нрава. Они сразу покинули свою приемную мамашу и разбрелись по всей территории зоопарка. С пруда, у которого они вывелись, птенцы удрали через высокую ограду, взбираясь по сетке лапками и помогая крылышками. Некоторые залезали по шершавой коре на высокие деревья и прыгали с веток, протянувшихся на другую сторону ограды.

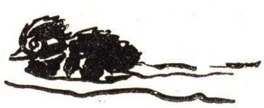
А почему водоплавающие птицы улетают на зиму? Долгое время считалось, что они спасаются от холодов. Но многолетние наблюдения показали, что это не так. Не сам холод гонит уток на юг, а зимняя бескормица. Инстинкт, выработавшийся за многие тысячелетия, ведет их на юг, к незамерзающим озерам, рекам и болотам, где полно всякой съедобной живности. У нас в зоопарке, имея корма вдоволь, водоплавающие птицы постепенно утратили инстинкт перелета и стали оседлыми. Отлично переносят зиму и лебеди, в том числе даже черные. А ведь они родом из Австралии.

Есть у нас и «домашняя» тигрица, зовут ее Гейша. Это замечательная тигрица. Ее взяли в джунглях совсем крошечной, она росла с людьми и привыкла доверять им. Живет Гейша в зоопарке около десяти лет и отличается необыкновенно ласковым характером. Даже когда у нее тигрята, Гейша остается добродушной и кроткой. Ее можно гладить, можно брать у нее тигрят, что называется, из-под носа, а она при этом только мурлычет. Но и в ней проснется свирепость хищного зверя, если ее дразнить, плохо с ней обращаться. Конечно, мы этого делать не будем. Мы и наших посетителей просим никогда не дразнить зверей.

Благодаря добродушному характеру Гейши нам удалось хорошо проследить, как развиваются тигрята, с какой быстротой растут, как прибавляют в весе, когда у них прорезывается первый зубок и когда они становятся совсем зубастыми.

И вообще нигде так много не узнаешь о развитии зверят, как в зоопарке. Ранней весной наши зоопарковские медведицы покидают свои берлоги и выводят наружу родившихся месяца за два до этого малышей. Первые дни после выхода медвежата всего боятся. Все им незнакомо, все страшно. Пролетит воробей — и мишки стремглав обратно в берлогу. Загудит автомобиль — и они со всех ног к маме — прятаться под ее мохнатое брюхо. А потом постепенно привыкают, осваиваются с окружающим миром.

Узнали мы и про медвежьи уроки плавания. Как потеплеет, медведица ведет медвежат к воде. Малыши насторожатся, а она — раз, и столкнет их лапой в воду. Они кричат, карабкаются на берег, а она их снова в воду. Наконец, медвежата выберутся и, разобиженные, бегут в дальний угол. Но мамаша не отступается. Догонит, возьмет зубами за шиворот, притащит назад к воде и бултых в воду! После двух-трех таких уроков медвежата становятся отличными пловцами. Без приглашений лезут купаться.

Много интереснейших сцен из звериной жизни нам удается наблюдать в зоопарке, много узнавать такого, чего в природе не выяснишь. Недаром зоопарк называют живой лабораторией!

Что мы видели, Что мы узнали В ЗООПАРКЕ

Е. РУБЦОВА.

Как Тобик рассердился

Тобик рассердился на Чандра. Для тех, кто не знает, скажем, что Тобик — маленькая собачка, а Чандр — могучий лев. Тобик был щенком, а Чандр — трехмесячным львенком, когда они подружились на площадке молодняка в Московском зоопарке. Потом их поселили вдвоем в одной клетке, и дружба длилась больше пятнадцати лет.

Посетители зоопарка подолгу смотрели, как Тобик нежно лижет нос спящему Чандру. При неосторожном движении или громко сказанной фразе он с яростным лаем бросался к прутьям клетки, «защищая» Чандра от воображаемой опасности. Словом, это были друзья!

Правда, сотрудники секции хищных зверей соблюдали твердое правило: пищу льву и собаке давали одновременно. Каждый получал свою долю мяса и отборных костей. Чандр и Тобик, казалось, тоже соблюдали какое-то неписаное правило: каждый знал свое и не зарился на чужое.

Но однажды Чандр прихворнул, и ему назначили добавочную кормежку. А так как Тобик был здоров, ему добавки не дали. Чандр принялся за еду, а Тобик, считая себя обиженным, с негодующим рычанием и лаем бегал вокруг него. Кончилось тем, что Чандр взял кусок мяса и отошел в угол, уступая остальное Тобику. Вероятно, это единственный случай, когда собака отняла добычу у льва.

Тобика с Чандром разлучила только смерть. Собаки не так долговечны, как львы!

Чандр очень тосковал, когда не стало Тобика. Тогда к нему посадили другую собачку, Тобку. Она на Тобика походила только кличкой, и за нее немножко опасались. Но Чандр хорошо отнесся к Тобке. Тобка ведет себя с Чандром даже смелее, чем Тобик. Если Чандр спит, а ей скучно, она без церемонии треплет его за гриву и за уши, пока не разбудит. Когда же ей самой вздумается поспать, она обязательно укладывается на передних лапах Чандра, как на диване. Доведись Чандру неловким движением потревожить Тобку — она сердится и может цапнуть его прямо за нос. Огромный Чандр, который мог бы проглотить Тобку, как пилюлю, терпеливо сносит ее укусы.

Вообще он слушается Тобку. Он ходит за ней, будто собачка на поводке. Если надо Чандра перевести в другую клетку, зовут Тобку. Куда идет она, туда следом послушно шагает Чандр.

У Малышки болит зуб

Звери не любят белых халатов. Белый халат всегда предвещает неприятность: какую-нибудь горькую таблетку, запряганную в кусок мяса, а чего доброго, и укол...

Из всех жителей Московского зоопарка только один не питает недоверия к белому халату и не возражает против лекарства. Это морж Малышка.

У Малышки, которая, в скобках сказать, весит добрую тонну, часто болят зубы. Другим зверям больные зубы удаляют. Удаляли однажды даже ягуару. А моржу нельзя. У моржа все зубы сращены вместе в одну пластину. Не выдирать же ему всю челюсть! Единственный способ помочь Малышке — дать ей какое-нибудь болеутоляющее лекарство. Ей и дают — пирамидон с анальгином. И Малышка, по-

видимому, как-то сумела понять, что именно эти маленькие беленькие лепешки прогоняют боль.

Лишь только у Малышки начинает болеть зуб, она отказывается от пищи и, обхватив голову ластами, с трагическим видом ждет помощи. Завидев врача, она с готовностью раскрывает пасть и одну за другой глотает таблетки.

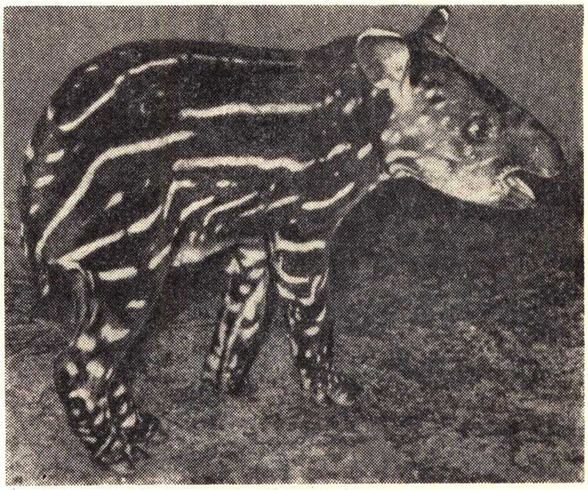
Человеку прописывают: «По одной таблетке три раза в день». Но Малышку одной таблеткой не проймешь! Ей за один раз скармливают всю пачку. Десять таблеток!

Вообще Малышка очень умная. Однажды зимой, расширяя прорубь во льду, служитель уронил пешню. Пешня, разумеется, тотчас пошла ко дну.

— Эх, Малышка, хоть бы ты достала! — досадуя на свою неловкость, сказал служитель.

Вдруг, к его изумлению, Малышка нырнула и через миг появилась с пешней в зубах.

ТАПИРЕНОК

Папа — Топ, мама — Тепа, а это — Москвичка. Рождение тапира в неволе — большая редкость. Да и на воле этот древний вид копытных почти вывелся.

Анька

Анька — это уменьшительное имя, а полное Ань-Ань. Так зовут бамбукового медведя, который живет в Московском зоопарке. Бамбуковый медведь, или большая панда,— очень редкий зверь. Он живет в одном месте на земном шаре — в горах Южного Китая, среди скал, в бамбуковых зарослях. Он встречается так редко, что многие европейские зоологи и путешественники, знавшие о нем лишь по рассказам, долгое время сомневались в его существовании. Но и когда видишь большую панду, с трудом веришь своим глазам. Кажется, какой-то шутник причудливо раскрасил под клоуна этого круглого, мохнатого увальня. Черные штаны, черные рукава, брюхо и спина в белом жилете, а на белой морде — черные очки. Совершенно обворожительный зверь!

Анька попал в Москву еще медвежонком и скоро стал общим любимцем. Живет он в зоопарке припеваючи. Летом у него просторная площадка с плавательным бассейном, с качелями, с ветвистой корягой для лазания. Аппетит у Аньки — позавидуешь! Он любит и кашу с молоком, и протертые овощи, и особенно молодые, зеленые побеги бамбука. Впрочем, когда нет молодого бамбука, он с удовольствием жует березовые веники. В них тоже много нужных ему витаминов. Живя в Москве, Анька, как все москвичи, пристрастился к чаю. Он выдувает в день четыре литра сладкого, хорошо заваренного чая. Очень любит соки — вишневый и томатный.

Но самое смешное — Анькина физкультура. В зимнем помещении нет такого простора, как на открытой площадке, и Анька, чтобы размяться, кувыркается. Обойдет клетку по кругу, и — кувырк через голову! Снова круг. И на том же месте снова кувырок. Кувыркается он здорово, любой акробат позавидует: мягко, аккуратно, с какой-то удивительной грацией, неожиданной в толстом, тяжелом, косолапом теле. Тут уж Анька совсем похож на клоуна.

КАК Пальма с Кипарисом изучали технику

Надо было узнать, есть ли у человекообразных обезьян свой «язык». Что означают различные восклицания — все эти «кха-кха», «хук-хук», «хах», «ух», «уао»?

Биологи Московского университета много дней вели наблюдения, помечая, каким чувствам и настроениям какой возглас соответствует. Наполнили записями целые тетрадки. А потом оставили в обезьяннике заведенный магнитофон на вечерние и ночные часы, когда нет посетителей и посторонние звуки не мешают записи.

Пришли наутро, смотрят — нет магнитофона! Орангутаны Кипарис и Пальма разобрали все по винтикам. Они проявили немалую изобретательность, чтобы добраться до прибора. Выломали прут из загородки (а прутья-то в палец толщиной!). Согнули прут крючком, зацепили ножку табурета, подтянули табурет вместе с магнитофоном, и пошло изучение техники! В результате весь пол клетки орангов был усыпан исковерканными деталями, а волосатые «исследователи», с ног до головы опутанные обрывками магнитной ленты, весело резвились, довольные своей работой.

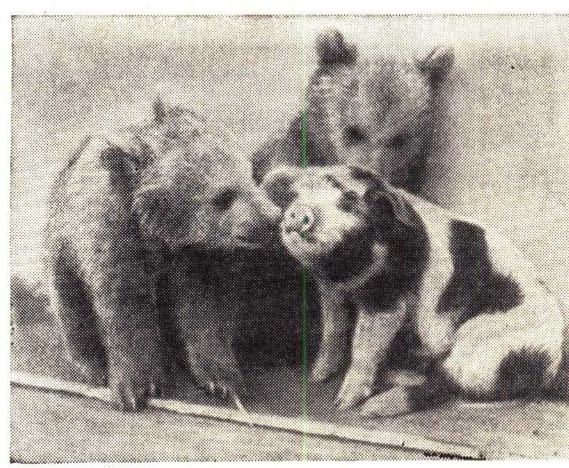
КОГДА ЗВЕРИ ЕДУТ В ГОСТИ

Есть в зоопарке уголок, в который не заглядывают посетители. Проживающих там зверей часто не бывает дома. А если они дома, тут же стоят два автобуса, всегда готовые в путь. Это зоопарк на колесах, или, как его здесь называют, выездная группа.

Выездная успевает за лето побывать во всех подмосковных лагерях, дальних и ближних, а зимой — в школах, интернатах, в детдомах, в пионерских клубах. Даже в телестудии побывали звери выездной.

Звери очень любят ездить в гости. Заслышав, что у автобуса заводят мотор, они радуются, прыгают, виляют хвостом, всячески выражают свое нетерпение. А те, кого в этот раз не берут, очень огорчаются. Они жалобно скулят, встают на задние лапы и печальным взглядом провожают остальных.

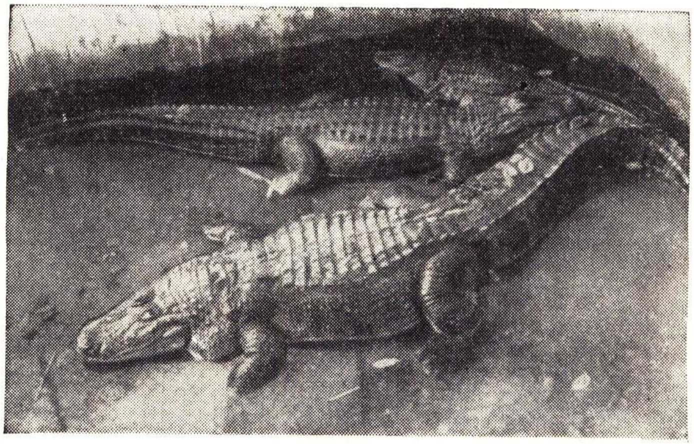
СЕРДИТЫЙ ПОРОСЕНОК

На площадке молодняка все зверята его боялись и в то же время все любили с ним играть. Даже над задиристыми щенками динго он брал верх.

По-видимому, этот самоуверенный поросенок не догадывался, что в природных условиях он был бы законной добычей и для медведя, и для волка, и для динго. Он чувствовал себя королем зверей. Кусался, командовал, а постелью ему служили мягкие и теплые медвежата.

А этот живой?

Так спрашивают посетители после долгого созерцания крокодила.

— Разумеется, живой! — чуть улыбаясь, отвечает Мария Михайловна Морозкина, зоотехник террариума.

— Тогда почему же он не шевелится? Я чуть не полчаса жду, а он и глазом не моргнул.

И Мария Михайловна объясняет, что пресмыкающиеся и земноводные относятся к холоднокровным животным. Обмен веществ у них замедленный; переваривают пищу они очень долго и поэтому едят не каждый день, питоны, например, всего три раза в месяц. Приток энергии у холоднокровных невелик, и расходуют они ее экономно, лишних движений не делают.

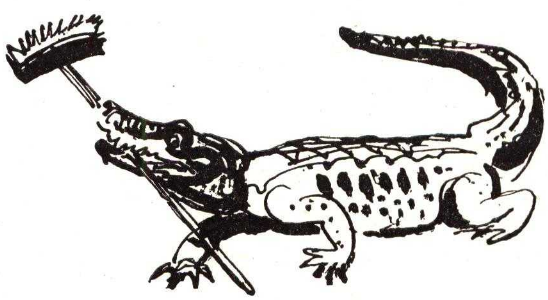
Разговаривая, Мария Михайловна заметила в стеклянном крокодильем домике какой-то непорядок. Взяв длинную швабру, она открыла заднюю дверцу...

Крокодил, только что походивший на свой собственный памятник, внезапно «ожил». С быстротой и ловкостью тигра ринулся он на щетку. Лязгал зубами с яростью цепной собаки. Только что не лаял! А сильный гребенчатый хвост бил по воде, взметая фонтаны брызг.

В эту минуту никому не пришло бы в голову спросить, живой ли он. Кто-то из зрителей сказал только:

— Да-а... Попадись такому!

А в следующее мгновение, когда щетка, сделав свое дело, была убрана и дверца закрыта, крокодил снова застыл в каменной неподвижности, будто накапливая ярость и силы для нового броска. И нам при этом представилась не сцена из приключенческого фильма, когда герой идет по берегу тропической реки, а крокодил ждет его в засаде. Нам представилось другое: как сотрудницы террариума держат крокодила, обернув зубастую пасть полотенцем, пока профессор Медведев делает прихворнувшему чудищу операцию. А так случалось!

Хамелеон стал зайцем

«Один глаз на нас, другой на Арзамас». Есть такое присловье. И ни к кому оно так не подходит, как к хамелеону. Все хамелеоны поворачивают оба глаза независимо друг от друга. Так было и с тем хамелеоном, с которым мы познакомились в зоопарке. Сначала он задумчиво смотрел на нас сквозь стекло террариума. Потом его заинтересовало что-то позади, на побеге аспарагуса, и он, продолжая созерцать нас одним глазом, преспокойно повернул другой глаз назад. Конечно, глаза у него посажены не так, как у нас. Выпуклые, шаровидные, они не спрятаны в глазных впадинах, а сидят снаружи, совсем на виду, как у чешской куклы Гурвинека.

Заморские звери попадают в зоопарк поразному. Одних зоопарк покупает, других получает в обмен, третьих привозят в подарок из дальних странствий геологи, полярники, моряки торгового флота, китобои.

Этот хамелеон, пожалуй, единственный, кто приехал сам по себе. Партия бананов прибыла на плодоовощную базу Дзержинского района Москвы. Там-то при сорти-

ровке плодов и обнаружили хамелеона. Безбилетным пассажиром он совершил путешествие из Африки на большом корабле-банановозе.

Трудно было заметить хамелеона среди гроздьев золотистых плодов. Он меняет цвет от зеленого до желтого, от желтого до малинового, а то и пятнистым становится. На фоне бананов он, конечно, был бананового цвета. Это и помогло ему проехать «зайцем». Вот почему в зоопарке его назвали Зайчиком.

ИСТОРИЯ С САЛАМАНДРОЙ

Исполинская саламандра Катька сидит в мелкой ванне с водой. Катька злая, кусачая. Но все равно ее регулярно осматривают, здорова ли.

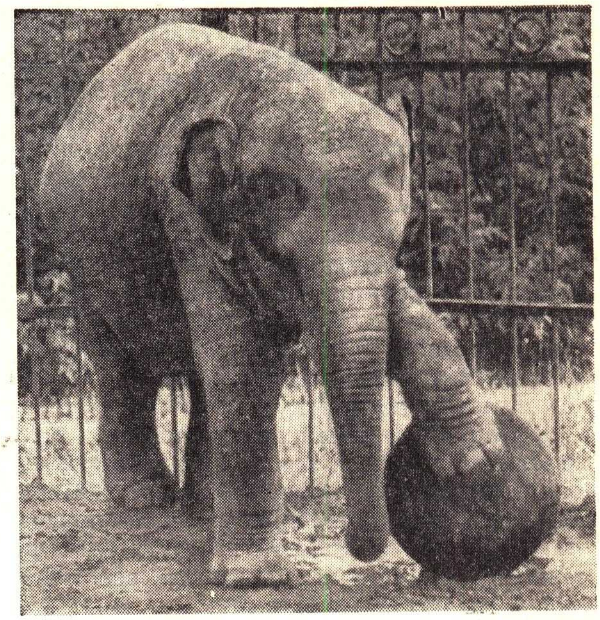
Однажды при осмотре зоотехник обнаружил у нее маленькую язвочку на коже. Если бы язвочка была на спине — лечить было бы просто: смазывай лекарством, и все. А язвочка на брюхе. А брюхо всегда в воде. Лекарство сразу будет смыто.

Выход придумали такой: стали пускать пенициллин прямо в воду. У Катьки теперь не простая ванна, а лечебная.

Катька поправляется, и все рады. Рады еще и тому, что у нее отрастает новая лапка. Прежнюю ей откусила подружка, вторая саламандра, с которой ее везли к нам.

Катькина лапка почти доросла до нормальных размеров, и на конце уже наметились пальчики. Вот бы людям так!

СИДЭВИ, МОРСКАЯ ВОЛНА

Так поэтично назвали этого слоненка цейлонские друзья, приславшие его московским ребятам.

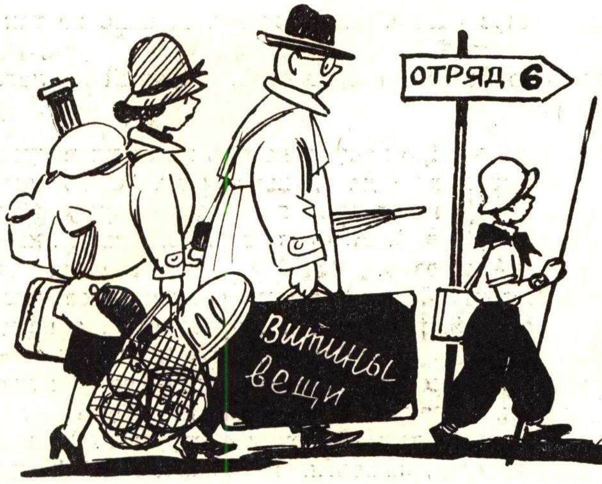
В Зоопарке есть еще один «именинник». Зовут его КЮБЗ, что значит — Кружок юных биологов Зоопарка. Он сейчас празднует свое сорокалетие.
Поздравляем ребят, членов КЮБЗа! Желаем им успехов!

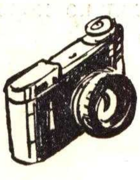
ГРЕТА С ДОЧКОЙ

У бегемотов Греты и Петера очень милая дочурка. Зовут ее Ракетой, хотя рекордов по быстроте она не ставит. Крошка весит по крайней мере тонну!

Мама Грета очень нежна со своей тяжеловесной дочуркой, а вот папу Петера пришлось отделить. Он оказался грубияном и пробовал играть новорожденной, как волейбольным мячом.

Первый раз в лагерь

Итак, едем, друг, в пионерский лагерь? Если ты человек бывалый, ты уже все заранее представляешь себе: как вы все соберетесь на заводском дворе, где играет духовой оркестр, и как будут растекаться ребята к табличкам с надписью «3-й отряд», «4-й отряд», как встретятся старые друзья, с которыми в походы вместе ходили и с соседним лагерем в баскетбол играли...

Бывалый человек не пропадет, не потеряется, сразу сообразит, что к чему; ему никаких советов не нужно: он и сам все знает.

Эти советы для тех, кто собрался в лагерь впервые.

Ехать в лагерь или не ехать? На первый взгляд странный вопрос. Раз мама достала путевку, какие могут быть разговоры?

Но во дворе жаркий спор разгорелся.

Один парень говорит:

— Только дураки в лагерь ездят. Чего там хорошего? «Стань в строй!», «Ручки под щечку — на правый бок!»... Кино почти не бывает, а если бывает, то старое какое-нибудь. А купаться? Только в воду влезешь — уже кричат: «Вылазь!» То ли дело в деревне, у бабки! Сиди в воде аж до посинения!

Другой кричит:

— Ну да! Лагерь — это здорово! У нас знаешь, как в лагере? У нас военная игра ночью была. Мы залезли в канаву, лежим, а тут дяденька с последнего поезда идет. Мы ка-ак выскочим! Время хотели узнать. А он руки вверх поднял и кричит: «Милые, родные, ничего у меня нет!»

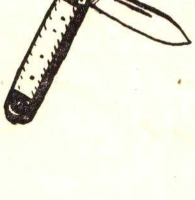
Третий:

— А у нас олимпийские игры были. Победителям — золотые медали.

— Не свисти, зо-ло-тые!

— Золотые!

— Не золотые!

— Спорим — золотые!

— Спорим — не золотые!

Так и не выяснилось, хорошо в лагере или плохо, лучше в деревне или хуже...

А на самом деле?

А на самом деле в лагере хорошо.

Потому что в лагере кружки и всякие соревнования. И игры. И походы. И бал-маскарад. И гости знаменитые приезжают. И с едой получше — три, а то и четыре раза в день кормят. И кино не так уж редко бывает.

Так что, если есть путевка, не раздумывай, поезжай в лагерь!

Что взять с собой в лагерь? Про вещи говорить не буду: в путевке все написано, сколько трусов нужно да сколько маек. Одно только напомню: обязательно возьми пионерскую парадную форму (белую рубашку, черные брюки или юбочку). А то на торжественной линейке ты себя будешь чувствовать неловко.

Поговорим о другом. Постарайся, например, обойтись без чемодана. Рюкзак лучше. В поход пойдете — рюкзак пригодится, а чемодан в поход не потащишь...

Еще что взять? Если с ластами плавать умеешь, — возьми ласты. В лагере может не оказаться. Ножичек перочинный не забудь — лодку из коры вырезать, свистульку сделать, палочку обстругать. Ножик — вещь нужная. Если компас есть, захвати, не пожалеешь. Подумай о своем любимом занятии. Рисуешь — запасись бумагой, красками, карандашами. В лагере этого добра много, но лучше ни на кого не надеяться. Фотографируешь? Аппарат возьми, немножко пленки — на первый случай. Радиоделом занимаешься? Перерисуй несколько хороших схем. Учишься музыке? Ноты возьми.

Особенно дорогих вещей с собой не бери. Будешь все время заботиться о них — как бы не потерять да не сломать... Часы, например. Зачем в лагере часы? В лагере вместо часов горн пионерский. Горн — вставай, горн — на линейку, горн — в столовую. Просто...

За кого голосовать на выборах? Сегодня приехали в лагерь, а завтра уже выборы совета отряда, звеньевых, совета лагеря. Ты сначала удивишься: «Как же так? Еще никого не знаем, а уже голосовать надо». Но другого выхода нет. Лагерная смена — всего 26 дней. Нельзя же неделю без совета отряда жить, присматриваться! В лагере жизнь идет быстрым темпом, за день много всяких событий случается, и все ребята на виду. Сразу ясно, кто может руководить звеном, а кто нет; кто справедлив, а кто задавака. Только, пожалуйста, не думай, что тебе все равно, кого избирать. Плохой совет выберете — и жизнь у вас будет плохая, неинтересная. Но обычно такого не случается.

Потому что пионерский лагерь так хитро устроен: каждый попадает в самый лучший отряд. Каждый!

Не веришь? Спроси во дворе или в классе кого хочешь, и все тебе скажут, что они были в лучших отрядах...

Кого в лагере любят, а кого не любят? Если у тебя невыносимый зуд в кулаках, такой зуд, из-за которого все время драться хочется, или у тебя неописуемое органическое отвращение ко всякой работе, тогда тебе будет доставаться и от ребят и от вожатого.

В лагере не любят, когда человек задерживает отряд. Все построились в поход идти, а ты где-то копаешься. Тут, конечно, ребята злиться начнут. Охота из-за одного на солнце жариться!

И еще не любят нерях. В лагере, как правило, идет соревнование за чистоту, комиссии каждый день спальни проверяют. И если из-за твоей неаккуратности отряд не получит вымпела, и тебе будет стыдно и ребятам.

И, наконец, не любят в лагере жадин, ябед, эгоистов, слюнтяев и лентяев. Но их нигде не любят...

А кого в лагере любят? В лагере любят ребят веселых, компанейских. Спортсменов хороших любят. Очень любят тех, кто умеет рассказывать длинные интересные истории. Если ты читал какую-нибудь редкую книжку, приготовься рассказать ее новым своим друзьям вечером в палате после отбоя. Любят в лагере работящих ребят, таких, что если возьмутся за работу, — будут работать. А работа в лагере известная: спортгородок в порядок привести, на кухне подежурить, колхозу помочь...

Новичок ты или нет? Чем в лагере хорошо — там нет новичков, все на равных правах. Помни это и не тушуйся! Когда будете составлять план работы, сам в него предложи что-нибудь интересное. В лагере хозяева — ребята; если скучно, то и спрашивать не с кого.

Поэтому, когда будете составлять план работы, ты сам позаботься, чтобы в него включили дальний поход и большую военную игру. Что у вас в школе было интересного? Предложи провести это и в лагере. Другие ребята увидят, а потом у себя в школе повторят. Если тебе совсем уж нечего предложить, могу подсказать: проведите, например, как-нибудь вечером «разнобой».

Знаешь, что это такое? Разбивается отряд на команды. Каждая команда придумывает себе смешное название. Выбирают «совет мудрейших» — вроде жюри, судей. Договариваются: задаем по три вопроса о политике, о спорте и о технике. Вопросики надо подобрать похитрее. Вот, скажем, такой: «Где находится государство Каутулей?» (А оно является составной частью Бирманского Союза и создано совсем недавно, в марте 1964 года. Его населяют каремы.) Одна команда задает вопросы, другая отвечает, потом наоборот. А судьи присуждают очки. Победителям, разумеется, премия.

Что из лагеря увезти? Из лагеря можно увезти много полезного — такого, что навсегда пригодится тебе.

Например, не умеешь плавать, — научись хоть немножко.

Никогда авиамоделизмом не занимался — сделай первую схематическую модель. Может, этим летом твоя судьба определится, может, ты станешь заядлым авиамоделистом, а потом — знаменитым авиаконструктором. Как Туполев. Или как Ильюшин.

А на сцене пробовал ты свои силы? Если в лагере будет драмкружок и если захочется, — запишись, не бойся. Увидишь, как это интересно — выступать перед ребятами.

Словом, пробуй себя и так и этак, только особенно не разбрасывайся. Наметь себе цель, чего добиться за 26 дней смены, и действуй... Жалко ведь упускать возможности!

Вот, пожалуй, и все главные советы.

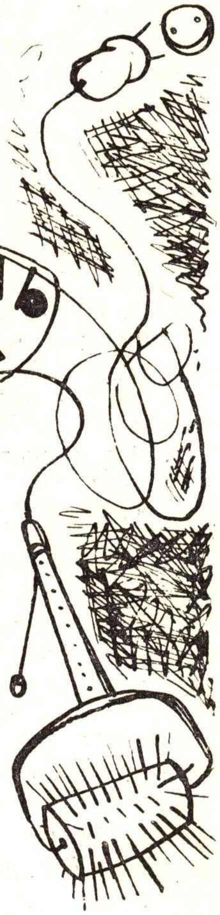
Если они тебе пригодятся, напиши мне, пожалуйста, после смены и заодно расскажи, хорошо ли тебе было в пионерском лагере.

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ

Владимир ЛИФШИЦ

Рисунки Е. Медведева.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И БАБУШКА

Очень многое на свете
До меня изобрели:
Рыбаки имеют сети,
Мореходы — корабли.

В мировых просторах где-то,
Совершая свой полет,
Межпланетная ракета
Сообщенья людям шлет!

И часы
Изобрели,
И весы
Изобрели,
Чайник,
Скалку,
Зажигалку —
Все уже изобрели!

Вон летит, подобно чуду,
Самолет системы «ТУ»..
Чем же я известен буду!
Что же я изобрету!

Не для славы,
Не для денег,
А чтоб бабушке помочь,
Я сперва
Электровеник
Сконструировать не прочь.

Пусть в углу себе стоит он,
Но едва завидит сор,
Пусть, как «ТУ», к нему летит он
Из угла во весь опор!

Чисто,
быстро,
аккуратно —
Взад-вперед,
Туда-обратно —
Сор собрал он,
уволок,
Снова встал он
в уголок!..

— Но пока электровеник
Ты не смог изобрести,
Взял бы, лодырь, просто веник
Да помог бы подмести!..

Сегодня мне приснилось,
Что стал я нездоров,
И вот ко мне явилось
Пятнадцать докторов.

Они покорно сели
Передо мною в ряд,
А я, вскочив с постели,
Надел большой халат.

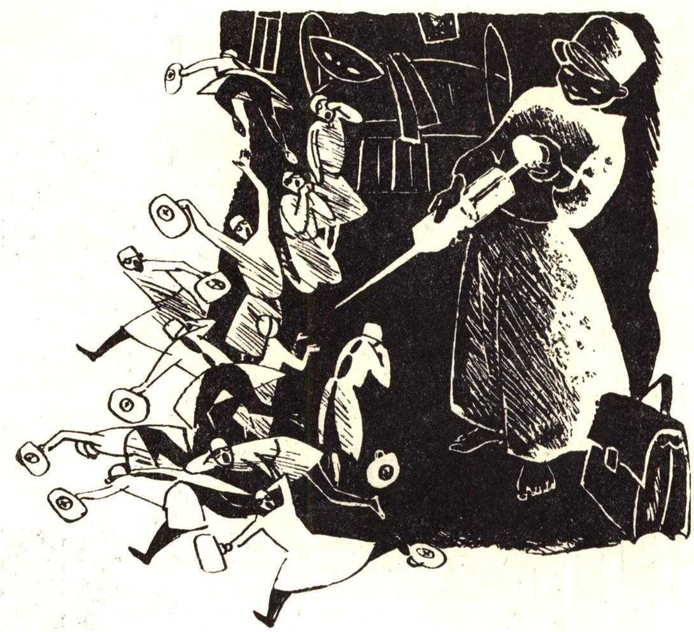
— Дышите!..
Не дышите!..
Скажите: «Ри-ки-ки!..»
А ну-ка, покажите
Мне ваши языки!..

Противиться не стали
Пятнадцать стариков
И тотчас показали
Пятнадцать языков.

— Когда приду из школы,—
Сказал я докторам,—
Всем сделаю уколы! —
Сказал я докторам.

— Чтоб каждый дожидался!—
Сказал я докторам.
И в комнате поднялся
Ужасный тарарам!

И в комнате поднялся
Ужасный шум и крик,
А я расхохотался
И выздоровел вмиг.

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

ШУТКА

Учительницу пения,—
До, ре, ми, фа, соль,—
Он вывел из терпения,—
Соль, фа, ми, ре, до!
Поют певцы прилежные:
До, ре, ми, фа, соль,
А он поет по-прежнему:
Соль, фа, ми, ре, до!

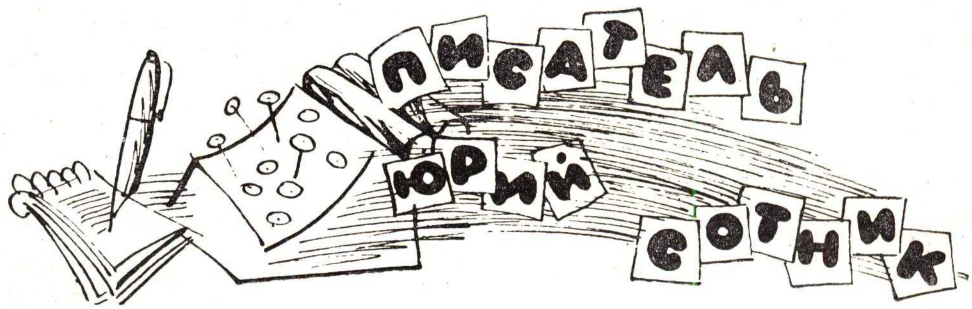
Мы сделали сложение:
Двести сорок три,
А у него решение:
Триста сорок два!

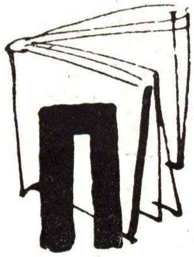
Учитель возмущается:
— Двести сорок три! —
Но снова получается
Триста сорок два!

Сказали все уверенно:
— А б в г д! —
А он сказал намеренно:
— Д г в б а!..
И скажет он и сделает —
Знаем наперед —
Все шиворот-навыворот,
Задом наперед!

Б. САРНОВ

Правильно оценить ту или иную вещь, сделанную руками человека, может только тот, кто имеет хоть какое-нибудь представление о том, как вообще делаются такие вещи, каковы «секреты» данного ремесла. Поэтому и читателям книг, может быть, было бы полезно узнать кое-какие «секреты» писательского мастерства.

Наслаждаясь книгой, мы не думаем в этот момент о том, как книга «сделана». Мы вообще частенько и не подозреваем о том, что книга — результат труда, итог большой работы. А об этом иногда не мешает вспомнить.

Есть тут, правда, и одна опасность.

Вместо того чтобы испугаться за любимого героя, попавшего в беду, читатель, знающий все «секреты», лишь хладнокровно подумает:

— Гм-гм... Вон как он хитро разворачивает сюжет, этот автор! Что ж, молодец, свое дело знает...

Вместо того чтобы, не мудрствуя лукаво, смеяться там, где смешно, он будет деловито соображать:

— Ага, так вот каким способом писатель вызывает тут смех...

Чтобы ничего подобного с вами не произошло, в так называемые «секреты» писательского мастерства надо вникать очень осторожно.

И в критических статьях да и в школе на уроках литературы часто можно встретить такое выражение: «сделать разбор» книги.

Это выражение кажется мне крайне неудачным. Оно заставляет предположить, что художественное произведение можно «разобрать» на составные части, как разбирают на части игрушку или механизм.

Произведение искусства так «разбирать» нельзя.

Очень хорошо сказал об этом С. Я. Маршак:

— Для того чтобы понять, «что внутри», как выражаются дети, нет никакой необходимости нарушать цельность художественного произведения. Надо только поглубже вглядеться в него, не давая воли рукам.

Воспользуемся этим советом и, «не давая воли рукам», попытаемся поглубже вглядеться в книги писателя Юрия Сотника.

* * *

Дети часто совершают поступки, которые взрослым кажутся совершенно бессмысленными, настолько необъяснимыми, что, как говорится, впору только руками развести. Даже у Гайдара, в книгах которого наблюдается редкое взаимопонимание между маленькими и взрослыми героями, нет-нет да и появится такой взрослый персонаж, подозрительно и недоверчиво ожидающий от каждого мальчишки всяческих каверз.

Юрий Вячеславович Сотник.

Вот, например, дворничиха в «Судьбе барабанщика». Она твердо убеждена, что «дитё — оно и есть дитё. Сейчас умное, а отвернулся — смотришь, а оно еще совсем дурак».

Герой повести не согласен с такой оценкой его умственных способностей:

«— Это которые маленькие — дураки,— обиделся я.— А я уже не маленький.

— Э, милый! Бывает дурак маленький, бывает и большой. Моему Ваське шестнадцатый. Раньше в таку пору женили, а он достал железу, набил серой,

хлопнул — да вот три недели в больнице отлежал. Хорошо еще, только лицо ковырнуло, а глаза не вышибло. Да что я тебе говорю: ты, чай, про это дело лучше моего знаешь!

Я что-то промычал и быстро исчез, потому что в Васькином деле была и моей вины доля».

А вот другой взрослый персонаж той же повести — дворник дядя Николай. Герой прибегает к нему попросить на минуточку напильник. И хотя, казалось бы, ничего подозрительного в этой просьбе нет, дядя Николай относится к ней в высшей степени настороженно:

«— Зачем тебе напильник? — недоверчиво спросил дворник.— Все хулиганство! Вечор тоже мальчишка из шестнадцатой квартиры попросил отвертку, а сам, чертяка, чужой ящик для писем развинтил, котенка туда сунул, да и заделал обратно. Жиличка пошла газеты вынимать, а котенок орет, мяучит. Газет исцарапал да полтелеграммы изодрал от страха. Не то в телеграмме «приезжай», не то «не приезжай», не то «подожди езжать, сам приеду».

— Мне, дядя Николай, такими глупостями заниматься некогда,— сказал я.— У меня радиоприемник сломался. Ну вот... там подточить надо».

И хотя герой повести слукавил — напильник ему понадобился, конечно же, не для починки радиоприемника,— а все-таки что правда, то правда. Маленьким героям Гайдара действительно «такими глупостями заниматься некогда». Они заняты другими, неизмеримо более важными делами. С самых малых лет они оказываются втянутыми в большие и грозные события. Ведь почти каждая книга Гайдара рассказывает если и не о войне, то, во всяком случае, «о делах суровых и опасных — не меньше, чем сама война».

Ассистент зигзагами стал подбираться к собаке. Рисунок В. Ладягина к рассказу «Дрессировщики».

В тот момент, когда козел подошел к подоконнику, Лешка окончательно забыл про свою самостоятельность.
Рисунок Г. Валька.

Ну, а что касается маленьких героев Юрия Сотника, то здесь все наоборот. У них для этих «всяких глупостей» времени хватает. И даже с избытком. Может даже показаться, что все рассказы Юрия Сотника только об этом и повествуют. В каждом из них ребята озадачивают взрослых поступками, из которых один другого похлестче. И о каждом из этих поступков можно сказать словами гайдаровской дворничихи: «Дитё — оно дитё и есть. Сейчас умное, а отвернулся — смотришь, а оно еще совсем дурак».

В одном рассказе ребята, воспользовавшись отсутствием родителей, втаскивают в городскую квартиру, на четвертый этаж, злого и бодливого козла («Как я был самостоятельным»).

В другом мальчишки натравливают собаку на лейтенанта милиции, и потом, когда собака куда-то исчезает, бедный лейтенант должен ни с того ни с сего делать себе уколы «от бешенства» («Дрессировщики»).

В третьем рассказе ребята, отправившись в путешествие по вентиляционным трубам старого школьного здания, заглядывают в класс сквозь вентиляционную отдушину в потолке и, конечно же, срывают урок («Исследователи»).

В четвертом мальчишка-изобретатель с двумя помощниками пытается построить самодельную подводную лодку, погружается в этой лодке на дно реки, а подняться на поверхность не может и только чудом остается в живых («Архимед» Вовки Грушина»).

В пятом мальчишка в вагоне пригородного поезда упускает из банки настоящую живую гадюку, тем самым устроив неимоверный переполох и до смерти напугав всех пассажиров («Гадюка»).

Да что там говорить! В каждом, буквально в каждом произведении Сотника, будь то рассказ, повесть или пьеса, обязательно происходит что-нибудь вот

— Я... я совсем недавно ее проверял... Гадюка тут была...— растерянно сказал Боря.

Рисунок Г. Валька.

этакое. Его маленькие герои всегда «откалывают» нечто несусветное.

Но самое интересное даже не это. Самое интересное: как относятся к этим «дурацким» поступкам ребят взрослые персонажи рассказов Сотника. И еще: как относится к ним сам автор?

Почти все рассказы Сотника кончаются несколько необычно. В конце рассказа обязательно обнаруживается, что автор, даже когда он рассказывает о самых нелепых, глупых, озорных поступках своих героев, неизменно сочувствует им. И не только сочувствует, но и не старается скрыть своего сочувствия. Причем это сочувствие он проявляет, как говорится, не на словах, а на деле.

Вспомните!

Рассказ «Гадюка» кончается тем, что все пассажиры вагона ловят пропавшую гадюку и, забыв, что секунду назад они проклинали незадачливого натуралиста, изо всех сил стараются помочь ему.

«Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий».

Рассказ «Дрессировщики» кончается тем, что пострадавший лейтенант милиции, вместо того чтобы привлечь к ответственности (хотя бы оштрафовать) ребят, натравивших на него собаку, дарит им щенка-овчарку «с острой мордой, торчащими ушами и высокими толстыми лапами».

«Бабушка выпустила из рук поводок и долго стояла, уперев руки в бока, глядя на щенка, который расхаживал по передней, потягивая носом. Потом она сходила в комнату, надела очки и, вернувшись в переднюю, присела на корточки.

— Ну-ка, ты! Как тебя?.. Поди сюда! — сказала она, чмокнув губами.

Щенок подошел к ней, виляя хвостом и улыбаясь. Придерживая его за спину, бабушка нашла на ошейнике металлическую пластинку. На ней было выгравировано: «Грише Уточкину и Олегу Волошину от работников 3-го отделения милиции».

Рассказ «Исследователи» кончается и вовсе неожиданно. Старый учитель, отправившийся на поиски «хулиганов», проникших в вентиляционные трубы, сам увлекается необычной системой вентиляции и спустя некоторое время с ужасом обнаруживает, что он заперт в вентиляционной трубе. Он сам велел дворнику запереть дверку, чтобы никому больше не повадно было лазить. Не мог же в самом деле дворник предположить, что, вешая замок на дверь котельной, он запирает там семидесятилетнего Николая Николаевича, который оказался ничуть не менее любопытным, чем его одиннадцатилетние ученики.

Вскоре школа опустела. Остались только трое «хулиганов», дожидающихся в раздевалке, когда появится Николай Николаевич и прочтет им свою нотацию. Они-то и выручили своего старого учителя.

«Через полчаса Николай Николаевич сидел за партой в пустом классе. Возле него стояли трое мальчишек и смотрели на него во все глаза. Разговор о трудовой дисциплине, о том, что дорог каждый час учебы, был закончен.

— Нет, голубчик. Я думаю, что твое предположение неверно,— говорил Николай Николаевич, укладывая пенсне в футляр.— Теоретически, может быть, и возможно, что такая система вентиляции способствует поддержанию более или менее одинаковой температуры во всех помещениях, но практически... Ведь ты, наверно, обратил внимание, что...

Толстый мальчишка перебил его:

— Николай Николаевич... а зачем вы туда полезли?

Николай Николаевич посмотрел на него, потом улыбнулся:

— Знаешь, в старину говорили: лукавый попутал...

— Гы-ы! — хором сказали мальчишки и вполне удовлетворились его ответом».

Они вполне удовлетворились этим ответом, потому что, к великому своему удовольствию, поняли, что у Николая Николаевича, как и у них, не было никаких «взрослых», то есть серьезных, оснований для этого «странного» поступка. Он полез в вентиляционные трубы по той же самой причине, по какой это сделали они: из простого человеческого любопытства. И еще они были вполне удовлетворены этим ответом, потому что поняли, что в их любопытстве не было ничего противозаконного, худого, достойного осуждения...

Именно к этому нехитрому выводу приводят нас едва ли не все рассказы Юрия Сотника.

Конечно, нехорошо, что ребята занялись «исследованием» вентиляции во время урока. Но их жадная, неиссякаемая любознательность сама по себе привлекательна и даже заслуживает поощрения.

Конечно, нехорошо, что Вовка Грушин, называя свою подводную лодку «Архимедом», предполагал, что Архимед — это какой-то древний полководец. По-видимому, если б он лучше знал, кто такой Архимед, с ним бы не произошли все те многочисленные неприятности, о которых мы узнаем из рассказа. И все-таки в его «изобретательстве» и даже в его наивной самонадеянности есть что-то обаятельное, хорошее...

Конечно, выпустить среди бела дня из банки живую гадюку — не бог весть какой хороший поступок. Но ведь это произошло случайно.

А если вдуматься по-настоящему, маленький герой рассказа — человек целеустремленный, самоотверженный. И все взрослые персонажи рассказа это в конце концов понимают: «Другие ребятишки в каникулы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мытарился».

Это с равным основанием можно сказать буквально обо всех маленьких героях Ю. Сотника. Они все проявляют подлинную самоотверженность и целеустремленность, и, право, не их вина, если в результате что-нибудь получается не так.

Как выясняется, добрые побуждения лежат даже в основе «диких» поступков Димки-феодала, который... Впрочем, поступки Димки стоят того, чтобы перечислить их подробнее. Тем более, что все эти поступки, вместе взятые, стали поводом для специального заседания учкома.

«Председатель встал во весь свой длинный рост и направил блестящие стекла очков на Диму:

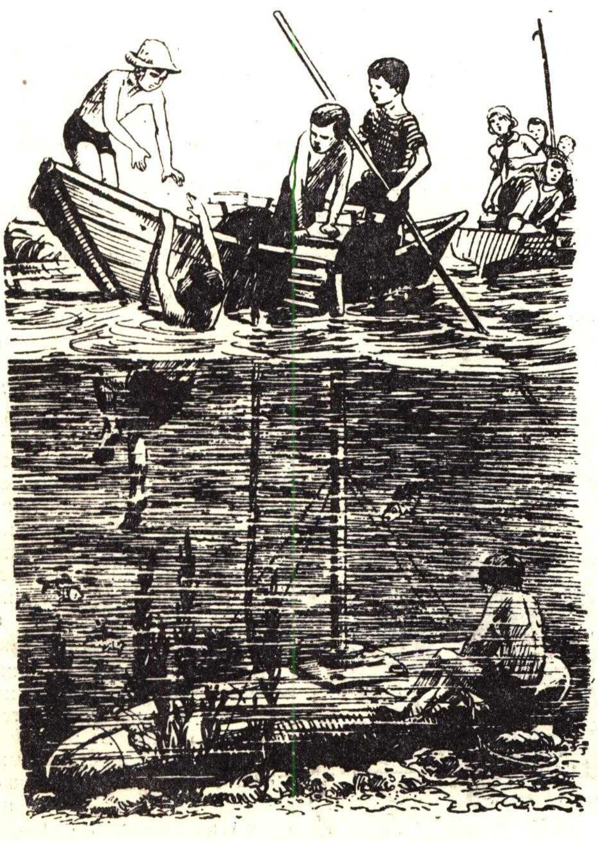
— Рожков! Отвечай на вопросы. Был такой акт? В середине этого года, когда Беленькая впервые пришла к нам в школу, ты обмакнул ее косу в чернильницу?

Димка сидел, опустив голову, держась руками за края стула.

— Был,— ответил он тихо.

— Дальше! Во время зимних каникул, встретив Беленькую на улице, ты ударил ее снежком в глаз. Верно это или нет?

— Верно...

Подъем «Архимеда» Вовки Грушина.

Рисунок И. Семенова.

— Так. Теперь скажи мне, Рожков: ты живую мышь в школу приносил?

Димка молчал. Муха села ему на колено. Он машинально поймал ее и принялся разглядывать.

— Рожков! Я тебя спрашиваю!

— Приносил,— шепнул Димка, отрывая у мухи лапу.

— А в буфете, во время завтрака, ты сунул эту мышь Беленькой за пазуху?

Димка молчал. Зоя постучала карандашом по столу.

— Рожков! Ты не у себя дома! Брось муху и отвечай.

— За шиворот, а не за пазуху,— сказал Димка и мрачно взглянул на нее из-под челки».

Казалось бы, тут-то уж что хорошего? Обмакнул косу в чернильницу, запустил снежком в глаз, сунул за шиворот живую мышь. Дикарь какой-то! Злостный хулиган... Тут двух мнений, как говорится, и быть не может.

Но вот, оказывается, может.

Есть другое мнение.

«— Какое тут хулиганство!— раздался вдруг спокойный тоненький голосок.— Никакого тут хулиганства нет.

Все обернулись. Читальня была как бы перегорожена голубоватыми косыми лучами солнца, и за этими лучами, в дальнем углу, сидела белобрысая девочка лет тринадцати. Навалившись на стол, закинув красный галстук за плечо, она писала заголовок для стенгазеты.

— Как? Что ты сказала? — переспросил Женя.

— Никакого тут хулиганства нет.

— Так. А что же это, по-твоему?

Не поднимая головы, девочка ответила спокойно:

— Просто сохнет он. И все.

— Чего? — поднял голову Грицина.

— Сохнет он по ней, говорю. Ну, нравится она ему...»

Вот, оказывается, что! Димка влюблен. Влюблен застенчиво и скрытно, как все мальчишки. И все его необъяснимые, дикие поступки объясняются очень просто: они от неумения выразить свои чувства. Вернее, от всепоглощающего желания замаскировать, скрыть, утаить от окружающих эти чувства (вероятно, по его мнению, недостойные мужчины).

Итак, все странные и необъяснимые поступки мальчишек и девчонок в книгах Юрия Сотника, все их «нелепые» и «дикие» выходки оказываются легко объяснимыми и, в сущности, даже не такими уж дикими.

Писатель словно бы говорит своими рассказами: это дети. Самые нормальные, самые обыкновенные дети. То, что взрослому человеку может показаться диким и необъяснимым, для них нормально и вполне естественно. Более того. Все это им н е о б х о д и м о. Иначе они не смогли бы расти. Иначе им некуда было бы девать тот неисчерпаемый запас сил и энергии, которым наделила их природа и который тоже вполне нормален и естествен для их возраста.

Один из основоположников советской детской литературы, К. И. Чуковский, на протяжении всей своей долгой жизни не уставал издеваться над писателями и педагогами, не понимающими или не желающими понимать душу ребенка. Эти писатели и педагоги, по словам Корнея Ивановича, «ненавидели в ребенке — ребенка. Детство казалось им какой-то непристойной болезнью, от которой ребенка необходимо лечить. Они старались возможно скорее овзрослить и осерьезнить ребенка».

Вероятно, и в наше время еще встречаются такие писатели и педагоги.

Для Сотника детство не только не «болезнь». Это драгоценный дар. И он настойчиво, горячо, убежденно утверждает своими рассказами право детей быть детьми — такими, какие они есть: озорными, буйными, заряженными необыкновенной энергией, вечно готовыми на самые неожиданные выходки. Он весело доказывает, что эта жажда озорства законна, что этот огромный заряд энергии естествен и нормален. И умный педагог, хороший воспитатель не будет препятствовать буйному напору этой энергии. Он только постарается незаметно, но умело направить эту неукротимую и легко готовую стать разрушительной силу на всякие хорошие и добрые дела. Он подарит незадачливым дрессировщикам вместо их пропавшей никудышной собаки настоящую овчарку. Он поможет поймать гадюку и донести ее до дому в целости и сохранности. И он не исключит из школы маленького дикаря Димку-феодала, а просто безнадежно махнет рукой: что тут сделаешь, если человек «сохнет»...

И кто знает! Может быть, эта педагогическая «беспомощность» в конечном счете окажется педагогическим тактом...

Не на это ли намекает конец рассказа?

«Вот вышли Оля в сером пальтишке и долговязый председатель в черном костюме. В каждой руке он держал по портфелю. Они остановились, поговорили немного и медленно побрели по чистому тротуару, обходя маленькие подсыхающие лужи. Два портфеля поочередно хлопали председателя по длинным ногам».

Пройдет совсем немного времени, и «феодал» Димка, вместо того чтобы запихивать Нюсе Беленькой за шиворот живую мышь, возьмет в руки ее портфель, и они медленно побредут вдвоем, обходя весенние лужи, как бредут сейчас, удаляясь с наших глаз, десятиклассница Оля Смирнова и грозный председатель учкома.

* * *

Есть у произведений Юрия Сотника еще одно свойство, не сказать о котором значит не сказать о Сотнике едва ли не самого главного. Это свойство — юмор.

Читая книги Сотника или следя из зрительного зала за делами и поступками героев его пьесы, буквально изнемогаешь от смеха.

В каждом деле есть свои «секреты мастерства», овладев которыми можно почти наверняка рассчитывать на успех. Есть такие «секреты» и в искусстве писать смешные книги.

Юрий Сотник всеми этими «секретами» владеет в совершенстве. И все-таки дело тут не в одних только секретах ремесла.

В его рассказах очень часто бывает так: никаких смешных событий вроде бы не происходит. Положение, в которое попали герои рассказа, скорее грустное, чем смешное. Ни о чем веселом они тоже не говорят. Наоборот, говорят о каких-то самых обыкновенных, даже не слишком интересных вещах. И все-таки вы смеетесь. Смеетесь вслух, взахлеб, до изнеможения.

Источник юмора рассказов Сотника — характеры его героев.

Мы смеемся не над словами, не над поступками сотниковских мальчишек, а *над ними самими*.

Но тут сразу же возникает другой вопрос.

Совсем недавно мы с вами установили, что Сотник описывает своих героев с нескрываемым сочувствием. Он сочувствует им даже тогда, когда они совершают не вполне осмысленные и просто глупые поступки. И в то же время выясняется, что он заставляет нас смеяться над этими героями, то есть высмеивает их. Как же это может сочетаться? Разве можно высмеивать человека и в то же время сочувствовать ему?

Оказывается, можно.

Именно этим и отличается юмор от сатиры. Юмор — это не злая насмешка. Это добрый, сердечный, веселый смех, не только не исключающий, но и предполагающий сочувствие к тому, над кем смеются.

Замечательный детский писатель Л. Пантелеев, сам написавший немало смешных и веселых книг, так говорил про это:

— Чапаев дорог и близок нашему детскому зрителю не только потому, что он, раненный навылет, обливающийся кровью, расстреливает из пулемета наступающего озверелого врага, но и потому (и в первую очередь потому), что на протяжении всех предыдущих кадров он был человеком. Он шутил, пел, смеялся, играл, попадал в неловкие положения. Он сам смеялся и *над ним тоже смеялись*...

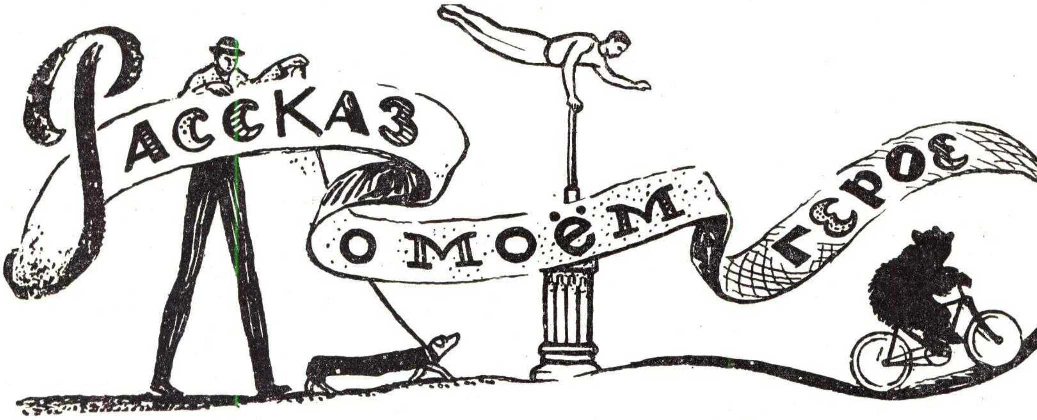
Вот видите, оказывается, даже над Чапаевым — легендарным героем и полководцем — зрители тоже смеялись. И это не только не мешало им сочувствовать ему всей душой, а, наоборот, делало его для них еще более дорогим и близким.

Маленькие герои Сотника оттого, что мы постоянно смеемся над ними, кажутся нам еще более живыми, реальными, настоящими. Словно мы не в книжке прочли про них и не на сцене их увидели, а долго жили рядом, в одной квартире или в одном дворе.

Димка сунул мышь Беленькой за шиворот.
Рисунок В. Ладягина

Александр АРОНОВ

Рисунки Л. Тараканова.

Дорогие ребята!

Я получил очень много писем от читателей моей книги «Цирк приехал!». Ребята спрашивают о героях повести, о цирке и обо мне самом. Писем так много, что я решил через журнал ответить всем сразу.

Я очень люблю цирк. С самого раннего детства. Отец мой был ударником производства. Тогда в Московском цирке была ложа для ударников, и я вместе с отцом ходил чуть не на все представления. Однажды я набрался храбрости, пошел за кулисы и... «заболел» цирком на всю жизнь.

В школе мы ставили пьесы и клоунские сценки, и я играл в них. Потом я поступил в театральный институт.

Когда началась война, я пошел в Добровольческий батальон Красной Пресни, строил первую линию обороны Москвы, а потом выступал в концертах фронтовых бригад.

В 1942 году я подружился с артистами Борисом Вяткиным и Сандро Дадешкелиани. Вяткин научил меня всем секретам клоунады «Печенье», которая описана в повести. С этой клоунадой я даже выступал сам. Борис и Сандро стали героями моей повести, только фамилии я изменил, потому что судьба настоящих Бориса и Сандро была не совсем такая, как у героев книги.

Когда в 1945 году я закончил театральный институт, пошел работать режиссером в театр и в цирк. С артистами цирка я побывал почти во всех городах нашей Родины. Теперь я работаю в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского, но с артистами цирка дружу по-прежнему.

Сандро Дадешкелиани работает в грузинском цирковом коллективе. Вы можете поздравить Сандро: совсем недавно он получил звание заслуженного артиста Грузинской ССР. И Борис Вяткин — тоже заслуженный артист РСФСР. Оба они выступают и у нас и за рубежом.

Они часто рассказывают мне, что вы посылаете им письма, приходите к ним в цирк, приглашаете к себе на сборы. Мне очень радостно, что я сумел вас познакомить и подружить.

Сейчас я работаю над книгой о моих близких друзьях (тоже очень давних) — Владимире Волжанском и Льве Осинском, которым была посвящена повесть «Цирк приехал!». Оба они замечательные артисты. Недавно в Бельгии Волжанский получил высшую награду — «Приз Оскара». Ее присуждают самым выдающимся артистам мирового цирка. В 1956 году в Варшаве на Первом международном фестивале цирков Лев Осинский удостоен Большой золотой медали. Я хочу вам рассказать об Осинском, о том, что случилось с ним во время этой первой его поездки за границу.

...Крупные капли осеннего дождя без устали барабанили по большим, ярко освещенным окнам дворца Примасовских в Варшаве. Двухэтажный банкетный зал был переполнен. Здесь собрались цирковые артисты всех стран мира, члены жюри Первого международного фестиваля цирков и корреспонденты множества газет.

На стенах развешены яркие цирковые плакаты на всех языках. Вот с большой афи-

ши лукаво улыбается «Солнечный клоун» Олег Попов, веселый, длинноволосый, в поварском колпаке. На указательном пальце артиста сидит белый петух и, склонив голову набок, хитро щурит глаз на своего хозяина. Рядом на афише — эквилибрист Лев Осинский, исполняющий стойку на одной руке на верхушке длинного, тонкого никелированного стержня. Попов и Осинский и здесь, за столом, сидят рядом, в кругу друзей.

На эстраду выходит известный польский клоун Дин Дон, председатель жюри.

— Начинаем торжественную церемонию вручения наград лауреатам международного фестиваля цирков. Попрошу на эстраду всех членов жюри!

Под дружные аплодисменты на эстраду поднялись известные всему миру цирковые артисты. Среди них был и румяный, с огромными усами, могучий восьмидесятилетний старик, напоминавший Тараса Бульбу. На его черном костюме красовались золотой значок лауреата Димитровской премии и четырнадцать орденов и медалей.

— Семь — за искусство, семь — за храбрость на войне! — сказал кто-то.

— Герой, дедо Добрич!

— Самый строгий из всех членов жюри!

Лазар Добрич занял центральное место у стола рядом с руководителем «Союзгосцирка» Феодосием Бардианом. Аплодисменты затихли.

— Дорогие товарищи! — начал Дин Дон.— Взгляните на стены! Вы видите, на афишах написано: «Tego jescze nie bylo na swiete!» Наш фестиваль действительно первый в истории цирка. На нем выступили четыреста пятьдесят сильнейших мастеров советского, чехословацкого, немецкого, шведского и других цирков. Приступаем к награждению лучших из лучших!

На эстраде началось вручение наград и подарков.

— Артист советского цирка Осинский Лев Александрович награждается высшей наградой — Большой золотой медалью и почетным дипломом лауреата фестиваля. А кроме того, ценным подарком — фотоаппаратом.

— Проше, проше! — торопил со сцены Дин Дон.

Невысокий, стройный Осинский поднялся из-за стола и направился к эстраде.

— Поверьте мне,— нагнулся к Бардиану Добрич,— за семьдесят лет работы в цирке многое мне пришлось повидать, в цирке я знаю все! А вот такого оригинального и кра-

Автор книги «Цирк приехал!» Александр Аронов и артист Сандро Дадешкелиани.

сивого номера, как у Осинского, не привелось мне видеть.

Не только Добрича, но и всех членов жюри удивил на фестивале Лев Осинский. Его номер захватил сразу, как только прожекторы вырвали из темноты скульптурное изваяние, застывшее на высокой колонне. Вот белоснежная статуя оживает. Осинский нагибается и опирается ладонью о пьедестал. Тело артиста медленно принимает вертикальное положение.

«Стойка выполнена на пять с плюсом»,— записывают члены жюри.

Из вертикального положения тело легко переходит в горизонтальное.

«Флажок» выполнен на пять с плюсом».

Артист встает на полусогнутую правую руку. Тело его — в горизонтальном положении — опирается о локоть той же руки.

«Крокодил» выполнен на пять с плюсом»,— снова записывают члены жюри.

Им особенно понравился финал номера. Артист делает стойку на одной руке. Длинный, тонкий никелированный стержень, спрятанный внутри пьедестала, постепенно выдвигается, поднимает артиста в стойке на высоту нескольких метров и начинает вращаться — медленно, а потом все быстрее и быстрее. Вместе с ним вращается и Осинский. Продолжая стоять на правой руке, он отводит в сторону левую и плавно описывает ею несколько кругов в такт вальса. Стержень опускается, уходит внутрь колонны, и артист легко спрыгивает на манеж...

Когда Осинский поднялся на эстраду, Добрич вручил ему медаль и диплом.

— Прошу!

В зале дружно зааплодировали. Оркестр грянул туш.

— Вот еще фотоаппарат. Снимайте на здоровье! — сказал старик и протянул Осинскому коробку с фотоаппаратом. — Добър артист! Поздравляю вам! Много поздравляю вам!

Осинский ловко переложил правой рукой диплом и медаль под мышку той же руки и взял коробку.

«Вот чудак человек! — удивился Добрич.— Куда проще переложить их в левую руку...»

Старый мастер улыбнулся и протянул руку для рукопожатия.

Но что это?

Осинский не подал руки... Он смутился и беспомощно оглянулся по сторонам, как бы подыскивая место, куда положить диплом и коробки...

Добрич, не отрываясь, смотрел на левую руку артиста, глубоко засунутую в карман брюк.

— Положи сюда, на стол, Левушка,— спокойно и негромко сказал Бардиан.

Умолк оркестр. Стало очень тихо.

— Спасибо, Феодосий Георгиевич, возьмите,— так же негромко ответил Осинский, передал коробки и диплом и, повернувшись к оцепеневшему Добричу, крепко пожал его руку.

Осинский спустился с эстрады. Добрич нагнулся к Бардиану.

— Нет... Не может быть...— прошептал он срывающимся от волнения голосом.— Неужели он... без руки?

— Именно без руки,— ответил Бардиан.

— Стой, сыне! — неожиданно крикнул Добрич так громко, что все вздрогнули.— Стой!

Осинский остановился посреди зала. Звеня орденами и медалями, старик стремительно приблизился к нему. Он задыхался от волнения. На глазах его были слезы.

— Това не чувано![1]. Великий акробат и без руки! Герой войны, да? Това не чувано!

Старик быстро говорил что-то по-русски, по-болгарски. Он крепко обнял Осинского и порывисто целовал, коля седыми жесткими усами.

— Я и подумать не мог... Никто... Никогда... Все же видели, сыне, во время номера ты двигал левой рукой...

— Протез. Особой конструкции...— смущенно улыбнулся Осинский.

— Да это же подвиг!.. Това не чувано...— повторял старик.

И все, кто был в зале, встали, восхищаясь подвигом артиста.

Награждения закончились.

— Ждем вас завтра в полдень за кулисами «Халла Гвардия»! — пригласили советские артисты своих коллег.— Все свои «секреты» вам раскроем!

За кулисами собралось много артистов, участников фестиваля. В одном конце зала турнист Николаев объяснял, из какого металла следует делать перекладину для круглого турника, в другом — жонглер Хромов показывал булавы и мячи, в третьем — Олег Попов, держа в зубах вилку, учил, как ею ловить сырую картофелину.

Осинского окружила большая группа артистов.

— Вам не трудно показать нам устройство вашего аппарата?

— С удовольствием,— сказал Осинский, снял чехол и показал электромоторы, поворачивающие и выдвигающие стержень, на котором он исполняет финальную стойку.

— Как все просто! Как здорово!— восторгался молодой болгарин.— Вы, наверное, с детства мечтали стать артистом цирка?

— Нет, авиаконструктором, как отец. В цирк попал случайно.

— А какое у вас специальное образование? — спросил молодой болгарин.

— Никакого,— ответил Осинский.

— Просто невероятно, что такой аппарат изобрел и построил не инженер!

— Кто ваш учитель? — спросил кто-то Осинского.

— Замечательный артист советского цирка Владимир Александрович Волжанский. Не будь его, мне не только бы не получить золотой медали, но и вообще не стать артистом. Я ему обязан в жизни всем. Он заменил мне отца и мать...

— А на какой высоте вы делаете финальную стойку? — поинтересовался корреспондент «Экспресса вечорнего».

— Давайте подсчитаем. Стержень складной, выдвигается на высоту два метра шестьдесят сантиметров. Плюс высота колонны — два тридцать пять. Значит, от ковра четыре метра девяносто пять.

[1] Это неслыханно! (по-болгарски).

Выступает Борис Вяткин.

— А если «заест» мотор? Как же спуститься вниз?

— Казалось бы, можно соскользнуть по стержню. Но он весь в масле, скользкий, не удержишься. И, главное, у Левы протез. С ним спуститься совершенно невозможно.

— Значит, каждый вечер он рискует жизнью?

— Выходит, так. Цирк — это риск.

Осинский задумчиво потер ладонью лоб.

— Риск! В цирке «Аэрос» у меня однажды произошел необычный случай.

— Расскажите!

— История весьма загадочная, — сказал Осинский, — и началась она с такого же вопроса — могу ли я спуститься вниз, если мотор откажет. Этот вопрос задал мне директор цирка «Аэрос», дрессировщик слонов Лангельфельд. Наверное, многие из вас его знают...

...Это произошло в Лейпциге, во время шефского представления для советских войск. Солдатам объявили, что Осинский — бывший фронтовик, орденоносец, и они устроили ему овацию. Выступление шло с небывалым успехом. Вот и финальный трюк. Осинский встал на руку, стержень вынес его на предельную высоту. Сейчас должно начаться вращение. Вот и привычный легкий толчок... И тут неожиданно погас свет. Сначала в оркестре, потом во всем зале. Мотор остановился так резко, что артист чуть не потерял равновесие.

Цирк замер...

«Что случилось? Почему нет тока?» — молнией пронеслась тревожная мысль у Осинского.

Затих оркестр. Прошла минута. В кромешной тьме артист продолжал стоять на одной руке на верхушке тонкого дрожащего стержня, балансируя в воздухе протезом. Тонкий стержень вибрировал все сильней.

— Высота второго этажа?

— Примерно так.

— А когда вы стоите вниз головой, вам, наверное, все видится перевернутым?

Осинский улыбнулся.

— Нет, все нормально. Только мне по сторонам смотреть нельзя — потеряю равновесие.

— Неужели?

— Конечно. Это закон эквилибра. Я выбираю точку на пьедестале или на собственной руке и по этой точке «держу баланс».

— У Левы еще одна сложность, — сказал Олег. — Ему приходится не только балансировать, но и управлять протезом. Ведь у него руки нет по плечо! Это очень сложно.

Вспыхнула спичка, другая, третья... Одна за другой они вспыхивали, как светлячки, в разных концах зала, гасли и вспыхивали вновь. Осинскому было слышно, как в тишине солдатские руки торопливо похлопывали по карманам, нащупывали коробки, шелестели ими, чиркали спичками.

— Свет! Дайте свет! — неслось из зала.

«Не поможет! Чтобы опустился стержень, нужен не свет, а ток...»

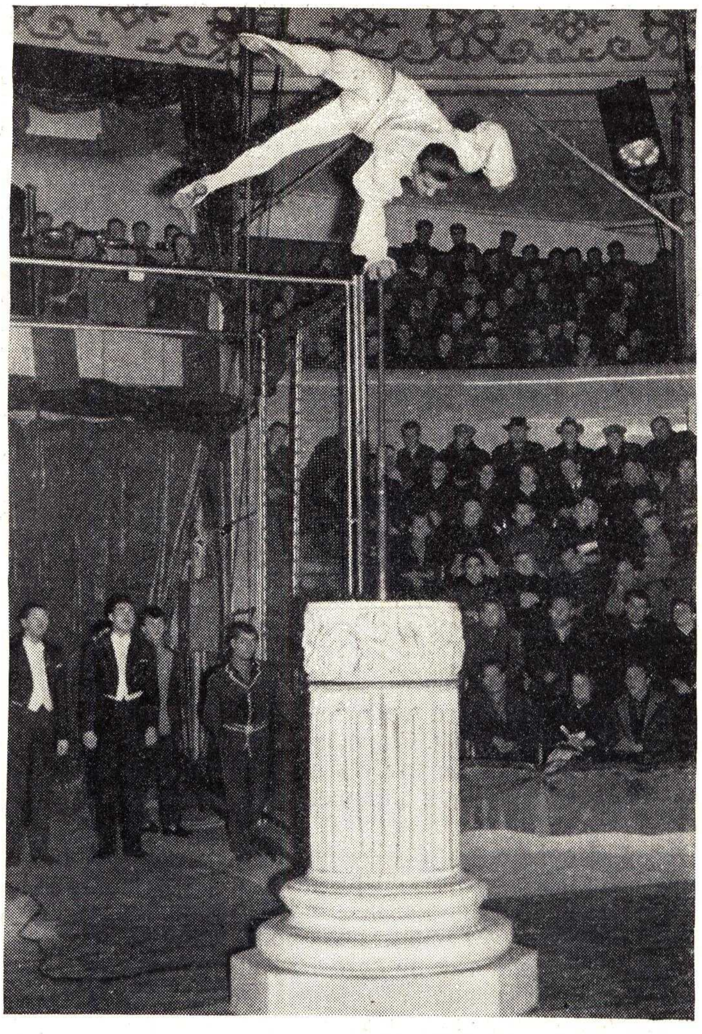
Стержень уже ходил ходуном во все стороны. Рука затекла. В глазах рябило от вспыхивающих то тут, то там огоньков. Кто-то поджег газету, еще одну, еще... Осинский почувствовал запах гари. В глаза резко ударил луч карманного фонарика. Осинский до боли зажмурился, чудом удержав равновесие.

— Саша! Лестницу! — вдруг сообразил он.— Она за кулисами, у выхода!

Униформист Андреев бросился за кулисы, чиркнул спичкой... Лестница исчезла! А ведь он только что поставил ее здесь. Лихорадочно зажигая спички, он торопливо обошел все закулисное помещение. Лестницы не было! Погасла последняя спичка.

Прошла еще минута...

У Осинского кружилась голова. Цирк перевернулся, поплыл, закачался из стороны в сторону.

Вот и финальный трюк. Осинский встал на руку, стержень вынес его на предельную высоту...

«Сейчас упаду... больше не выдержу... Где же Саша?..»

А униформист ощупью, натыкаясь в темноте на аппаратуру, разыскивал выход из-за кулис в пожарную комнату.

У Осинского отчаянно болела рука, бешено стучало сердце. Кровь приливала к голове. Пересохло во рту. Дыхание стало прерывистым. Осинский упрямо подумал:

«Считать до пятидесяти, до ста, до тысячи — до тех пор, пока не принесут эту проклятую лестницу!»

Он собрал последние силы, взмахнул в воздухе протезом, согнул правую руку в локте и, изогнувшись, положил на нее тело. Так его положение стало более устойчивым.

— Свет! Дайте свет! Что вы делаете? — все настойчивее кричали солдаты.

И в пожарной комнате лестницы не оказалось. Униформист, в отчаянии жестикулируя руками, кричал немцу-пожарнику:

— Лестница! Понимаете — лест-ни-ца! Где в цирке еще есть лестница?

— Haben sie im Zirkus nosh eine Leiter? [1] — в свою очередь, закричал немец, волнуясь не менее униформиста.— Ja! Ja! [2]

— Я? Я? — радостно воскликнул униформист.— Где?

— Ja! Aber sie ist drauβen. Na, laufen wir los! [3] — крикнул пожарный и первым бросился вниз по ступенькам...

Время шло.

— Пятьдесят пять... Пятьдесят шесть...

[1] Есть ли в цирке еще лестница?
[2] Да! Да!
[3] Да, только во дворе! Ну, пошли!

Пятьдесят семь...— тяжело дыша, считал Осинский.

Ладонь его стала мокрой, скользкой — вот-вот соскользнет вниз.

— Свет! — ревел цирк.

— Сто десять... Сто одиннадцать... Сто двенадцать...

Внизу у колонны раздались крики. Запыхавшиеся униформист и пожарник притащили лестницу. И в тот же момент вспыхнул свет! Стержень повернулся и спустился. Солдаты аплодировали стоя, долго не отпускали артиста с манежа.

...Осинский дошел до своей гардеробной, вынул из ящика с инструментами электроприбор — тестер — и с переводчиком направился к электробудке. В ней сидел молодой худощавый немец.

— Что случилось? Почему выключился свет? — спросил переводчик.

— Испорчено! — ответил электрик.

Осинский вывернул пробку, проверил тестером — цела! Электрик побледнел.

Осинский вывернул и вторую. Цела! И третья цела! Все пробки были целыми.

В будку ворвался взбешенный директор цирка Лангельфельд. Сквернословя, он схватил электрика за ворот с такой силой, что затрещала рубаха, и надавал ему звонких пощечин.

— Ты ест мерзавец! Ты ест сволочь! — приговаривал он и отшвырнул парня в угол на корзину с лампочками.— Я тебя буду кидать в мой слоновник под ноги слонам! Я этот слютшай так не оставлю, не волнуйтесь, герр Осинский! Ми будем знать, кто таскаль лестниц, зачем таскаль, когда таскаль! Я ест не только директор, не только трессер слони, я ест детектив.

Два дня спустя поздним вечером Осинский шел по переулку в гостиницу. Было сумеречно, безлюдно, сеял мелкий дождь. Холодный ветер раскачивал тусклый фонарь у ворот. Рядом сутулилась одинокая фигура в непромокаемом плаще. Осинский остановился, пристально вглядываясь. Человек в плаще показался ему знакомым. Это был электрик. Лицо его выражало решимость. Зябко поеживаясь и дуя на покрасневшие руки, он начал что-то быстро говорить по-немецки. С большим трудом Осинский понял, что тот приносит свои извинения и объясняет причину недавнего случая. Все делалось с благословения и под руководством... самого директора цирка «Аэрос» Лангельфельда. «Он мне ничего не сказал про протез, я ничего не знал, что лестница спрятана, я знал, что нужно сорвать представление для советских солдат...» — объяснил парень.

И тут Осинский вспомнил, как встретил советских артистов Лангельфельд — толстый, белобрысый, с зализанными редкими волосами и квадратным черепом.

— Я опасаюсь за успех,— говорил Лангельфельд.— В Лейпциге ест тепер международни ярмарк. Тепер ин Лейпциг ест много купец, много бизнесмен. Они умеют ценить искусство. Настояши искусство. Я боюсь, что руски цирк, руски кароши цирк их не удивишь!

— В России есть мудрая пословица: «Цыплят по осени считают!» — возразили ему.

— Будем жить — будем посмотреть! — засмеялся Лангельфельд.— Желаю успеха!

После первого выступления Лангельфельд пригласил Осинского в кабинет и, подкатив к его креслу столик на колесиках, разлил в бокалы темное старое вино.

— Это ест настоящи добры немецкий рейнвейн,— приговаривал он,— для меня приятно угощать руски друг!

Они чокнулись.

— Я отшень рад, что делаль ошибка: программа ест прима! Мой руски друг ест прима номер! Ви мне отшень зимпатишь! Я карашо сказаль по-руски? Я биль плен ин Россия, говорью немного. В прошлом ми били враги, но теперь все забыто! Ви ест руссэ?

— Русский.

— Отшень биль рад втшера узнать об этом. Только втшера я узналь, что мой руски друг не имеет рука. О, как я биль удивлен! Это поразительно! Какое геройство! Какое мастерство! Мой добри совет — на этом делать реклама! Объявлять так: «Чудо эквилибрист без одна рука!» или «Единственный в мире акробат без рука!» И работать, конечно, безо всякий протез! Еще лучше: голый по пояс! Чтобы все видели, что рука нет по самый плечо!

— Ни в коем случае! — сказал Осинский.— Это уже не искусство!

— Напрасно, напрасно! Пусть мой руски друг подумает!

— Нет!

— Где ви биль ранен?

— Под Белгородом.

— Знаю. То ест Курски дуга. Я биль как зольдат ин Донбас, но мог бить как зольдат ин Курски дуга.

Лангельфельд расспросил Осинского о финальном трюке, поинтересовался, как устроен протез. Узнав, что с протезом вниз

невозможно спуститься, Лангельфельд сочувственно вздохнул и покачал головой.

— Мои слони тоже ест коварные животные. Я, как и мой руски друг, все время рискую жизнью.

Придвинувшись ближе, Лангельфельд сказал доверительно:

— Я отшень виноват перед вами, мой руски друг. Я уже ругаль себя за это. Я хочу вам что-то сказать. Тайна.

— Тайну?

— Ja, ja! Ви не биль удивлен, что я не поставиль вас на афиша?

— Признаться, был удивлен.

— А Плинер, Арнольд, Хвощевски, Будницки не биль удивлен, что их тоже нет на афиша?

— Да, мы говорили об этом.

— Отшень карашо! — неожиданно захохотал Лангельфельд и откинулся в кресле.— Видите, ви заметиль! И они заметиль! Я знал это! Но я делаль перед вами ошибка, мой руски друг! Я думаль... Я думаль...— Лангельфельд закашлялся от смеха, отдышался и продолжал: — Я думаль, что мой руски друг ест тоже jude!

— Как вы сказали? — не поверил своим ушам Осинский.

— Я думаль, что ви ест жид,— снова весело сказал Лангельфельд,— я ненавижу жидов!

И Лангельфельд протянул свой бокал.

— А я ненавижу антисемитов и люблю всех хороших, честных людей, понятно? — сказал Осинский, вставая и не чокаясь.— По-ня-тно? — повторил он с таким гневом, что Лангельфельд вдавился глубоко в кресло.— Афишу можете не исправлять!

Лангельфельд сидел, оцепенев.

— Я швырнул в угол кабинета бокал с вином и вышел...— закончил рассказ Осинский.

Все долго молчали. Тишину нарушил молодой болгарин:

— А как вел себя дальше Лангельфельд?

— Как ни в чем не бывало. Он ничем не высказывал, что собирается отомстить мне, приветливо улыбался, пытался заговорить со мной...

— Собака!

— Фашист! — сказал Лазар Добрич.— Знаете, Лангельфельд совсем недавно сбежал в Западную Германию. Ограбил кассу «Аэроса», бросил своих четырех слонов и сбежал.

— Жаль, что сбежал! Таких стрелять надо! — заметил кто-то из артистов.

Гастроли в Польше закончились.

И вот снова Варшавский вокзал. Через десять минут сюда прибудет экспресс «Берлин — Москва», а через двадцать шесть часов советских артистов встретит родная столица. Сейчас они оживленно беседуют с польскими, венгерскими, болгарскими, чехословацкими друзьями...

— Поезд стоит всего четыре минуты,— волнуется Осинский,— надо успеть погрузиться. Наши вагоны шестой и десятый. Шестой остановится примерно здесь, десятый— вон там. Давайте перенесем вещи!

— Поезд! Поезд идет! — кричит Попов.— Готовьтесь к посадке!

Мимо проплывают вагоны. Первый, третий, шестой, десятый...

— Просчитались! Бегом арш! — командует Попов.

Весело смеясь, артисты быстро перетаскивают вещи.

— Скорее! Скорее! Подавайте чемоданы в окна!

Поезд трогается. Вещи кидают на ходу. Последним вскакивает на подножку Лев Осинский. Срывает с головы шляпу, машет ею.

— Прощай, Варшава!

— Нет, не прощай, а до видзения! — отвечают с перрона.

— Счастливо оставаться!

Поезд набирает скорость. Жалко расставаться с новыми друзьями. Их уже не видно из окон, но артисты продолжают махать руками, платками, шляпами. До новых встреч, гостеприимная польская земля!

...Скоро Брест. В вагон входят пограничники и таможенники.

— У-р-р-р-а! — кричат артисты.— Мы дома! До-ма!

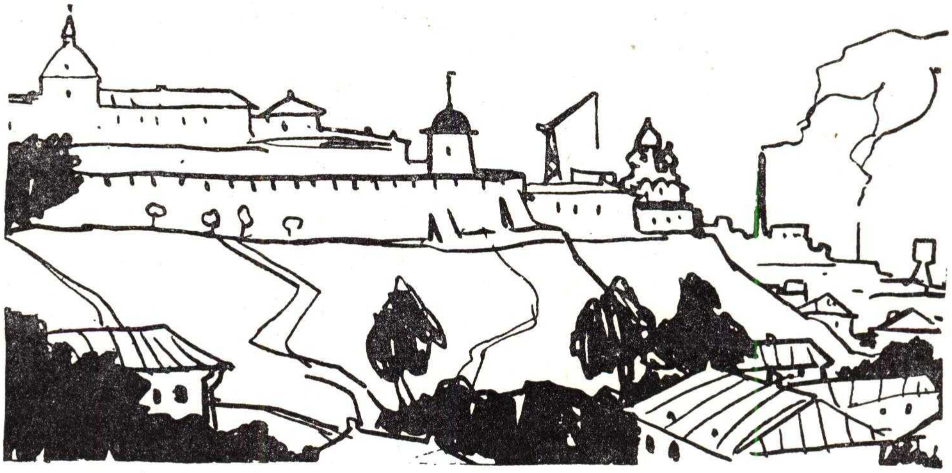
— Здравствуйте. Раскрывайте скорее чемоданы!

— Что, проверка?

— Конечно, проверка! Золото показывайте!

— Какое золото?..

— То самое, которое можно ввозить в СССР сколько угодно! Медали выкладывайте! Не представляете, как мы за вас тут волновались! Поздравляем с успехами!

Владимир.

ПО СТАРЫМ РУССКИМ ГОРОДАМ

Юрий ХАЛАМИНСКИЙ

Рисунки А. Кокорина.

Вместе с художником Анатолием Кокориным мы много бродили по старым русским городам. Нас обоих волновала национальная слава, запечатленная в древних строениях, проступающая во всем облике старых городов. Нам близка была связанная с ними поэзия истории и народных преданий.

Конечно, облик этих городов неузнаваемо изменился. Новая жизнь с новым бытом ее улиц, новые здания порой почти полностью заслоняли контуры старины, и нам постоянно приходилось делать усилия, чтобы воскресить перед собой картины далекой жизни. Иногда это было легко сделать, ибо новое возникало где-то рядом со старым, отдельно от него: на окраинах древнего города вырастал целый новый город, во много раз превосходящий древнее ядро. Но иной раз древние здания и башни стояли совсем рядом с жилыми домами, будто великаны, возвышаясь над разнобоем крыш и заборов.

И неизменно возникало горделивое чувство: какой силой духа и чувством красоты обладали наши предки, чтобы создать такие величественные ансамбли, поражающие и сейчас гармонией и мощью!

●

Ростов еще в древности называли «Великим». Ростов Великий принадлежит к числу старейших русских городов: он впервые упомянут в летописи под 862 годом.

Нас очаровал этот старый город своей сказочностью.

На небольшой возвышенности у самого озера Неро высятся башни с причудливыми чешуйчатыми куполами, высокие стены, украшенные резными бойницами, крытые переходы, уступами сбегающие к воде,— все это сливается в один прекрасный образ.

Посмотрите рисунок А. Кокорина на цветной вклейке. Перед вами вид на город и Кремль с озера Неро. Справа и слева на пологих берегах, словно прямо из воды, поднимаются стены древних монастырей, а в центре за каймой береговых строений и огородов растет и высится фантастический городок, мерцающий флюгерами и окнами, сказочными башнями, грудами куполов и сияющей гладью стен. Так и ждешь, что на одну из башенок вдруг вскочит и зальется тревожно сказочный золотой петушок.

●

Когда из Москвы едешь по шоссе во Владимир, древнейший русский город, отпраздновавший недавно свое восьмисотпятидесятилетие, то начиная от Юрьевца дорога заметно пойдет в гору. И все чаще и чаще за деревьями справа, где-то далеко внизу, замелькают луговые дали клязьминской поймы. Левый берег реки все время медленно идет вверх, и на самом переломе его гребня открывается город Владимир.

Путешественника, въезжающего в город, встречают Золотые ворота. Их древняя часть, прорезанная огромной аркой, возвышается над круглыми угловыми пристройками. Когда-то валы вплотную подходили к стенам ворот, составляя с ними единое боевое укрепление.

По узкой лестнице в стене можно подняться наверх, на боевую площадку. Сюда почти не доносится шум оживленного города. Только наверху понимаешь, каким серьезным военным сооружением некогда были ворота. Особый ход ведет внутрь арки. Здесь—на вмурованных в стену дубовых бревнах—настилался помост, с которого было легко защищать мощные створы ворот.

Новая жизнь на старых дорогах.

Теперь на Трубеже рыбаки ходят на моторных лодках.

Но Золотые ворота были не только боевой башней: они связаны со всеми событиями городской жизни, здесь встречали и провожали почетных гостей. Золоченой медью были украшены дубовые полотнища ворот. Подъезжающему издали открывалось величественное зрелище боевых стен города и сиявших белизной и золотом его главных ворот.

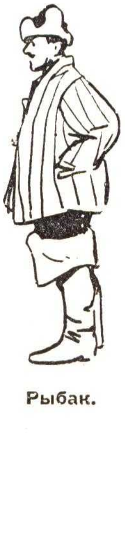
Много памятников искусства во Владимире, но самый знаменитый из них — Дмитровский собор. Пропорции собора изумительны: когда стоишь с ним рядом, чувствуешь его объем, массивность стен, но стоит несколько отойти в сторону и взглянуть на здание издали, как впечатление волшебно меняется, и перед тобой вдруг возникает стройный храм, поднимающий легким взмахом алтарных полукружий узорный, словно кружевной, барабан купола.

Андрей Боголюбский мечтал сделать Владимир центром земли русской, преемником славы Киева. И он достиг многого в своих честолюбивых замыслах, однако Русь тогда еще не созрела для объединения.

●

Переславль-Залесский — город в центре России, в месте, на сотни верст отстоящем от морских берегов, и вдруг пахнет на тебя здесь романтикой водных просторов. Встретишь вдруг рыбаков в высоких сапогах-ботфортах. А под обычной школьной формой мальчишек неожиданно обнаруживается «морская душа» — полосатая матросская тельняшка.

Переславль весь стоит на воде. Он расположен на самом берегу огромного Плещеева озера. Город наискось перерезает поросшая вековыми ветлами река Трубеж, по берегам которой в Рыбачьей слободке, или попросту в Рыбаках, и сейчас живут и трудятся потомки знаменитых в Древней Руси рыбарей. Рыбаки ловили в озере, на самой его глубине, знаменитую «переславскую сельдь», поставлявшуюся к царскому столу. Потому, когда в России были учреждены гербы, на гербе города Переславля-Залесского красовались две рыбки.

Рыбак.

Переславль часто сравнивают с Венецией, и дело тут не в том, похожи или не похожи между собой эти города. Конечно, внешне совершенно не похожи. Но есть то, что роднит русский и итальянский города: и тут и там вода вошла в быт, в повседневный уклад людей: по ней гуляют, она кормит, по ней возят дрова, сено, даже навоз на огороды, возле нее отдыхают, на ней работают.

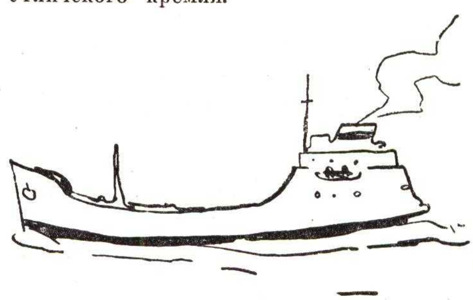
Город некоторое время был столицей Руси, он видел Александра Невского, Ивана Грозного и молодого Петра Первого. Здесь сохранилось множество памятников архитектуры, здесь в музее хранится ботик Петра.

Когда юному Петру показалась мала московская Яуза для потешного флота, он вспомнил о глубоком Плещеевом озере, лежащем недалеко от столицы.

К лету 1692 года петровский флот был отстроен и спущен на воду. Весь август шли на озере корабельные маневры и праздники. Петр сам палил из пушек, а с берегов флоту отвечали приведенные из Москвы пешие полки, тоже палившие из пушек и «разного мелкого ружья». Исполнилось мечтание молодого Петра: прозрачные воды озера бороздил окутанный пороховым дымом российский флот. Здесь, в Переславле-Залесском, была заложена будущая морская слава России.

●

Теплоход быстро идет по Волге вниз. Бетонные стены громадного здания угличской плотины и электростанции, белесые от солнца, медленно отодвигаются вправо и постепенно, как скользящий за кулисы занавес, открывают древний Углич. Сделав широкую дугу и толкнувшись о дебаркадер, теплоход носом почти упирается в острый мыс, на котором багряным силуэтом поднимается церковь «Дмитрия на крови», а за ней видны строения древнего Угличского кремля.

Самоходная баржа на Волге.

Много темного в истории Углича. До сих пор остается загадкой смерть царевича Дмитрия. В Угличском городском музее и сейчас хранится поднявший тогда народ на восстание колокол. Двести бунтовавших угличан были казнены, а множество горожан было сослано в Сибирь. Было повелено наказать и колокол: «сбросить с колокольни и на площади, лишив крестного знамени, вырвать язык и отрубить одно ухо, наказать двенадцатью ударами плетью и сослать в Тобольск».

Смерть царевича Дмитрия была кровавым прологом к исторической драме Углича. Погибший царевич дал имя двум самозванцам, прикрывавшим иноземное нашествие на нашу землю. В ходе войны город был разрушен и сожжен. После изгнания захватчиков с новой силой расцвела русская национальная культура, и несколько превосходных архитектурных памятников этого времени сохранилось в Угличе.

Когда смотришь на сегодняшний Углич, отходят прочь сумрачные исторические легенды и предания. Из зелени садов, вольно раскинувшихся по пологим склонам прибрежных холмов, поднимается красивый, оживленный город, украшенный древними руинами богатырских стен. Мимо набережных Углича плывут трехпалубные дизельные электроходы, пересекая обширные волжские водохранилища.

Роге Никул — человек с характером

Анатолий МАРКУША

Рисунки Н. Борисовой.

(Продолжение)

18 СЕНТЯБРЯ

Оказывается, Егор Лукин — герой. Да! Сто, тысячу раз — да! И мне не стыдно признаться: мы, все вместе взятые, не стоим даже одного пальца этого человека. Именно так я и говорю сама себе: «Нинка Крепкина, как ни обидно тебе в этом признаться, но ты не стоишь даже мизинца Егора Лукина!» Он отважно кинулся на бандита, свалил и обезоружил его, спас женщину, которую этот зверь хотел убить! А остальные? Все ждали, что будет, все тряслись от страха. Только он не задрожал, не побоялся.

Как я ошибалась в этом человеке раньше, как несправедливо судила его! Что же теперь делать? Просто не представляю. Подойти к нему завтра в школе и сказать все-все, что я о нем думаю? Нет, этого мало! Рассказать всем-всем ребятам, объяснить им, какой человек учится в нашем классе? Нет, этого тоже мало...

Знаю! Надо написать о нем в газету! Да, обязательно написать в газету. И пусть весь город узнает о поступке Егора Лукина, отважного, гордого человека, настоящего пионера!»

Нина Крепкина отложила ручку и задумалась. Весь минувший день вспомнился ей теперь в совершенно новом освещении. И, пожалуй, только сейчас дошли до нее слова Андрея Максимовича: «Воспитывать — это мы умеем! Учить умеем! А жалеть человека не все умеем. А надо!»

Жалеть человека? Не снисходительной слезливой жалостью, а всем богатством души, решительным поступком, отважным действием. Да, так жалеть человека надо у м е т ь.

И снова Нина думала о Егоре. Только теперь ей припомнилось, что весь этот день он был невеселый. И у Андрея Максимовича и потом, когда шли домой. И после всего случившегося в чужом дворе сразу же ушел, едва попрощавшись с ребятами. Почему? Этого Нина никак не могла понять.

В одиннадцатом часу Нине Крепкиной принесли телеграмму из Мурманска: ТЕЛЕГРАФИРУЙ АДРЕС ЛУКИНА СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ ПОЛКОВНИКУ КОЛЕСОВУ АННА ФЕДОРОВНА.

Ответ был оплачен.

18 СЕНТЯБРЯ

Все-таки Андрей Максимович — странный человек. Ну, пришли мы с Гогиным, ну, пришла Крепкина с Фирсовой. Разговоры разговаривали, чай пили. Все ясно: конференция по заключению мирного договора. А на что мне эта Крепкина или Фирсова? Пусть не цепляются, и я их трогать не буду. Прямо

как в детском саду получается: «Дети, дайте друг другу ручки и пошли играть во двор!»

Ну, дали руки! А что дальше?

Конечно, послать подарки кубинским ребятам — это Андрей Максимович правильно придумал. Только для чего раззванивать на весь свет? А ведь Нинка обязательно раззвонит, ничего еще не сделает, а уж нашумит, наболтает: она без звона никак не может. Звон для нее — первое удовольствие!

И вот что мне еще интересно: когда Андрей Максимович про своих товарищей рассказывает, про летчиков, у него так получается, что все его друзья, ну, самые обыкновенные ребята. Летали, совершали всякие героические поступки, но никогда никто не делал из этого особенного дела. А о себе разве Андрей Максимович когда-нибудь говорит? Наверное, мог бы. У него, между прочим, на кителе два ордена Ленина, четыре — Красного Знамени, два — Отечественной войны, два — Красной Звезды, девять медалей и еще четыре заграничных ордена! Как же он не понимает, что Крепкина эта только на язык крепкая, чего ему с ней возиться захотелось?! Вот что я хотел бы понять.

А Галя Фирсова здорово стреляла сегодня! Всех обштопала, даже не верится.

Когда шли домой, вляпались в историю с пьяным. Если дойдет до Пал Палыча, опять начнется: как ты мог себе позволить кидаться на человека, почему не вызвал милицию или представителей народной дружины?..

А здоровый гад оказался! Таких, по-моему, надо на месте расстреливать. Ведь мог бы запросто, ни за что человека убить.

Завтра до школы надо обязательно забежать к Андрею Максимовичу. Не понимаю, для чего он мне ключ дал? И еще кое-что надо будет выяснить завтра.

И завтра пришло.

В это утро раньше обычного из дому вышли двое: Егор Лукин и Нина Крепкина.

Егор спешил к Андрею Максимовичу. Вот он уже поравнялся со знакомым домиком, вот поднялся на низкое крылечко, вот тихонько потянул дверь на себя. Заперто. Егор достал ключ и, предчувствуя недоброе, стал поспешно отпирать дверь. Вошел. В передней его встретила густая, тяжелая тишина. В комнате было прибрано и пусто. На столе лежала распечатанная телеграмма, та самая, что Колесов получил вчера, при ребятах.

Егор заглянул в телеграфный бланк.

КОМАНДОВАНИЕ ЧАСТИ ПРИСКОРБИЕМ ИЗВЕЩАЕТ ЧТО ВАШ СЫН КОЛЕСОВ СТАНИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ГЕРОЙСКИ ПОГИБ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ОХРАНЯЯ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ТЧК КОМАНДОВАНИЕ ДРУЗЬЯ СТАНИСЛАВА АНДРЕЕВИЧА ВЫРАЖАЮТ ВАМ ОТЦУ СТАРЕЙШЕМУ ЛЕТЧИКУ НАШЕЙ РОДИНЫ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ...

В телеграмме были еще какие-то слова, но дальше Егор уже не стал читать.

Он понял: значит, вчера, когда они сидели за этим самым столом, смеялись и шутили, он, Андрей Максимович, знал... Знал, и не дрогнул, и виду не подал, и даже слова не проронил. Знал и слушал их спор о том, надо ли жалеть человека, и если надо, то как. Почему же он ничего им не сказал? Жалел их. Знал... И жалел не себя, а их жалел, по сути дела, чужих для него ребят. Просто ребят. Он не хотел портить им настроения. Железный человек!..

Наверное, сейчас он едет туда, на Север... Один, совсем один... И ему ничего нельзя даже сказать, ничем невозможно помочь...

И перед отъездом все прибрал в доме. Это на него так похоже.

А вчера сидели, разговаривали, спорили... А он знал, знал, знал...

Егор стоял посреди пустой опрятной комнаты, глядел на скорбный телеграфный бланк и, сам того не понимая еще, познавал новую меру мужества. Раньше он думал: броситься на пулемет врага, врезаться с горящим самолетом в эшелон противника, подорваться на собственной гранате, уничтожив себя и вместе с собою десяток фашистов,— вот высшая мера человеческого мужества, вот венец геройства, заслуживающий бессмертной, вечной славы. Егор еще очень мало успел прожить на свете, и поэтому высшая мера мужества казалась ему вместе с тем и единственной мерой. И только теперь, один на один с хорошо известными ему вещами, один на один с этой телеграммой, он познал новую меру несгибаемой человеческой воли — скромной и незаметной.

Теперь полковник авиации Колесов вырос в его глазах в героя. Колесов стал героем действующим, а не героем в отставке.

Дорогой ценой приходится узнавать иногда подлинную цену человека, очень дорогой!

Егор стоял посреди комнаты, и одна-единственная мысль не давала ему покоя: «Он знал, знал, знал...»

В этот ранний час в редакции городской газеты никого не было. Сотрудники приходили позже. Нина Крепкина никак не думала, что ей так не повезет, и ужасно расстроилась. Нина готова была расплакаться, хотя вообще-то подобное состояние было ей плохо знакомо. Девушка, прибиравшая в вестибюле, расстроилась вместе с Ниной, когда узнала, зачем та пришла, и посоветовала на всякий случай заглянуть в шестнадцатую комнату. Может быть, там ктонибудь и есть: работники отдела информации иногда приходят раньше других.

Нина пошла в шестнадцатую комнату и действительно застала там живую душу. Живая душа — Виталий Саблин, молодой журналист, восходящая звезда газеты,— подозрительно покосился на юную посетительницу, но, пробежав глазами тетрадочный листок, переданный ему Ниной, оживился.

— Любопытно,— сказал Саблин,— весьма любопытно. Хорошо бы дать фотишко в номер. Какая школа?.. Седьмая. Есть, записал. Очень хорошо! Начало занятий в девять? Превосходно! Должны успеть. Спасибо, девушка, большое вам спасибо.

И Нина ушла. В школе она появилась одновременно со звонком на первый урок. А Егор опоздал.

Он пришел тогда, когда уже все стихло и коридоры опустели. Остановился около раздевалки, раздумывая: идти или не идти в класс? Но решить ничего не успел — услышал: «Лукин, к директору!»

«Так и знал,—подумал Егор,— сейчас начнется!»— И нехотя побрел в знакомый кабинет.

На месте Павла Павловича сидел человек, которого Егору никогда прежде видеть не приходилось. Он был плотен, но не грузен. Лицо загорелое. Мягкие каштановые волосы курчавились крупными кольцами. Была в этом человеке скрытая сила, энергия и доброжелательство. Было в нем что-то от стальной, туго закрученной пружины: тронь — ударит, не трогай — и никогда не узнаешь, что пружина способна действовать... В петлице модного пиджака тускло поблескивал маленький значок «Мастер спорта

СССР». Все это Егор заметил в одну минуту, но оценить не успел.

— Здравствуйте,— сказал Егор.— Я Лукин.

— Очень приятно. Бородин, Аркадий Михайлович. Директор.

«Новый,— подумал Егор,— интересно, что будет дальше».

— Я тебя позвал по желанию этих товарищей,— сказал Бородин,— очень уж просили, пришлось вытребовать с урока.— Аркадий Михайлович показал в сторону дивана.

«Так,— подумал Егор,— то, что я опоздал, не знает. Очень хорошо».

На старом диване, неловко сгорбившись, сидел крупный, грузный мужчина и рядом с ним женщина — худенькая, грустная. Женщину Егор узнал сразу. А мужчину только тогда, когда он встал со своего места и смущенно протянул Егору руку.

— Говорить это мне... значит, трудно... говорить... Но, значит, пришел. И скажу тоже. Значит, благодарить пришел. Потому что... фактически виноват. А

Аркадий Михайлович Бородин.

ты, можно сказать, от тюрьмы меня вчерась спас, значит. А ее,— мужчина кивнул на жену,— от полной, значит, погибели, возможно. Вот это какое дело...— И он замолчал.

Мужчина перевел дух и с трудом продолжал:

— А как, значит, все по пьяному делу произошло, как это вино меня попутало, то даю, значит, зарок на будущее время: в рот не принимаю. Это... это — мое веркое и окончательное слово. А тебе, значит, спасибо и извинение, раз уж такое дело вышло.— И он снова замолчал, на этот раз с явным облегчением.

Посетители стали прощаться. Смущенно улыбались, трясли руку Егору, потом директору.

А Егор молчал. Он решительно не мог придумать, что бы такое сказать этим людям. Ему было жаль женщину. Егор уже не испытывал вчерашней ненависти к мужчине. Но что надо и надо ли вообще что-нибудь говорить — этого он просто не знал!

Наконец посетители ушли. И Егор остался один на один с новым директором. Аркадий Михайлович некоторое время изучающе разглядывал Лукина, а потом спросил:

— Выходит, ты герой, а чего ж невеселый? Людей спас, а видик у тебя, как будто в доме покойник...— сказал и осекся, почувствовал, что слова его не к месту.— В чем дело, Лукин, неприятности?

— Андрея Максимовича жалко,— сам того не ожидая, сказал Егор.

— Это кто Андрей Максимович?

— Это? Человек... полковник, летчик...— И Егор стал торопливо и путано рассказывать все, что он знал о Колесове. Вряд ли он сумел бы объяснить, почему вдруг разоткровенничался с этим совершенно незнакомым ему человеком. Скорее всего потому, что он больше не мог молчать. Ему надо было высказаться, а перед кем, это уже не имело особенного значения. Конечно, Пал Палычу Егор бы не стал объяснять, что за человек Колесов и как у него, Егора, болит сейчас душа за Андрея Максимовича, а новый директор ему понравился... И потом, да что говорить — плотины и то срывает...

В кабинет заглянул Павел Павлович.

— Простите, я сейчас занят,— сказал директор, и завуч исчез.

Сунула нос Лена.

— Чуть позже, пожалуйста,— сказал директор, и нос Лены тоже исчез.

Попытался проникнуть в кабинет фоторепортер из городской газеты, но и ему было отказано решительно и весьма определенно... •

— Тебе очень повезло в жизни,— сказал Аркадий Михайлович, когда Егор закончил свой сбивчивый рассказ.— Не у каждого человека в молодые годы бывает такой друг, как полковник Колесов. Сейчас ты ему ничем не можешь помочь. Вернется, вот тогда... тогда не оставляй его одного. А пока возьми себя в руки, Егор, и делай свое дело так, как его делал бы Андрей Максимович, будь он на твоем месте. Понял?

— Да,— сказал Егор.— Мне можно идти?

— Иди, Егор, и изо всех сил старайся быть настоящим мужчиной.

В коридоре Егора ждала Лена и тот самый фотокорреспондент из городской газеты, что пытался проникнуть к директору.

— Вот это и есть наш Лукин,— сказала Лена, когда Егор вышел от Аркадия Михайловича.

— Очень хорошо! — воскликнул фоторепортер и заторопился.— Сейчас, молодой человек, я вас сниму. Встаньте рядом с тем плакатом, но чуть ближе к окну. И голову немного вправо поверните, к свету. Пожалуйста, не думайте о том, что вас снимают. Думайте о чем-нибудь постороннем. О волейболе, например, или еще о чем-нибудь таком...

— А зачем меня снимать? — спросил Егор. Он ничего не понял еще.

— Что значит зачем? Несерьезный вопрос. Для газеты. Прошу вас, молодой человек, встаньте, как я сказал. Не будем терять время...

В класс Егор попал только к началу третьего урока. Стараниями Нины Крепкиной все уже были оповещены о событиях вчерашнего дня, и никому не показалось странным, что Лукин явился на занятия во второй половине дня: такому человеку можно бы и вообще не приходить на уроки!

Смотрели на Лукина по-разному: Нина — с нескрываемым восторгом, Сема Баркалая — с любопытством, Слава Згуриди — не без зависти (повезло же человеку!), Боря Барсов — с удивлением, Галя Фирсова — робко, и только тихий Гогин держал себя так, вроде ничего особенного не произошло. На

этот счет у Гогина были особые причины. Во время вчерашнего поединка, в тот самый момент, когда Егор прочно оседлал пьяного и тот выронил топор из рук, он, Валя Гогин, первым кинулся на подмогу Лукину и ловкой подножкой подшиб обезумевшего от боли детину. Впрочем, в суете никто этого не заметил.

Глава восьмая

ИЗ НЕНАПИСАННЫХ ДНЕВНИКОВ

19 СЕНТЯБРЯ

Вернулся с моря Миша...

Проговорили с ним целых два часа подряд. Это смешно, наверное, но мне показалось, что я опять, в какой уже раз, заново познакомилась со своим Мишей. Он хороший, он очень хороший человек — простой и добрый, но в одном мы всегда расходимся: Миша как-то странно оценивает людей. Для него что самое важное? Отношение человека к его служебным обязанностям. Как он о своих товарищах говорит? Такой-то — голова, золотой радист! Такой-то не механик, а прямо академия наук! А все остальное Миша называет «гарниром» и не придает этому самому гарниру большого значения. Если встать на его точку зрения, получается, например, что Пал Палыч — вполне положительная личность. Преподаватель знающий, завуч требовательный, товарищ активный и так далее. Или взять Нину Крепкину. Учится отлично, на собраниях первый оратор, от общественных поручений не отвиливает...

А я на позициях Макаренко стою: в мире есть только одна настоящая профессия, общая для всех людей нашего мира — будь Человеком. Человеком с большой буквы, и тогда все остальное приложится само собой...

Завтра с утра надо непременно написать Лукину и этому, видимо, славному человеку — полковнику Колесову. И пусть Миша смеется надо мной, сколько хочет, пусть считает сентиментальной, но все равно я говорила, говорю и всегда буду говорить: на берегу Целарской бухты я оставила часть своего сердца, и мне вовсе не безразлично, что будет с моими ребятами.

20 СЕНТЯБРЯ

Написать Егору Лукину, оказывается, не так-то просто. Человека я почти не знаю, он меня тоже, можно сказать, видел мельком. Позицию по отношению к ребятам Лукин занял далеко не лучшую. Но как ему сказать об этом? Что же может подумать Егор, прочитав мое неожиданное послание? Действительно, ведь конфликт с классом начался из-за того, что он был против подарка. Подарка мне. Что ни говори, положение получается весьма деликатное. Но как бы там ни было, дурачок он! Весь еще игольчатый, как ежик. А написать этому ежику все равно надо. Боюсь, как бы его не затюкали. Представляю, как свирепствует сейчас Пал Палыч!

А полковнику Колесову я напишу так: «Уважаемый товарищ полковник! Не удивляйтесь этому письму. Мы незнакомы, но у нас есть общая забота — живая душа, славный мальчишка Егор Лукин. Это и дает мне право обращаться к Вам...» Расскажу ему о ребятах, о классе, попрошу обязательно побывать в школе еще раз и помочь моим шестиклассникам. Им очень нужен сейчас умный совет и твердая поддержка взрослого, чуткого, умудренного жизнью человека.

В школьных программах нет такого предмета — «щедрость». А щедрость души нужна людям будущего не меньше, чем таблица Менделеева. Мы не проходим и такой науки — «честность». Но что можно построить, создать, воздвигнуть, не впитав с самых малых лет простого искусства честности? Ничего... Да-а, совет умного друга — великое дело, моим галчатам он очень нужен — и друг и его советы...

21 СЕНТЯБРЯ

Получила второе письмо от Нины Крепкиной. Авиапочта доставила его с фантастической быстротой. Сплошные восклицательные знаки в этом письме. Густой поток покаяний. О господи! Егор Лукин уже не кажется Нине ни «себялюбцем», ни «карьеристом», ни «выскочкой». Оказывается, он герой из героев и человек необыкновеннейший! Прямо скажу, час от часу не легче! Сначала навалились всем классом, а теперь с не меньшей энергией будут превозносить до небес. Опасно, очень опасно так дергать человека. Чувство меры — необходимейшее качество в любом деле, а в воспитании больше, чем где бы то ни было. От излишних почестей даже гении портятся, а Лукин ведь еще совсем мальчишка, и, насколько я могу судить, далеко не устойчивый мальчишка. Как жаль, что меня нет там...

20 СЕНТЯБРЯ

В городской газете напечатана моя фотография. Стою, как дурак, около окошка и смотрю куда-то в космос. А рядом заметка «Смелый поступок пионера». Рассказывается в этой заметке о моем «необыкновенном геройстве». И как я, значит, прыгал на бандита, и как вырывал у него топор (кстати, ничего я не вырывал, он сам топор уронил), и про то, что было потом (больше половины напридумано). А внизу подпись. И сразу всем делается ясно, что это сочинение ученицы шестого класса «А» Нины Крепкиной!..

Мама прочитала и заплакала. Перепугалась!

Отец прочитал и говорит:

— Здорово! Выходит, я теперь не кто-нибудь, а отец геройского пионера Лукина Егория. Здорово! Только я не понимаю: тут написано, что ты на пьяном верхом сидел и топор у него обеими руками вырывал, а чем же ты держался за него, Егор? Зубами, что ли?

Я сказал, что Нинка половину наврала. Наверное, с перепугу. Но отец все равно целый день меня донимал: да как я прыгал, да почему меня тот тип не сбросил, да не в карманы ли я ему ноги засунул (вместо стремян), и все в таком духе...

Но этого мало. Прихожу в школу, а там громкая читка. Славка Згуриди изображает диктора Левитана и читает так, как будто это сообщение о новом полете в космос объявлено. И все, конечно, хохочут. А Нинка злится, прямо на стенку лезет.

Увидела меня и пристала:

— Скажи им, Лукин, как все было. Они просто завидуют и потому смеются.

— Врать надо меньше,— сказал я,— тогда и смеяться никто не будет.

— Что? Врать?! Это кто врет, кого ты имеешь в виду? Неблагодарный человек, ты просто зазнался, думаешь, тебе теперь все можно?..

Она бы, наверное, долго еще граммофонила, только я не стал слушать, а прямо ей сказал:

— Я тебя просил в газету писать? Просил? Нет, ты скажи: просил? Так почему я неблагодарный, и за что тебя благодарить? За что? Ты думаешь, они надо мной хохочут? Над тобой!..

Тут прозвенел звонок, и объяснение наше закончилось.

21 СЕНТЯБРЯ

Ходили к председателю рыболовецкой артели. Насчет цепей и якорей. Оказывается, этот Нечкин, который приходил в школу и поднимал шум,— просто-напросто жулик. Хотел наше железо захапать и сам сдать в металлолом. Ни цепи, ни якоря артели нисколько даже не нужны. И председатель сказал:

— Сдавайте это барахло себе на здоровье. И не думайте про нас, рыбаков, плохо. Нечкин у нас один такой проходимец, а остальные люди как люди.

Тогда я пошел к Лене и сказал:

— Давайте сдадим якоря и цепи, а на деньги, которые нам заплатят, купим игрушек и пошлем их на Кубу в подарок самым маленьким ребятам.

И Лена сказала, что предложение ей нравится, только сначала надо с кем-то посоветоваться. Я не стал спорить: раз хочет, пусть советуется, хотя, помоему, тут и так все ясно.

Лена попросила меня выступить на сборе третьеклассников. У них запланирован сбор «Будь смел, пионер СССР!». Я сказал, что на такой сбор лучше бы позвать Героя Советского Союза Николая Ефремовича Дрозда. Но она почему-то не согласилась. Чудно все-таки! Дрозд ей не подходит, а я подхожу.

Вот что меня всегда злит: ну почему вокруг любого дела надо столько разговоров разводить? Петя, третьеклассник, нашел на улице сумку и отдал ее милиционеру. Петя молодец. И это понимаю, и все понимают, и сам Петя — не такой уж он осел — тоже понимает. Так для чего же его в стенгазете расхваливать и на собраниях целый час объяснять, какой он хороший? Кому объяснять, раз все и так это давно знают!

Взять Лену. Она же не может быть глупее меня: старшая вожатая все-таки, и школу уже окончила, и вообще. Ну, для чего ей надо, чтобы я выступал? Понимает ведь: история с пьяным — просто случай. И неправильно из этого случая тарарам устраивать. Герой Советского Союза Дрозд может выступать и других учить, потому что он по правде воевал и такие дела делал, что нам и во сне не приснятся. И не раз он смелость проявлял и не два, а целых три года подряд! А это уже совсем другое дело.

Но иногда я все-таки жалею, что у меня язык не так хорошо, как у Нинки Крепкиной, работает. Глупо ведь получается: вот понимаю что-нибудь, а объяснить толком не могу.

22 СЕНТЯБРЯ

После уроков стукали в волейбол. Играли с седьмым классом. Сначала мы проиграли. Но тут вышел во двор Аркадий Михайлович, новый директор, и спросил:

— А можно, мальчишки, я к вам встану?

Все посмотрели на Гогина. Ну, он сошел с площадки, и Аркадий Михайлович занял его место. И мы моментально выиграли, потому что бьет директор, как из пушки! Но семиклассники начали орать, что это не считается. С мастером спорта и они бы запросто могли выиграть.

Тогда кто-то привел физкультурника. Он, правда, не мастер спорта, но играет за сборную города и бьет с обеих рук одинаково. Физкультурник встал в команду семиклассников. Но мы все равно выиграли!

Домой шел с Галей Фирсовой. Как-то так нечаянно получилось. Вдруг она спросила:

— Скажи, Егор, а почему ты Нину Крепкину ненавидишь?

— Ненавижу? Кто это тебе сказал, что я ее ненавижу? Да я ее просто обожаю! Только стесняюсь сказать.

Надо ж было чего-то ответить! А потом Галя спросила:

— Ты был у Андрея Максимовича?

Я сказал, что был, и про телеграмму ей рассказал и вообще. И она сразу же стала совсем скучной. Ей тоже жалко Андрея Максимовича. Но тут уж ничего не поделаешь.

А потом мы просто шли и шли рядом и ни о чем не разговаривали.

Фирсова все-таки чудная девчонка. Вроде тихоня, никогда не выступает и вообще редко разговаривает, а если что делать надо — пожалуйста! Как она тогда у Андрея Максимовича всех «перестреляла»! Или был еще случай: Семка Баркалая стекло разбил, и осколок, как заноза, впился в руку. Кровь течет. Все орут, Семка перепугался. А Галя подошла к нему и говорит:

— Дай-ка руку!

Хоп-хоп — и осколок из руки вытащила. Прямо ногтями. И все... Чудная девчонка!

Двадцать третьего сентября праздник нашего города — годовщина освобождения от фашистской оккупации. А в этом году годовщина еще и «круглая» — двадцатая, и праздник поэтому был особенно большой и торжественный.

На площади Героев, около вечного огня, зажженного на братской могиле тех, кто отвоевал город и погиб, встал почетный караул — моряки в парадных форменках, в белых перчатках. Все люди, награжденные во время войны, надели ордена и медали. По радио передавали особенную музыку — героическую и немного печальную.

Вечером в самом большом зале — в театре имени Ленина — собралось очень много народу: рабочие, моряки, военные, гости из других городов. Ровно в шесть часов открылось торжественное собрание.

В этот праздничный день Егор Лукин неожиданно попал в театр. Горком комсомола прислал в седьмую школу пять пригласительных билетов. И вот один из этих пяти билетов был вручен Лукину. Он никогда еще не видел такого густого сияния золотых геройских звезд, никогда не думал, что на земле существует столько генералов, никак не мог себе представить, что в нашем городе живет так много красивых людей.

Ровно в шесть часов вечера на сцену вынесли бархатное знамя города. Около знамени замер почетный караул — ослепительные моряки. Минутой позже за пустым столом президиума появился человек в черном костюме. Зал притих, и человек сказал:

— Дорогие товарищи, разрешите торжественное заседание, посвященное двадцатой годовщине освобождения нашего города, считать открытым. В состав президиума предлагается избрать Марию Филипповну Нестерук, мать рядового Ивана Григорьевича Нестерука, автоматчика морского десанта, первым вступившего в наш город...

И зал грохнул аплодисментами.

— Предлагается также избрать Героя Советского Союза, бывшего партизана-разведчика Николая Ефремовича Дрозда...

И зал снова грохнул.

— Героя Советского Союза контр-адмирала Глуховского, Героя Социалистического Труда, бригадира грузчиков Владимира Константиновича Фоменко...

Егор плохо разбирал фамилии, потому что зал все время дружно аплодировал. И этот несмолкаемый шум оглушал и волновал Егора. И вдруг ему показалось, что человек в черном костюме сказал:

— Пионера седьмой средней школы Егора Лукина... Разрешите ваши аплодисменты считать за единодушное одобрение состава президиума? Прошу избранных товарищей занять свои места.

Кто-то подтолкнул Егора.

— Чего ж ты сидишь? Иди!

— Куда? — спросил Егор сиплым шепотом и не узнал своего голоса.

— В президиум. Тебя же выбрали.

И он зашагал, неловко горбясь, с трудом передвигая ноги, плохо разбирая дорогу. Когда Егор постепенно пришел в себя, оказалось, что он сидит за красным длинным столом между Героем Советского Союза Дроздом и маленькой седой женщиной — матерью рядового морского десанта Марией Филипповной Нестерук. А прямо перед ним был зал, сотни незнакомых лиц.

У Егора немного кружилась голова, как при крутом спуске с заснеженной горы; он плохо понимал, о чем говорили люди, один за другим поднимавшиеся на трибуну. Что-то в его жизни случилось, что-то должно было случиться еще. Пожалуй, это единственное, что он чувствовал тогда, за столом президиума, под взглядами сотен незнакомых глаз. Чувство это было таким новым, таким захватывающим! Жизнь получала новый масштаб. Волею обстоятельств он был поставлен в общий строй с такими людьми! Надо держать равнение... Надо тянуться!..

Торжественная часть закончилась. Члены президиума покидали сцену. Пропуская вперед взрослых, Егор прислонился к стене. Чувствовал он себя стесненно, не знал, куда девать руки, не знал, куда смотреть. К нему подошел Дрозд.

— Ну, как настроение, герой? — спросил Николай Ефремович.

— Ничего,— сказал Егор,— нормальное.

— А как лом? Набрал тонну?

— Набрали.

— Когда?

— Как обещали, на другой день.

— А что председательница ваша?

— Ничего.— Егор запнулся и добавил: — Существует.

Дрозд едва заметно усмехнулся и перевел разговор на другую тему.

— Читал о твоем геройстве в газете. Хвалить не буду: тебя уже похвалили и сегодня честь оказали — хочу другое сказать: не распускай характер. Усваиваешь, о чем речь?

— Да,— сказал Егор,— усваиваю. Я сам — ничего, только меня выступать заставляют, и получается — вроде хвастаюсь...

— Кто заставляет?

— Вожатая Елена Николаевна сказала, чтобы на сборе у третьеклассников выступил. У них сбор называется «Будь смел, пионер СССР!». И еще из какого-то Комитета по радио приходили, говорят, надо в детской передаче рассказать... И в музыкальную школу звали...

— Действительно, трудное у тебя положение, Лукин, но не безнадежное. И вот что я тебе посоветую: выступай, выступай без стеснения, только не нажимай на то, как ты геройство проявил, а объясняй, *почему* ты на риск пошел. Усваиваешь?

— Не очень,— признался Егор.— Как это — *почему*? Человека убить могли, что ж мне, глядеть на это?

— Вот, вот, вот! Не глядеть, не глядеть, ни в коем случае не глядеть — правильно! А кое-кто ведь глядел. Так? Значит, не все еще понимают, что такое справедливость, что такое живая душа. Верно? Согласен?

— Согласен.

— И еще вот о чем подумай: на того пьяного ты случайно налетел, а мог бы его никогда в жизни и не встретить. Верно? А человека защищать надо всегда и всем. И не только от топора, но и от грубого слова, от злой насмешки, от вредной сплетни да мало ли еще от чего! Вот об этом рассказывай, Лукин. И примеры выбирай самые простые, чтобы ребята тебя слушали и думали: «Ну, что ж, так я тоже сумею». Тогда от твоих речей будет толк.

На этом они и расстались.

На другой день Елена Николаевна сказала Егору:

— Сегодня после уроков третьеклассники ждут тебя, Лукин. Готов?

— Откуда ж я готов?

— Как не готов? Мы ж договорились! Или ты собираешься доклад на три часа делать? Расскажешь, как с тобой все получилось, объяснишь, что так должен поступать каждый пионер,— вот и все.

— Нет,— сказал Егор,— так не годится. Так получится, что я хвастаться к ним пришел. А могло случиться, что мы тогда по другой бы дороге пошли и пьяного совсем не встретили. Правильно?

— Ну и что же? Что-то я тебя не понимаю.

— Очень просто. Разве людей надо только от пьяных защищать? А если кто-нибудь ругается, а другой слушает и молчит — это правильно? Или другой пример: вот один человек врет, а его никто не перебивает. А если над человеком насмешничают, просто так...

— Да ты, я вижу, все уже давно продумал! Молодец, Лукин. Значит, договорились: сегодня после уроков выступаешь. Есть?

— Ладно, Елена Николаевна. Только можно вам один вопрос задать, не по теме?

— Ну, что ж, спрашивай не по теме. Пожалуйста.

— Сколько вам лет, Елена Николаевна?

— Мне? Лет?! Не понимаю, какое это имеет отношение к твоему выступлению.

— Так я ж сказал, что не по теме спрошу.

— Ну, восемнадцать с половиной. И что же?

— Ничего, просто так. Мало вам еще лет, а все по отчеству называют. Николаевна! Все-таки чудно...

Лена смутилась. Ей и самой было чудно, что и взрослые и ребята с того самого дня, как она стала старшей вожатой, непременно обращались к ней официально: Елена Николаевна. Но таков был порядок, и Лене не оставалось ничего другого, как привыкать к порядку.

— А чем тебе, Лукин, мое отчество не нравится?

— Почему не нравится? Обыкновенное отчество.

Только чудно. Лет вам еще мало, а все, как старуху или как учительницу, называют.

— А по-твоему, просто Лена лучше?

— Еще бы! В тысячу раз лучше! — улыбнулся Егор.

— Ну и зови меня Леной, не возражаю.

Глава девятая

КОГДА ЧЕРНЕЕТ НЕБО

Егор Лукин не родился оратором, он не родился и педагогом, поэтому первые минуты встречи с третьеклассниками прошли не совсем удачно.

После того, как крошечная девчушка с косичками-жгутиками объявила собравшимся, что к ним в гости пришел пионер шестого класса «А» Егор Лукин, тот самый герой, который совершил на днях свой очередной подвиг, о чем он сейчас всем и расскажет, кто-то из малышей ужасно громко чихнул. Чихнул он совершенно случайно, но все дружно рассмеялись и долго не могли успокоиться.

Егор не умел таким звонким голосом, как Нина Крепкина, выкрикивать: «Тише, ребята!»,— у него не было опыта общения с малышами, поэтому он не сообразил минуту-другую переждать шум. В результате его вступительных слов никто не расслышал.

— И вообще никакого подвига я не совершал...— Вот первые слова, которые дошли до сознания аудитории.

И тогда ребятишки решили, что в их класс зашел просто не тот человек, которого им обещали показать. Самые бойкие вскочили со своих мест, собираясь тут же покинуть класс. Пожалуй, если б на выручку Лукину не подоспела Лена, сбор был бы немедленно сорван.

— Вы куда? — уверенно выкрикнула Лена.— Сейчас же самое интересное начнется.

И ребята успокоились, а Егор понял, что сию минуту он должен, просто-таки обязан сказать что-то особенное... Впрочем, что именно надо сказать, он понятия не имел.

— Так вот, многие из вас думают так: сначала вырасту большим и сильным, а тогда уже обязательно стану храбрым и очень смелым. Ну, а сейчас, пока я еще не вырос, могу быть таким, как есть. Скажу прямо: это неправильно! Смелым можно быть всегда. В любом возрасте и в любое время. Возьмем самый простой пример. Вот ты,— Егор решительно ткнул пальцем в маленького ушастого мальчонку,— как тебя зовут?

— Меня зовут Вова,— еле слышно пискнул в ответ ушастик. От неожиданности и смущения он покраснел и растерялся.

— Скажи нам, Вова, ты боишься темноты? Только честно говори. Честно ответить — тоже смелость!

— Боюсь,— признался Вова и покраснел еще больше — то ли от смущения, то ли от гордости, что ответил честно и, стало быть, проявил смелость.

— Очень хорошо! — обрадовался Егор. Больше всего он опасался, как бы этот ушастый Вова не встал и категорически не заявил: «Я вообще ничего не боюсь!» С великим облегчением Егор продолжал: — Сегодня ты придешь домой, Вова, залезешь в шкаф, плотно закроешь за собой дверки и просидишь в темноте ровно полчаса. И если сначала тебе будет страшно, повторяй про себя: «Я не боюсь, я не боюсь, я не боюсь...» — и не выходи раньше времени. Понял? Это самая простая тренировка. А смелость надо тренировать сначала на мелочах!

Предложение Лукина всем понравилось и было принято с большим одобрением. Это придало Егору новые силы, и он продолжал говорить чем дальше, тем увереннее:

— Вот я вас спрошу: что значит быть смелым? И отвечу: это значит подавлять в себе страх. Ясно? Все люди чего-нибудь да боятся. Только трус не может одолеть свой страх, а смелый человек может. А теперь пример. Вот ты...— На этот раз указательный палец Егора решительно остановился на девчушке с косичками-жгутиками.— Скажи нам честно, чего ты боишься, а мы подумаем, как сделать, чтобы твой страх прошел.

— Меня зовут Таня,— сказала девчушка с косичками-жгутиками,— больше всего я боюсь собаки Нельмы. Она всегда на меня лает, и у нее страшные зубы.

— Ясно! — сказал Егор.— Что, по-вашему, надо сделать Тане, чтобы никогда больше не бояться собаки Нельмы? Кто знает, поднимите руку.

Поднялось несколько рук.

— Ну ты, около окна, что ты предлагаешь?

— Я предлагаю: пусть Таня ходит по другой стороне улицы. Нельма ее не увидит и не будет лаять. А Таня не будет бояться. Я всегда хожу мимо аптеки, и Нельма...

— Неправильно, садись,— сказал Егор.— А ты как думаешь? — Теперь он указал на толстого мальчишку с аккуратной, коротенькой челочкой.

— Тане надо перестать бояться Нельму. Пусть она повторяет про себя: «Я не боюсь, я не боюсь, я не боюсь» — до тех пор, пока на самом деле не перестанет бояться...

— Неправильно. Ты? Вот ты, ты, со значком, говори.

— Нельма — дура. Я ее знаю. Она еще никого не кусала ни разу. Она просто так лает. Ей скучно на цепи сидеть, поэтому она лает. Пусть Таня Нельму не боится. Хотите, сейчас пойдем, и я буду таскать Нельму за хвост, и ничего!

— Он врет! — сказал Вова.— Ни за что он Нельму не тронет. А тронет, так она его сожрет вместе с портфелем. Нельма злющая, как зверь, потому ее на цепь и посадили...

— Ясно! — сказал Егор, почувствовав, что пришло время давать указания.— Так вот, запомните: всякая собака понимает, идешь ли ты к ней с добром или со злом. Собаки умные. Возьми, Таня, кусок колбасы или кость и иди к Нельме в гости. Когда станешь приближаться, смотри ей прямо в глаза и спокойно разговаривай с Нельмой. Как будто она вовсе не собака, а хороший человек. Говори ей: «Нельмочка, умная ты псина, я с тобой дружить хочу. Я тебе вкусной колбаски принесла. Не лай на меня, Нельмочка...» — или что-нибудь такое, похожее. И увидишь, собака поймет и перестанет на тебя лаять.

Все это Егор высказал с абсолютной убежденностью. Можно было подумать, что дрессировка злых собак — его главное занятие. Естественно, ему поверили. И только одна одинокая рука поднялась над классом.

— Ты чего? — спросил Егор.

Встал мальчишка вихрастый, бледненький с густой россыпью веснушек на носу. Заикаясь, сказал:

— А я па-апку своего бо-о-юсь. Он де-ере-ется и ругается. Та-ак к нему что-о... то-оже с ко-олбасой и-и-идти?

Класс грохнул в ответ дружным смехом. А Егор ужасно разозлился и, наверное, поэтому, совсем как Нина Крепкина, крикнул:

— Тише, ребята! Смеяться тут нечего. Как твоя фамилия?

— Моя фамилия — Нечкин, зовут Володя.

— Нечкин?

— Да.

— Твой отец в рыболовецкой артели работает?

— Ра-а-ботает.

— Ясно! Твоего отца я беру на себя.

И сбор, посвященный теме «Будь смел, пионер СССР!», пошел дальше.

Трудно сказать, насколько отвечало выступление Егора Лукина замыслам старшей пионерской вожатой Лены. Одно все же не вызывает сомнения: в этот день ребята узнали много нового и неожиданного. Герой шестого класса «А» очень убедительно, на самых простых примерах доказал: героями не родятся, героями делаются. И постоянная тренировка, постоянное усовершенствование собственного характера — в руках каждого...

Когда сбор кончился и ребята, очень довольные, разбежались по домам, Лена спросила Егора:

— А если Нельма искусает Танюшку, что тогда будет, Лукин?

— Почему это искусает? Что она, глупее всех собак на свете? Все собаки понимают, кто им друг, а кто враг, и друзей собаки никогда не кусают. Это точно! Не беспокойтесь, Лена, ничего не будет. Я отвечаю.

— Допустим,— сказала Лена.— Но это еще не все. Ты сказал Нечкину, что берешь его отца на себя. Интересно, что же ты собираешься делать?

— Очень просто. Я папашу Нечкина знаю, это он хотел наши цепи и якоря зажилить. Он — тип! Сначала попробую поговорить с ним. Если он Володьку и после этого хоть пальцем тронет, тогда потащим его папашу к председателю артели, не поможет — пойду к товарищу Дрозду: Нечкин Николая Ефремовича как огня боится!

— Счастливый ты человек, Егор! Все тебе всегда ясно, во всех случаях жизни ты знаешь, как поступать. Завидую тебе, Егор...

— А чего мне завидовать?

— Очень уж ты правильный человек.

— Это плохо?

— Почему плохо? Очень хорошо. Просто замечательно! — И Лена безо всякой передышки заговорила вдруг совсем о другом: — Послушай, Егор, у меня есть еще одно поручение, очень серьезное: изобрети для малышей какую-нибудь интересную затею. У тебя получится: ты выдумщик.

— Какую затею?

— Ну, игру какую-нибудь, экскурсию или еще чего-нибудь, чтобы им и интересно и полезно было. Такое дело, чтобы оно смелость развивало, инициативу, самостоятельность. Понимаешь?

— Ладно, я подумаю,— сказал Егор.

Вот, собственно, на этом и закончилась первая встреча Лукина с третьим классом. Это был конец сбора, но это же было начало целого ряда новых событий.

Вернувшись домой, Лукин обнаружил, что во входной двери торчит записка. Егор развернул тетрадочный листок в косую линейку и прочитал:

АССАЛК 3 ЗИ АЖЕРЕСАВОВ ХЫЛЕМС МОНАМАТА ТЫБШЕЧОХ ИМАНС ТИЖУРДЙАВАД? ХЯРЕВДАН ЕТЕЗАГ ВСИЛЯЕМС ЙОБОТДАН УМЕЧОП НИКУЛ РОГЕ.

Пожалуй, любой другой человек пришел бы в замешательство и отступил перед такой тарабарщиной. Но не надо забывать, что еще совсем недавно Егор был оперативным сотрудником и изобретателем сверхсекретных шифров. И ему, конечно, ничего не стоило решить такую пустячную загадку. Повертев листок в руках не дольше одной минуты, он прочел, следуя по строкам с конца к началу, следующее:

ЕГОР ЛУКИН ПОЧЕМУ НАДТОБОЙ СМЕЯЛИСВ ГАЗЕТЕ НАДВЕРЯХ? ДАВАЙДРУЖИТ СНАМИ ХОЧЕШБЫТ АТАМАНОМ СМЕЛЫХ ВОВАСЕРЕЖА ИЗ 3 КЛАССА.

24 СЕНТЯБРЯ

Смешной народ — третьеклашки. Лена сказала, чтобы я придумал для них какую-нибудь полезную затею. Какую, она и сама не знает. Я тоже пока ничего не придумал. Вся беда в том, что очень уж они малы еще. Какое им серьезное дело поручить можно — никакого! Но если хорошенько постараться и помочь, тогда, пожалуй, им военная игра подойдет. Например, штурм Теленевского маяка. Пусть сначала пошлют на гору разведку, пусть составят схемы маршрутов, и не по дороге, а по скрытым местам. Пусть штурмуют маяк двумя колоннами. И соревнуются, кто первым поднимет флаг на горе. Это им должно быть интересно. Трудно, конечно, но интересно. А если придумать такое, что нетрудно, то и интересно не будет.

Плохо, нет Андрея Максимовича. Он человек военный, понимает, как такие вещи делаются. И потом Андрей Максимович наверняка бы сказал Лене, что военная игра полезная. А другие — это уж точно!— обязательно начнут охать и ахать: «Хотите драку организовать...» «Детки расшибиться могут... А если сырой воды напьются?..» Но я все-таки попробую составить план штурма.

Чудаки из третьего класса прислали мне шифрованную записку. Интересно, откуда они мой адрес так быстро разузнали? И еще один факт странный: оказывается, эта дурацкая история с бюллетенем, где меня под руководством Нинки Крепкиной разрисовали, известна им со всеми подробностями. Вот публика!

Пожалуй, этих двоих — Вовку и Сережку — можно будет вполне назначить в разведку.

А что делать, если нам не хватит народу и для разведки и для штурма высоты двумя колоннами? Взять еще один третий класс или предложить нашим ребятам тоже принять участие? Конечно, Нинка поднимет крик: несерьезное дело, что оно дает, чему учит?!. А по-моему, все может получиться просто очень интересно и весело.

25 СЕНТЯБРЯ

Лена сказала: «В принципе я за военную игру, но надо еще посоветоваться». Ладно, пусть советуется! Интересно только, с кем она будет советоваться...

Был сегодня у Володьки Нечкина дома. Ну, живут! Как в берлоге!

Квартира, между прочим, в новом доме, обыкновенная квартира, но что в комнатах делается! Кровати в пять часов вечера не застелены, на столе целая куча грязной посуды, всюду какие-то тряпки раскиданы, и вонища — не продохнуть. Ну ладно, думаю: порядок не мое дело, об этом говорить не буду.

Вышел ко мне навстречу папаша Володькин. Лох-

— Гусь свинье не товарищ. Чего надо?

мятый, весь распухший. Такого на улице встретишь — убежишь.

Я сказал:

— Здравствуйте, товарищ Нечкин.

А он и говорит:

— Гусь свинье не товарищ. Чего надо?

Тогда я спросил:

— А кто гусь, товарищ Нечкин?

— Силен ты, парень, здорово даешь! Ну, положим, я гусь. Что дальше?

И начался у нас серьезный разговор. Главное, как только я спросил, почему он Володьку бьет и ругает, папаша Нечкин сразу завертелся:

— А он еще, такой и разэтакий, жалуется! Мало, значит, я его, дурака, учу! Совсем шкуру надо спустить. На кошельки содрать с него шкуру, чтобы не квакал. Спроси у него, сколько он двоек за две недели получил. Спроси, а потом скажешь, надо его по головке гладить или не надо. Дураков били, бьем и будем бить, пока не поумнеют. И не советую в это дело встревать, нечего меня воспитывать...

Тут я спросил:

— А где Володин стол?

— Чего еще? Стол ему отдельный? Что он, министр? Квартиры ему мало? Стол! Может, ему телефон еще поставить? Может, он без «Волги» учиться затрудняется? Так я ему и телефон и «Волгу» сегодня же ремнем нарисую. — И так он глазищами жутко зыркнул, что я сразу понял: нарисует. Вижу, надо менять тактику. Подъезжаю с другого бока:

— Как же Володя будет в таком ералаше заниматься? Вы только посмотрите, что у вас в комнатах делается! — Вот этого мне, наверное, не надо было говорить, от этих слов папаша Нечкин прямо как тигр сделался. Весь затрясся и заорал во все горло:

— Вон отсюда!

И так мне обидно стало, просто не могу передать. Я же ему правду говорю, а он лается. Не хотел я злиться. Когда шел к Нечкиным, слово себе дал, какой бы разговор ни вышел, злиться не буду. А тут вижу, не сдержаться мне. Руки холодными стали, веко задергалось. Еле-еле удержался, на последней ниточке.

— Ладно,— сказал я,— гоните, пойду. Только не туда, куда вы меня посылаете, а прямо отсюда отправлюсь к товарищу Дрозду. Пусть товарищ Дрозд вам объяснит, что нельзя бить маленького мальчишку, пусть он понюхает, чем у вас в доме пахнет. Может быть, вы его послушаете! А пока что будьте здоровы!

Я даже не ожидал, как на этого типа фамилия товарища Дрозда подействует. Ну все равно, что холодный душ. Сразу же успокоился. Интересно, почему он так товарища Дрозда боится? Видно, тут какая-то тайна есть.

26 СЕНТЯБРЯ

Лена сказала, что военную игру с малышами провести можно. Только для этого надо выполнить три условия. Старшие должны помочь третьеклассникам — это раз. Всей игрой пусть руководит кто-то из взрослых — это два. Взрослого надо найти такого, чтобы он был военным. Так интереснее — это три. И еще Лена сказала, что до начала игры надо составить подробный план и утвердить его у директора.

Потом я рассказал Лене, как ходил к Нечкину. Лена одобрила и спросила:

— А кто же подтянет Володю Нечкина? У него действительно есть двойки.

— У меня, Лена, педагогических способностей нет,— сказал я. И это самая настоящая правда.

— А если Володю Нечкина прикрепить к Нине Крепкиной? — спросила Лена.

Я сказал:

— Она объяснять мастер! И любитель—это точно!

— Ты зря, Егор, с Ниной не ладишь,— сказала тогда Лена,— у нее много положительных качеств.

— А кто вам сказал, что я с ней не лажу? Это она со мной не ладит. Пожалуйста, пусть учит Володьку, на здоровье.

И тут Лена сказала, что это правильно, что это принципиально: отступать для пользы дела перед личными взглядами и, как она выразилась, предубеждениями.

По-моему, я лично ни перед чем не отступил, но спорить с Леной не стал. Чего спорить, когда все и так ясно?

После уроков я попробовал поговорить с Борькой Барсовым и Валей Гогиным про военную игру для малышей. Ну, Борька, конечно, сразу же загорелся.

— А где оружие возьмем?

— Дурак,— говорю я ему,— какое оружие? Это же игра, и притом для маленьких. Тут надо, чтобы они разведку провели, на гору забрались — не по дороге, а по сложной местности. Кто первый флаг на маяке поставит, тот и победитель. При чем тут оружие? Для чего?

— Ты, конечно, Никул, очень умный и во всех вопросах разбираешься, как бог. Только я не согласен: без оружия военной игры не бывает. Тогда это не военная игра, а просто туристский поход.

— Ну, ладно, а что получится, если мы обыкновенный, как ты считаешь, турпоход назовем военной игрой? Пойми же: военная игра для малышей интереснее...

А он все равно свое.

Мы, наверное, целый час спорили. Но всего до конца так и не решили. Договорились пойти к капитану Самойлову. Может быть, он поможет составить план игры. Конечно, капитан милиции не разведчик, не танкист, но других подходящих знакомых у нас все равно нет.

Итак, Лукин взялся за дело. Ну, что ж, пожелаем удачи Егору и на время оставим его.

Дадим слово Нине Крепкиной.

24 СЕНТЯБРЯ

В школе у нас наступила какая-то полоса затишья. Никто ничем не интересуется. Все учат уроки, некоторые ходят в кружки и так далее, а в классе тишина. Прямо не класс, не коллектив, а какое-то болото. И посреди этого болота квакают только отдельные лягушки. Даже противно.

Мне говорят: «Ты просто придираешься к ребятам». Но где же я придираюсь и к кому? Вот совершенно конкретный факт. Решили послать подарки кубинским детям. Все проголосовали «за». Выбрали ответственных. Они сходили на «Краснодон», и первый помощник капитана сказал, что команда с удовольствием доставит наши посылки в Гавану. А дальше что? Кто-то что-то готовит: одна девочка вышивает коврик, Валя Гогин делает модель спутника, ребята из радиокружка начали собирать проигрыватель, но все движется медленно, вяло. Не хватает в этом деле настоящего огонька. А почему так получается, я и сама не пойму.

Вот когда в школу приходит такая полоса затишья, я прямо места себе не нахожу. Другим это, может быть, и безразлично, а мне нет. Я считаю, что только шумная, беспокойная жизнь в коллективе и есть настоящая жизнь. А все остальное — жалкое, недостойное человека, мещанское прозябание.

Мне лично очень бы хотелось быть всегда впереди, вести ребят на нужные и интересные дела. А иначе тоска....

Несколько дней назад — я тогда этого не записала, а сейчас почему-то вспомнила — Галя Фирсова стала меня допрашивать: что я думаю о Лукине, и какой он, на мой взгляд, человек, и что из него в конце концов должно получиться? Я сказала, что мне надоело думать о Лукине. И правда, не один же Лукин живет в нашем городе! Наверное, кроме него, есть еще тысяч шестьдесят человек, так стоит ли думать только об одном?!

Почему-то, когда я это сказала, Галя засмеялась.

— Ты чего? — спросила я.

— Просто так,— сказала Галя.

Все-таки она странная: молчит, молчит, а потом и спросит что-нибудь, ну совершенно несуразное или вдруг засмеется, смутится и сразу уйдет. Но это все мелочи. Подробности. Гораздо больше беспокоит меня наше болото.

25 СЕНТЯБРЯ

Кажется, вчера я была слишком пессимистически настроена. Нет! У нас в школе надолго не заскучаешь! Прекрасная новость! Егор Лукин принял шефство над малолетними третьеклассниками. Ничего себе! Егор учит жить маленьких, он дает им ценные советы по всем вопросам и объясняет то, что не берутся объяснить им учителя! Просто прелесть. И откуда я все это узнала? Вышла вечером во двор, хотела посидеть в беседке. А там просто митинг: собрались буквально все малыши и обсуждают выступление Лукина. У них, видите ли, был важный сбор, и на этом сборе Лукин делал доклад. О чем был доклад, я не совсем точно поняла. Но дело не в названии его выступления. Оказывается, он учил какого-то мальчишку сидеть в шкафу — так воспитывается смелость! И еще он советовал какой-то девчонке разговаривать с собаками! Но и это не все! Он обещал кому-то воспитать его отца! Ну, знаете ли, дорогие товарищи, это уж слишком! Помоему, от таких фокусов можно сойти с ума! Интересно, в курсе ли событий Елена Николаевна и что она думает предпринимать.

26 СЕНТЯБРЯ

Новоиспеченный маршал Лукин — он же бывший оперативный сотрудник Роге Никул — командует соединенными войсками третьего и... шестого классов!

В армию маршала Никула приглашены Боря Барсов и Валя Гогин! Храброму маршалу нужны знающие помощники — очень интересно! Готовится грандиозный план какого-то штурма. Все держится в строгой тайне. Согласна, пусть тайна, но, дорогие товарищи, не считайте тогда вашу затею общим пионерским мероприятием. И ни в какие планы, ни в какие серьезные дела вы меня не заставите занести вашу чепуху!

Попробовала о последних событиях поговорить с Еленой Николаевной. Но из этого ничего не полу-

чилось. Вместо того, чтобы ответить на мои вопросы, Елена Николаевна предложила мне «взять на буксир» отстающего третьеклассника Володю Нечкина. Я согласилась: это настоящее, пусть скромное дело, от которого пионер просто не имеет права отказываться.

Вот так и живем: товарищ маршал учит третьеклашек разговаривать с собаками, а я постараюсь объяснить им, как надо правильно писать по-русски и решать задачки по арифметике. Как говорится: «Ничто человеческое нам не чуждо!»

Двадцать седьмого сентября после уроков, как и было решено накануне, ребята отправились к капитану Самойлову. Капитан принял их в своем рабочем кабинете. Он слушал внимательно, не перебивал. И, когда все уже было сказано, деловито спросил:

— А карта у вас есть?

— Какая карта? — не понял Егор.

— Обыкновенная, двухкилометровка хотя бы.

— Карты нет,— признался Лукин,— а разве без карты нельзя?

— Какая же может быть война без карты? Эх вы, стратеги! — И Самойлов достал из сейфа лист карты с Целарской бухтой, Теленевским маяком, поселком Бахтач. — Вот местность,— сказал капитан и прихлопнул карту широкой тяжелой ладонью.— Ясно? Тогда помолчим немного и помозгуем. Штурм начинается отсюда.— Карандаш Самойлова уперся в черные кирпичики, обозначавшие Бахтач.— Так?

— Так,— сказал Боря Барсов.

— Плацдарм, который предстоит захватить, расположен вот здесь. — И карандаш переместился к площадке маяка. — Рассмотрим подходы. Восточный исключается: до него слишком далеко добираться. Южный труден, очень труден, хотя и короток...

— А как вы узнали, что с юга трудно? — спросил тихий Гогин.

— Очень просто. Видишь тоненькие коричневые линии? Это так называемые горизонтали. Обрати внимание, сюда горизонтали идут густо-густо. Это что значит? Значит, что крутизна ската здесь очень большая! Плюс прими во внимание эти мелкие зеленые завитушки — заросли. Тут не продраться. Ясно? Идем дальше. Юго-западный вариант лучше, западный совсем хорош, и северный снова исключается: с севера проходит дорога, а вы решили дороги объявить запретными зонами.

Капитан положил поверх карты обыкновенный лист писчей бумаги и стал намечать своим проворным, остро заточенным карандашом две возможные схемы подъема на маячную площадку. Прежде всего ребят поразила легкость, с которой капитан разбирался в хитроумных линиях и значках, густо населявших карту. Им пришлось по душе и то сосредоточенно деловое настроение, с которым действовал Самойлов. В эти минуты, проведенные в служебном кабинете начальника уголовного розыска, никто не подумал, точнее, не вспомнил даже, что они имеют дело с капитаном милиции. Им мерещилась ставка командующего фронтом, а сам Самойлов представлялся по крайней мере генералом армии...

Совещание продолжалось минут сорок и закончилось тем, что капитан, положив перед ребятами две аккуратно вычерченные схемы, сказал:

— А теперь нужна рекогносцировка, иными словами, разведка местности. Надо проверить, как там все на самом деле выглядит, и, если что не так — карты ведь тоже стареют и путают,— внести необходимые исправления в схемы. Все ли ясно?

— Все ясно,— сказал Егор,— только у нас еще один очень важный вопрос.

— Ну?

— Вы сможете командовать нашей игрой? А то Елена Николаевна — это вожатая наша — сказала, что без взрослого руководителя, военного, нам могут и не разрешить.

— На когда назначена игра?

— На субботу, начало в два часа дня.

— В субботу в четырнадцать ноль-ноль я занят, ребята, так что не смогу. Но если надо, готов откомандировать вам в помощь старшего сержанта Никольского. Он на войне был разведчиком и в таких делах получше моего разбирается. Ты, Лукин, знаком с Никольским, это тот самый мотоциклист...

Ребята поблагодарили капитана Самойлова и стали прощаться.

Егор взялся уже за ручку двери, когда капитан окликнул его:

— А ты, Лукин, задержись на минутку.

Егор вернулся к столу. И Самойлов спросил:

— Почему ты ни разу у Андрея Максимовича не был?

— Как не был? — не понял Егор. — Я заходил, его же нет...

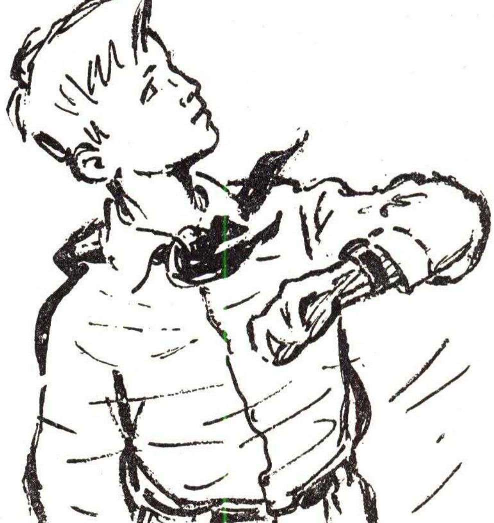
— Где нет? Ты куда заходил?

— Домой.

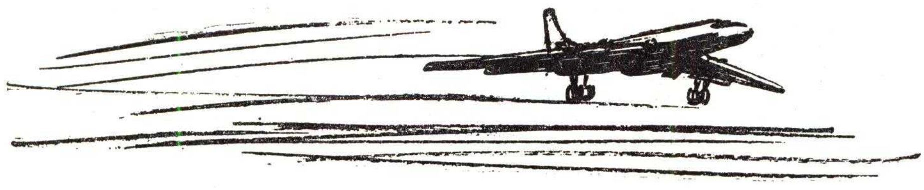
— Дома его нет, это я знаю. В больнице Андрей Максимович. И очень ему плохо, Лукин. Сердце совсем сдает.

— Андрей Максимович в больнице? А я думал, он туда... — Егор запнулся,— думал, он в Заполярье уехал. Я телеграмму видел. Телеграмма на столе лежала...

— Никуда он не смог уехать. Скрутило его, в воскресенье ночью «Скорая помощь» в больницу доставила.

«ИЛ-14» уходил точно по расписанию.

— Так я же не знал! Откуда я мог знать? Если б я знал...

— Теперь знаешь.

Через двадцать минут Лукин был в городской больнице.

Дом показался ему несуразно длинным. В конце концов он нашел пристройку и дверь со звонком. Но на его звонок долго никто не откликался. Егора начало уже знобить от волнения. Он нажал белую пуговку звонка во второй и третий раз. Дверь приоткрылась. Перед Егором стояла седая пожилая женщина в белом халате и белой накрахмаленной шапочке.

— Ты что, ошалел? Ты куда трезвонишь? Соображаешь? Это же больница! Ну?

— Простите, пожалуйста. Мне нужно к дежурному врачу.

— Зачем?

— Чтобы пройти к больному. Понимаете, я думал, он уехал, а он, оказывается, у вас. Его на «Скорой помощи» привезли. А я не приходил, потому что думал, его нет, а он здесь...

— Фамилия?

— Чья фамилия? — не понял Егор.

— Больного.

— Колесов. Полковник Колесов. Андрей Максимович.

— А ты кем будешь Андрею Максимовичу, мальчик?

— Я? Я его друг.

— Егорша?

— Да.

— Плохие дела, Егорша, совсем плохие наши дела, милый. Заходи...

Подробности почти не сохранились в памяти Егора. Сначала он шел куда-то через все белое, мимо стеклянных перегородок, по светлым кафельным полам с редкими коричневыми квадратиками. Потом он оказался в маленькой комнатке, тоже белой и тоже со стеклом. Комнатка была наполнена сладковатым, дурманящим голову запахом лекарств. Как он сел на круглую металлическую табуретку, Егор не запомнил вовсе.

— Не буду обманывать, Егорша. Крепись. Нет больше Андрея Максимовича. Нынче в шесть утра скончался...

Небо разом почернело. Комнатка куда-то повалилась. Потом небо в окошке снова стало голубым, а стены белыми и стеклянными...

— Вспоминал тебя Андрей Максимович. А звать не велел. Не хотел, чтобы ты раньше времени расстраивался. Я много чего на своем веку повидала, скажу откровенно: это был человек! Мало кто так помирает, большая редкость. Да-а. Знал, что уже не жилец, а все шутил. Погоди...

Седая сестра ушла куда-то и долго не возвращалась.

Егор сидел на прежнем месте и никак не мог понять, о чем это он думает: то ему почему-то казалось, что надо сейчас же пересчитать все пузырьки на полке, и он начинал считать, то вдруг пытался вспомнить, как зовут жену сына Андрея Максимовича, однажды он слышал ее имя от полковника, то вдруг совсем уже ни с того ни с сего представлял себе папашу Нечкина. Голова работала как-то странно. Казалось, он может припомнить сейчас все что угодно, кроме лица Колесова.

Вернулась сестра.

— На,— сказала она и подала Егору часы,— велел тебе отдать. Сказал: «Это Егорше. Память».

Егор сразу узнал часы. Штурманские, поношенные, на старом широком ремешке. И когда сестра стала надевать ему на руку эти часы, небо снова стало черным и комната опять куда-то повалилась.

— А сейчас не ходи к нему, сынок, не надо,— услышал он откуда-то издалека тихий голос седой сестры. — Живым его запомни. Так лучше. И поплачь, поплачь, не стесняйся...

Но плакать Егор не мог.

Он сидел и слушал, как стучали штурманские часы. Его часы. Они отсчитывали время. Часы жили, потому что время никогда не умирает. Так уж устроено на этом свете. И если из жизни уходит один хороший человек, на его место должен заступить другой.

Вот так. Вот так. Вот так... Часы шли. Время не останавливалось.

— Я пойду,— сказал Егор,— до свидания.

Он унес из больницы свое горе, свое первое большое горе. «Что делать?» — спрашивал себя Егор и не умел ответить. «Куда теперь идти?» Все равно. Не стоять же посреди улицы. И он шел, шел просто так, шел вперед. «Как жить?» И тут ему вспомнились слова Андрея Максимовича, сказанные однажды под вечер, когда красный ветровой закат глядел в широкие окна и легкие перистые облака летели с гор в море: «Жить надо честно, Егорша. Жить надо весело. Жить надо так, чтобы людям быть в радость, а не в тягость. Вот какая у нас задача». Задача? Так он и сказал тогда: «Вот какая у нас задача». А его нет и никогда больше не будет. Но задача осталась. И задачу эту надо решать — надо быть людям в радость, а не в тягость.

Егор остановился на перекрестке, поднес к уху штурманские часы: часы шли.

Время не умирает. Егор поднял голову. Небо было светло-голубым. Небо гудело: на север уходил рейсовый «ИЛ-14», точно по расписанию — минута в минуту.

(Окончание в следующем номере.)

БРАКОНЬЕР

М. ФИРСОВ

Рисунки И. Кузнецова.

Давно это было. Уж больше сорока лет прошло с тех пор, а я и сейчас все помню, как будто случилось вчера.

В то утро я долго искал нашего коня — Мальчика. А потом, подъехав к дому, я привязал его к забору в тенистом заулке. И тут же роем осыпали его крупные, жирные слепни. Они садились на храп, на грудь, на спину, на брюхо и больно, до крови, кусали. Мальчик фыркал, тер о забор головой, топал ногами, бил хвостом, нетерпеливо ждал хозяина.

Вышел из дома отец. Погладил Мальчика и спрашивает:

— Далеко ли, сынок, ходил за конем?..

— В Ласткине поймал. Да еле нашел. Там целый табун, забрались в ольшаник, стоят и дремлют. Смотрю, и наш тут...

— Жарко, они от слепней прячутся... Ишь, тварь какая кровожадная, так и липнет. Принеси ему, сынок, корочку хлебца, пусть пожует.

Я сбегал домой за хлебом и скормил его. А потом сломал ветку и стал отгонять ею слепней. А тех, что не улетали и жалили Мальчика, я бил ладонью.

Потом отец вынес хомут, запряг в телегу Мальчика и сказал:

— Поедем за житом, помогать будешь. Слава богу, девять лет, не маленький. Время и отцу с матерью помогать...

Я с радостью сел на деревягу править лошадью. Отец встал в телегу сзади, и мы помчались в Яровое поле.

— Убирать начнем с Бочага,— предупредил отец.

Я знал это самое каменистое поле в нашей деревне. Много было изломано на нем сох, плугов, борон, а еще больше сорвано поясниц у отцов и матерей. Тяжелая земля досталась на долю наших мужиков. «Все жилы вымотала. А если бросить ее, тогда надевай торбу за плечи да иди по белу свету...» — слышал я иногда от отца. И задумывался: мне было стыдно и страшно стать нищим.

— А почему у барина широкие поля и нет на них ни одного камня, почему он владеет землей один и у него полные амбары зерна?..— спросил я как-то у отца.

— Царь наградил господ хорошей землей,— сказал он,— а мужикам господа бросили обглоданную кость. Вот мы и грызем всю жизнь камни. Да ты, смотри, не ляпни где-нибудь невзначай. Урядник и так на нас косо смотрит...

Задумавшись об этом, я наехал на большой камень, телегу тряхнуло.

— Уснул, что ли, ты, растяпа?! — заворчал отец.— По мосту, смотри, не гони, а то, пожалуй, втрюкаешься в реку.

Я придержал Мальчика и шагом проехал мост. В речку лягушками прыгали деревенские ребята. Они увидели меня и закричали:

— Минька! Иди купаться! Пашка налима поймал. Во!.. Пол-аршина будет. Иди половим...

— Не могу. Видишь, занят.

А сам про себя думал: «Хорошо вам кричать, а кто отцу помогать будет?.. Я теперь, слава богу, взрослый, сам отец сказал».

Я знал свою узкую полоску и свернул на нее.

— Ну, а теперь слазь с коня, сынок, становись на телегу. Принимать снопы да укладывать будешь.

Отец стал подавать снопы. Я плотно укладывал их, и воз быстро поднимался, как новый сруб для колодца. Работать на жаре было трудно. Усатый ячмень лез мне под кожу занозами. Я быстро устал, лицо обливалось потом...

— Десятую бабку кладем, пожалуй, хватит... — бросая последние снопы, сказал отец и стал увязывать.

А потом взял коня за узду и, ловко петляя между камней, вывел воз на дорогу, но не заметил, как зацепил концом оси бабку. Зашуршали колосья, повалились снопы, а из них клубком выскочил и запрыгал зайчонок...

Позабыв про все, я во весь дух пустился за ним, накалывая босые ноги жнивьем. Изловчился и схватил-таки беглеца. Он был маленький еще — ну, с батькин кулак. В руках у меня он дрожал. Чтобы успокоить зверька, я спрятал его под рубашкой. Там он затих и сидел смирно всю дорогу.

Дома в сарае я нашел старый ящик, смастерил к нему дверцу из проволочной сетки и посадил в него длинноухого квартиранта. Домик я поставил в огороде под навесом, подальше от собачьего нюха и от озорного глаза ребят.

Каждый день по нескольку раз приходил я в огород, вытаскивал из гряды свежую морковь, срывал капустный лист и совал их в клетку, угощая русака. Первые дни заяц дичился, царапал и пытался укусить мою руку, забивался в угол и ничего не ел. А когда оставался один, старательно грыз зубами проволоку: ему хотелось на волю. Мать моя тоже заботилась о зайце. Возвращаясь с поля, она всякий раз приносила пучок

свежего клевера или прядь овса и отдавала мне:

— На, сынок, покорми своего трусишку. Скучно ему, бедному, в клетке: и попрыгать и порезвиться негде.

Шли дни, русачок рос и скоро привык ко мне. Он уже не прятался в угол и разрешал погладить себя по серенькой спинке. Из моих рук брал капустные листы, стручки зеленого гороха и яблоки. Сорву ему сладкий мирон, разломлю на кусочки — и в клетку.

— Ешь, косоглазый!..

И русак понимал меня. Он прижимал лапками кусочек яблока, резал его острыми зубами и играл губами, как на губной гармошке.

А еще любил мой русак молоко. Захочет пить — и давай барабанить лапками по жестяной банке. Или начнет бросать банку по клетке, точно в лапту играет. И все тогда знали в доме, что русак просит молока; как выпьет банку молока — успокоится...

— Слушай, сынок,— сказала однажды мне мать. — И на что он тебе, этот заяц? Снеси его барам. Возьмут детям для потехи. И может, раздобрятся, на рубаху дадут...

И правда, подумал я, заяц — хорошо, а рубашка новая — лучше.

— Да смотри, босой не ходи, надень мои полсапожки или отцовы старые сапоги, поясок подвяжи и голову гребешком расчеши,— наказывала мне мать, а потом положила серп на плечо и ушла в поле.

Скоро собрался и я. Взял грибную корзинку да материн платок. Открыл клетку и только хотел схватить за уши зайца, он забрался в угол, уперся лапками и не идет.

— Думаешь, мне не жалко тебя, дурашка? — говорю я ему. — Только там лучше тебе будет. Барчуки богатые, конфетами да пряниками кормить будут!..

Послушался зайчишка и сам влез в корзинку.

Пришел я к барскому дому, хожу вдоль забора, а во двор войти не могу: собак боюсь. Злые они были у помещика. Многих деревенских ребятишек, да и взрослых, метили своими зубами. Спасибо, прислуга увидела:

— Ты чего здесь, малыш, ходишь?

— Зайца барину несу, да собак боюсь.

Открыла девушка калитку.

— Иди смелее, не бойся. Они заперты сейчас!.. — И пустила меня на барскую кухню.

Кухня эта была большая, набеленная, как барыня, белая. Посуды на полках разной, словно огурцов на плетне. Кастрюли с ручками — от ведра и до наперстка, и все по росту поставлены, как золото блестят. Плита тоже белая, гладкая, вроде из конвертов сложена, а над ней железный зонтик подвешен, пар ловит. В плите дрова потрескивают, а на плите чего только нет, и все кипит, булькает и вкусно-вкусно пахнет. Стою я у порога, слюнки глотаю и думаю: «Вот где житье кухарке тете Паше».

А она была добрая, догадливая. Сняла со сковороды пирожок с мясом и сует мне:

— На, скушай...

— Спасибо, не хочу,— говорю.— Дома ел.

— Да я по глазам вижу: хочешь. Ешь, дурачок, пока барина нет...

Взял я пирог, съел, как ложку меду проглотил. Маловато, хорошо бы, думаю, еще.

— Ну как, понравились мои пироги?..— спрашивает тетя Паша.

— Горазд хороши и больно скусны,— говорю я и головой мотаю.

А тетя Паша добрая, еще дает пирожок.

— Ешь,— говорит,— дома такие не пекут.

Тут отворилась дверь в кухню, и вошел сам барин Николай Михалыч. В белом кителе со светлыми пуговицами, какие у железнодорожников бывают. И спрашивает:

— Кто тут меня ждет?

— Мальчик из Лудятина, зайца вам принес,— говорит тетя Паша.

— А вас не спрашивают, делайте свое дело. У него, поди, у самого язык есть...

Я развязал корзинку:

— Зайчика принес вашей милости. Сколько заплатите...

Лицо у барина нахмурилось, а усы ежовыми колючками встали. Взял он меня за ухо, тянет и сердито спрашивает:

— Признайся, плут конопатый, где зайца взял?

— В Яровом поле, на своей полоске поймал...

— Врешь, мерзавец, сам видел, как ты в нашей даче выводок разорил...

— Неправду говоришь, барин. Могу побожиться, на своей полоске поймал. Вместе с отцом ездил за житом, там и поймал...

— На твоей полосе и воробью негде спрятаться, не только зайцу...

— Не смейтесь, мы не виноваты, что у нас земли мало...

Косо поглядел на меня барин и говорит:

— О, да ты речистый, щенок, будешь. Хорошо, сейчас и я с тобой поговорю. Позвать ко мне Никиту...

Прибежал барский работник.

— Я вас слушаю, барин. Что прикажете?

— Принеси кнут. Браконьера будем учить!..

Никита вышел. А тетя Паша показывает мне рукой на дверь: уходи, мол, скорее, пока цел. Я схватил корзинку да и за дверь. А барин за мной. Выскочил на крыльцо и орет:

— Никита, держи щенка!..

Пустился я наутек. Махнул через изгородь — одна нога голая, потерял батькин сапог. Что тут делать? Спрятался я в кустах и реву, слез сдержать не могу. Спасибо еще дворнику. Как все поутихло, он мне сапог выбросил.

Прибежал я домой, места себе не найду.

— Ну, расскажи, — спрашивает мать, — сколько отвалил тебе барин за зайчика? Да, никак, ты плакал, и уши красные. Аль кто обидел тебя?

— Век я туда не пойду. — И рассказал матери, как меня за уши барин таскал и хотел кнутом выдрать.

Тут и мать, жалея меня, расплакалась, а отец на нее рассердился:

— Говорил я тебе: незачем посылать к живодерам!..

— Ох ты, горе мое! — вытирая слезы, причитала мать. — А я-то думала: на рубашонку дадут ему, совсем пообносилась рубашонка-то...

А отец обнял меня, поцеловал в лохматую белую голову и сказал:

— Терпи, казак, — атаманом будешь. Придет время — отольются этому волку овечьи слезы. А русака, сынок, пусти в поле: пусть живет на свободе...

Накормил я парным молоком русачонка и отнес в дальнее поле. Посадил на клевер, погладил по серой шкурке.

— Смотри, не попадайся барским собакам!..

Русак насторожил уши, понюхал медового клевера и дал стрекача...

А через год горело барское имение, мужики делили барскую землю.

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

Душистая приманка

Дорогая редакция!
Ответьте мне, пожалуйста, почему цветы пахнут?

Саша Глебов.
Москва

На этот вопрос ответить можно двояко. Во-первых. Цветы пахнут потому, что они вырабатывают особые химические вещества — эфирные масла.

Роза, гвоздика, ландыш, фиалка, сирень, черемуха пахнут различно потому, что в их цветках содержатся различные сорта эфирных масел.

Во-вторых. Цветы пахнут потому, что им надо приманивать насекомых. Насекомые переносят пыльцу с одного цветка на другой, а это необходимо для хорошего завязывания и развития семян. Без перекрестного опыления с помощью насекомых некоторые растения дают очень мало семян, а другие и совсем не дают.

О. СЕРГЕЕВ

Зубастые чемпионы

А еще мне хочется узнать: у кого больше всех зубов?

Саша Глебов

Смотря о каких зубах речь! Есть животные, у которых зубы вырастают один раз на всю жизнь, и, если зуб сломается, новый на его месте не растет. Среди таких животных первенство держит крокодил. У него во рту бывает до восьмидесяти четырех зубов.

Но даже самому зубастому крокодилу далеко до акулы. У нее зубы образуются не из кости, а из кожи и растут не только на челюстях, но и на языке, и на нёбе, и вообще по всему телу. «Зубы», которые по всему телу, у нее не для кусания, а для защиты, чтобы кожа была бронированной.

Зубы на акульих челюстях очень острые. Когда один ряд стирается, вместо него вырастает новый. Если сосчитать все зубы, которые вырастают у акулы, получатся многие сотни.

С. ШАНИН

Что когда светит

Почему днем светит Солнце, а ночью Луна?

Демченко Ира, Обухова Таня,
г. Вильнюс

У шуточного, придуманного писателями мудреца Козьмы Пруткова есть изречение: «Если тебя спросят, что важнее: солнце или месяц, ответствуй — месяц, ибо он светит ночью, а солнце — днем, когда и без того светло».

Вы, девочки, по-видимому, думаете, как Козьма Прутков, что Солнце светит днем, когда и без того светло. Но в действительности Солнце светит всегда, непрерывно, а день и ночь зависят от того, что Земля вращается вокруг своей оси. Не Солнце светит днем, а день наступает на той стороне Земли, которая в это время повернута к Солнцу.

Что касается Луны, то она вообще сама по себе не светит. Она только отражает солнечный свет. Если освещена та сторона Луны, которая повернута к Земле,— мы видим круглую Луну, полнолуние. Если солнечные лучи падают на Луну сбоку, нам видна половина круга. Когда же Солнцем озарена противоположная сторона Луны, Луну не видно ни днем, ни ночью.

Кстати сказать, Луна иногда бывает видна на небе и днем, но мы ее в таких случаях не замечаем, потому что этому мешает яркий солнечный свет.

Е. ВЛАДИМИРОВА

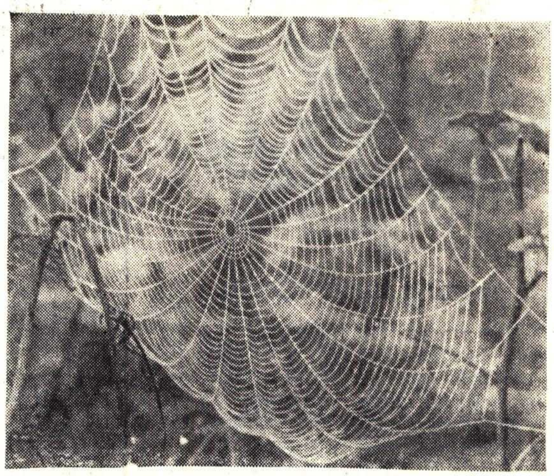

Паучьи хитрости

Дорогая редакция!

Почему паук не запутывается в собственной паутине?

Таня Трофимова,
г. Свердловск

Посмотри на фото. Видишь, как устроена паутина? Одни паутинки разбегаются лучами по радиусам круга, а другие протянулись между ними перемычками. Вот эти-то поперечные паутинки и служат ловушками: они липкие. По лучикам можно бегать сколько угодно. Паук знает, куда ставить свои ноги. А муха ведь влипает в паутину с размаху. Она, если бы и знала, не могла бы выбрать.

Когда паук ткет паутину, он выпускает нить из особых бородавочек на нижней стороне брюшка. В одних бородавочках вырабатывается клейкая нить, а в других — неклейкая.

С. УСПЕНСКИЙ

Тропики на полюсе

Дорогая редакция!

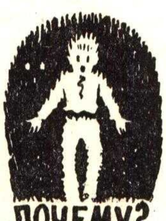
Когда я услыхала, что в Антарктиде есть каменный уголь, я была очень удивлена. Ведь уголь образуется из погибших лесов. Какие же могут быть леса под толстым ледяным щитом?

Клава Васильева,
село Верхневилюйск, Якутия

А знаешь, Клава, что сказали геологи, когда мы им задали твой вопрос? Как раз каменный уголь служит доказательством, что не всегда Антарктида была скована ледяным щитом в два километра толщиной. Многие миллионы лет назад ее покрывали густые леса гигантских тропических растений — глоссофтерий. Ты, наверное, теперь спросишь, как и почему могли расти в Антарктиде тропические леса. Это ученые объясняют по-разному. Одни предполагают, что земная ось, а значит, и полюса медленно перемещаются и что когда-то теперешние полярные страны находились в более теплом поясе. Другие считают, что перемещаются не полюса, а материки и что Антарктида постепенно «отъехала» на свое теперешнее место. А третьи думают, что раньше на земном шаре вообще не было резких различий в климате и на полюсах было тепло.

В северной полярной зоне тоже есть каменный уголь. Например, на Шпицбергене.

Е. РУБЦОВА

Страх страху рознь

Почему у человека есть страх? Объясните, пожалуйста!

Саша Глебов,
Москва.

Страх возник в незапамятные времена, и он играет в природе очень важную роль. Это охранитель от опасности. Чувство страха заставляет зайца убегать от лисицы, а лисицу — от охотника. В жизни наших первобытных предков страх играл такую же роль. Человек страшился всех непонятных явлений природы, потому что в непонятном он всегда подозревал опасность.

Но чем дальше человек уходил в своем развитии, чем богаче становились его знания, чем лучше он мог защищать себя от опасностей, тем он больше освобождался от страха.

В отличие от животных человек способен побороть страх даже перед смертельной опасностью, если это нужно ради какой-либо большой и благородной цели.

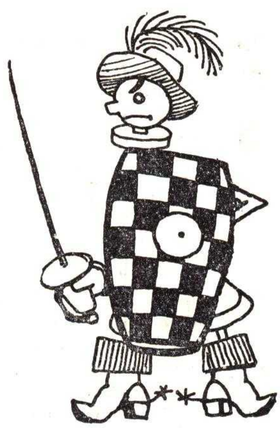
О. СЕРГЕЕВ

ПЕШКИН ШЛЕТ ВЫЗОВ...

Что это ты так нарядился сегодня, Пешкин? Как будто ты из книги «Три мушкетера» к нам пришел. Даже шпагу нацепил...

Что, всех ребят вызываешь на дуэль? На шахматную дуэль... Храбришься, а ребята тебя, наверное, обыграют. И как же ты думаешь эту дуэль проводить?

Ты предлагаешь вести сражение в двух шахматных позициях, которые ты принес. Ну, что ж, показывай свои позиции.

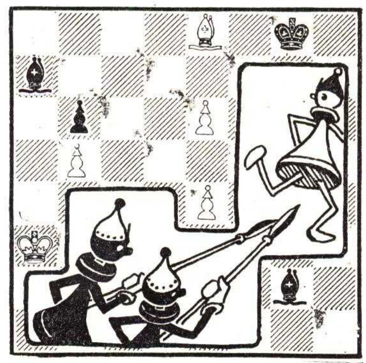
В этом положении ты хочешь играть черными. Хитер Пешкин.

Думаешь, что две ладьи наверняка сильней одной? Но ведь в шахматах все не так просто.

Как, ребята? Сейчас ваш ход. Неужели Пешкин одержит победу? Постарайтесь найти хорошее продолжение для белых.

Ну, а где же, Пешкин, твоя вторая позиция?

Ну что ж ты, дружище... На первой диаграмме у тебя лишняя ладья, а здесь лишний слон. И ты снова, конечно, взял себе черные фигуры.

Но ведь и здесь у белых есть сильная проходная пешка. Авось, она выручит. Не радуйся, ребята разберутся и в этом положении. Здесь тоже белые начинают игру.

Погоди, Пешкин, не торопись. Какие же условия шахматной дуэли ты предлагаешь? Значит, ты берешься выиграть черными в обеих позициях, а если ребята сделают в этих позициях ничьи, то это будет равносильно твоему поражению.

Ну что ж, подходящие условия. И еще ты предлагаешь: тех ребят, которые найдут ничейные варианты, наградить грамотами «ферзя и ладьи». Принимаем и это предложение.

Ждем, ребята, ваших писем. Участники шахматной дуэли с Пешкиным, к барьеру!

О ЗАОЧНЫХ ТУРНИРАХ

«Как это играют в шахматы по переписке? Я даже слыхал, что по переписке проводят большие турниры. Верно ли это?» — спрашивает в своем письме **Сережа Курочкин** из города Гомеля. Отвечаю тебе, Сережа.

Игра в шахматы по переписке известна уже очень давно. При такой игре противники посылают друг другу свои ходы по почте.

Самое раннее упоминание о шахматной игре по переписке относится еще к 1650 году. В одной старинной книге говорится, что «венецианские и славянские купцы, хотя и живущие в различных странах, имели обычай играть в шахматы по переписке».

В ту пору письма путешествовали очень долго. Гонцы везли их на лошадях из города в город, из страны в страну. Не мудрено, что партия по переписке продолжалась иногда десятки лет.

Даже в прошлом веке партия между двумя американскими шахматистами игралась шестнадцать лет. Они начали обмениваться письмами в 1859 году и закончили свою партию в 1875 году.

Ну, а теперь по переписке играют, конечно, во много раз быстрее. Так проводят турниры, матчи, даже командное первенство мира. Команда СССР является чемпионом мира и в этом виде шахматных соревнований.

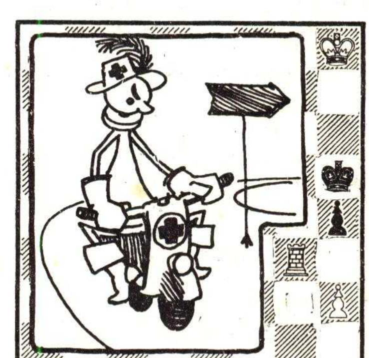
Турниры по переписке проходят немногим более года. В этих заочных встречах за шахматной доской можно получить спортивный разряд.

Кто из вас, ребята, хочет проверить свои силы в турнирах по переписке, во встречах с невидимыми противниками?

Скоро и мы начнем такие соревнования. Те из вас, кто решит принять в них участие, должны прислать нам письмо, в котором надо указать точный адрес и спортивный разряд (если он есть), надо также сообщить, сколько тебе лет и в каком классе ты учишься.

СКОРАЯ ШАХМАТНАЯ...

Вот куда ты так торопился, Пешкин! Смотри соблюдай правила шахматного движения, а то наедешь на какую-нибудь фигуру.

Ты собрался на Михайловский перевал? Далеко! Это ведь около города Геленджика, в Краснодарском крае. К кому ты едешь?

Хочешь помочь **Жоре Савченко!** Ну что ж, выручай друзей. Вот какое письмо прислал Жора.

«Помоги мне, Пешкин, решить одну задачу. Я ее решал-решал и никак не могу с ней справиться. Просто какая-то заколдованная задача».

Ничего, Жора, мы ее сейчас расколдуем. Ты просто не смог найти план атаки. А ведь задача решается в пять ходов, здесь нужно действовать обдуманно, по плану.

Прежде всего ясно, что в создании матовых угроз должен принять участие король белых, одной ладьей ведь не справишься.

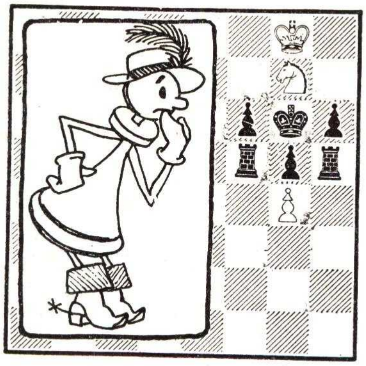
Вот и начнем осуществлять этот замысел:

1. Лg3-g8! Крh5-h6 2. h2-h3 Крh6-h5 3. Крh8-g7! Крh5-g5 4. Лg8-f8 Крg5-h5 5. Лf8-f5 мат.

Понял? А теперь сам найди, как достигается мат при первом ходе черных пешкой на h3. И еще один вопрос и тебе, Жора, и всем ребятам: почему надо играть ладьей именно на g8? Подумайте об этом.

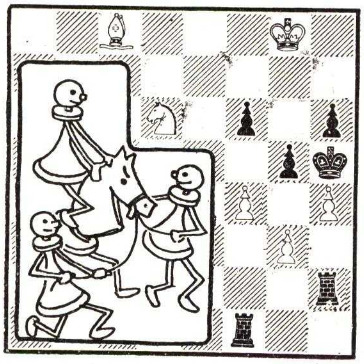
А теперь Пешкин торопится в Ростов-на-Дону. Оттуда просит помочь ему разобраться **Леня Волков.** Вот что он пишет: «Увидел я в книжке такую позицию. Как она может получиться? По-моему, это — невероятное положение».

Верно, позиция не из простых. Самое смешное в том, что черные

никак не могут при своем ходе избежать мата.

Но ничего невероятного в этой

позиции нет, Леня, и возникает она в финале остроумного этюда заслуженного мастера спорта Г. Каспаряна. Начальное положение этюда показано на нижней диаграмме.

Попробуйте, ребята, найти решение этого этюда, привести игру к позиции предыдущей диаграммы.

НАГРАДЫ МОИМ ДРУЗЬЯМ

Помните о моих задачах в журнале № 2? Вот как они решаются.

Задача № 1. Сa1-f6!

Задача № 2. 1. Крd2-c3!

А третья позиция при правильной игре белых заканчивается ничейным результатом. Черный король не может укрыться от вечного шаха, который дают белые кони.

Много писем прислали нам ребята с решениями этих позиций. За лучшие анализы награждаю грамотами «ферзя и ладьи» моих верных друзей **Витю Иванченко** (Волоколамск), **Сашу Гаевенко** (Киев), **Васю Соколова** (Ленинград), **Жору Савченко** (Краснодарский край), **Колю Гуцко** (Луганская область), **Мишу Асеева** (Москва), **Вову Кобелева** (Пермская область) и других ребят.

КТО ПРИВЕЗ С СОБОЙ КНИГУ?

Логическая задача

Пятеро мальчиков решили провести неделю в лесу. У каждого была своя палатка. Выбрав живописную лужайку, они расположили палатки в один ряд, а чтобы отличить одну от другой, каждый укрепил на передней стойке в виде своей эмблемы ветку избранного им дерева. Все обзавелись луками, а стрелы, чтобы не смешать свои с чужими, выкрасили в разные цвета. Все они были бывалые пионеры: четверо имели по одному нагрудному пионерскому значку (БГТО, «Юный турист», «Юный натуралист», «Юный техник»), пятый значка не имел, но зато это был лучший в городе горнист.

Нужно еще сказать, что в лагерь приехали они не с пустыми руками: один привез с собой походный радиоприемник, другой — книгу веселых рассказов, третий — фотоаппарат, четвертый — волейбольный мяч, а пятый — шахматы. Интересных занятий у них было вдоволь.

А вот еще несколько, с виду, быть может, и незначительных, но для решения задачи весьма важных подробностей.

1. Волейбольный мяч Сергей хранил у себя в палатке.

2. Палатка Виктора украшена была еловой веткой.

3. Илья стрелял синими стрелами.

4. В средней палатке поселился пионер, обладавший значком «Юный турист», а в крайней правой жил значкист БГТО.

5. Горниста звали Вадимом.

6. Пионер, стрелявший зелеными стрелами, привез с собой шахматы.

7. Палатка Олега находилась рядом с палаткой, украшенной березовой веткой, и другого соседа у него не было.

8. Пионер, выкрасивший свои стрелы в красный цвет, жил рядом с палаткой, где находился радиоприемник.

9. Палатка пионера, стрелявшего белыми стрелами, стояла рядом с палаткой владельца фотоаппарата.

10. Желтыми стрелами пользовался пионер, у которого был значок «Юный техник».

11. Палатка с рябиновой веткой, стоявшая с краю, находилась рядом с палаткой, украшенной веткой орешника, справа от нее.

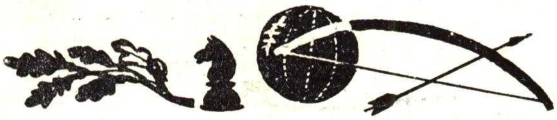
12. Дубовая ветка украшала палатку пионера, стрелявшего красными стрелами.

13. У владельца радиоприемника не было нагрудного значка.

Вот и все. А ответить надо только на один во-

прос: кто из этих ребят привез с собой книгу веселых рассказов?

Решай задачу с карандашом в руках. Для удобства сделай себе рабочую табличку и последовательно заполняй ее.

	Эмблема палатки	Имя пионера	Цвет стрел	Вещь	Нагрудный значок
1					
2					
3					
4					
5					

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 5

ЗАГАДОЧНЫЙ ЩИТ

Фраза «Что здесь написано?», которая составляется из выделенных букв, и представляет собою ключ к решению головоломки. Буквы, входящие в эту фразу, нужно вычеркнуть из зашифрованного текста. И тогда по буквам, которые останутся невычеркнутыми, легко прочитать слова, ставшие ныне крылатой фразой: «Нет уз святее товарищества» (Н. В. Гоголь).

Найди эти слова в повести Н. Гоголя «Тарас Бульба».

КТО С КЕМ РАЗГОВАРИВАЕТ!

Пес с Медведем
Мальчик с Рыбкой
Мышка с Ежиком
Утка с Девочкой
Заяц с Лягушкой

БУКВЫ-НЕВИДИМКИ

1. Из «Б» — «А» — изба. 2. Пе(ро) на «Л» — пенал. 3. Под «У» — шка (ф) — подушка. 4. «Ф» от «О»—фото. 5. За «Н»—(к)оза—заноза. 6. В «О» — «7» — восемь. 7. У «Д» — (б) очка — удочка. 8. «М» и «Р» — мир. 9. С «парта» — «К» — Спартак. 10. По «Л» — «К» — полк.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00401. Подписано к печати 21/V 1964 г. Тираж 579 200 экз. Изд. № 967. Заказ № 1172.

Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Многим из вас, ребята, наверно, нужны ноты-самоучители для игры на различных инструментах (гармоника, баян, аккордеон, гитара, фортепьяно и другие), сборники песен, книги по музыке для музыкального самообразования, учебно-педагогическая музыкальная литература.

Большой выбор такой литературы есть в московском специализированном **магазине «Ноты — почтой»**.

Те из вас, кто сам играет на различных инструментах, могут выписать на сумму, указанную вами в заказе, **«Библиотечку гармониста», «Библиотечку гитариста», «Библиотечку пианиста-любителя»** и следующую музыкальную литературу:

Кудрявцев А. **Самоучитель игры на аккордеоне.** «Советский композитор», 1961. Ц. 1 р. 60 к.

Онегин А. **Азбука баяниста.** Музгиз, 1962. Ц. 39 к.

Хрестоматия начинающего баяниста. Вып. 2. Составитель А. Басурманов. «Советский композитор», 1963. Ц. 1 р.

Юрьев В. **Самоучитель игры на семиструнной гитаре.** «Советский композитор», 1961. Ц. 1 р. 40 к.

Пионерские песни. Благообразов С., Грищенко К., Румер М. **Пение для 2 кл.** Музгиз, 1963. Ц. 35 к.

Музыкальный календарь школьника. 1964. Ц. 60 к.

Плакаты пионерских песен. Составитель Е. Бродская. Музгиз, 1961. Ц. 1 р. 15 к.

Праздник пионерской дружины. Песни для хора в сопровождении фортепьяно. Музгиз, 1962. Ц. 55 к.

Хоровые плакаты для юношеского хора. Составила Е. Бродская. Музгиз, 1960. Ц. 55 к.

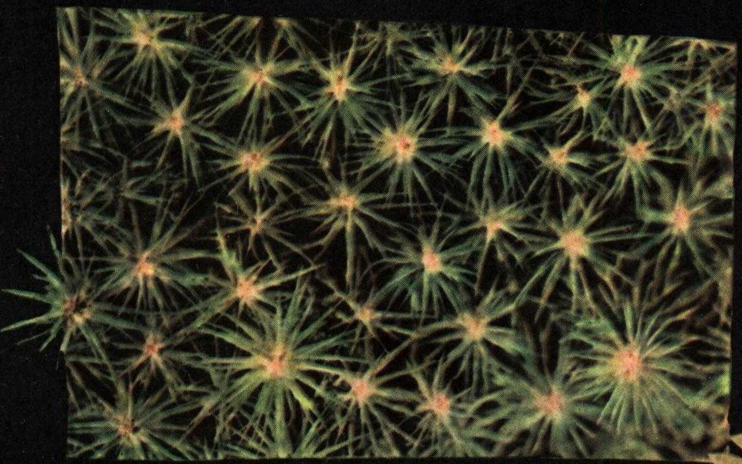
Хрестоматия русской народной песни. Для начальной школы. Вып. 1, Музгиз, 1960. Ц. 70 к.

Можно также выписать **альбом песен и танцев** для игры на различных инструментах.

Заказ будет вы́слан в короткий срок заказчику наложенным платежом, то есть оплачивать его придется на местной почте при получении.

Заказ шлите по адресу: **Москва, А-171, 1-й Новоподмосковный пер., дом 4,** магазин № 102 «Ноты—почтой».

Цена 25 коп. Индекс 70694

Эти снимки сделал фотограф-натуралист, большой любитель природы Захар Захарович Виноградов.

Кукушкин лен, кислица, заросли бузины, крапивы, папоротника, вьющаяся по стене ипомея...

Какой красивый узор образуют их листья! Вы думаете, это случайно! Просто так! Нет, листья в зарослях однородных растений «стараются» расположиться таким образом, чтобы не мешать друг другу в работе. А работа листьев — ловить солнечные лучи и с их помощью создавать в своих клетках-лабораториях «вещества жизни» — органические вещества.

Природные узоры листьев вы можете увидеть и сами, если будете хорошо смотреть, когда пойдете на прогулку в лес, в парк, в поле.

